

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС 77-21093**)

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.).*

2015

Ежеквартальное издание

№ 1

Основан в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)
доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**
доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*)
доктор исторических наук, доцент **Д. А. Смирнов**
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**
кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2015
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2015

ISSN 1993-3959

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093*)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidatas of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

2015

Quarterly

№ 1

**Founded in 2001 by the Council «Intelligentsia. Culture. Power»
of the Russian Federation**

Founded by Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Assoc. Prof. **Dmitriy Smirnov**, Dr. of History

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Subscription index
in catalogue «Press of RF»
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2015
© Ivanovo State University, 2015

Редакционный совет

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **В. С. Волков**, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург); **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный политехнический университет; **А. А. Данилов**, Институт Всеобщей истории РАН; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **О. В. Золотарёв**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепропетровский национальный университет (Украина); **И. В. Кондаков**, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); **М. И. Кондрашёва**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **Г. Н. Кочешков**, Ярославский государственный педагогический университет; **Д. А. Макеев**, Владимирский государственный университет; **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН (Москва); **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **С. Н. Полторак**, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций; **Д. И. Поливянный**, Ивановский государственный университет; **В. А. Порозов**, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; **Е. М. Раскатова**, Ивановский государственный химико-технологический университет; **А. В. Репников**, Российский государственный архив социально-политической истории (Москва); **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **А. А. Соловьёв**, Костромской государственный технологический университет; **В. Л. Соскин**, Новосибирский государственный университет.

Editorial board

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **V. S. Volkov**, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Polytechnical University; **A. A. Danilov**, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakin**, Moscow State University named after M. V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **G. N. Kocheshkov**, Yaroslavl State Pedagogical Institute; **I. V. Kondakov**, Russian State Humanitarian University (Moscow); **M. I. Kondrashyova**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **D. A. Makeev**, Vladimir State University; **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **S. N. Poltorak**, St. Petersburg State University of Telecommunications; **D. I. Polyvyanny**, Ivanovo State University; **V. A. Porozov**, Perm State Humanitarian Pedagogical University; **E. M. Raskatova**, Ivanovo State University of Chemistry and Technology; **A. V. Repnikov**, Russian State Archive of Social and Political History; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **A. A. Solovyev**, Kostroma State Technological Institute; **V. L. Soskin**, Novosibirsk State University.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Балдин К. Е.* Педагогическая интеллигенция
в провинциальном городе на рубеже XIX—XX веков
(На примере города Иваново-Вознесенска) 9
- Золотарёв О. В.* Советский Союз в 1930-е годы:
поворот в идеологии и историческое образование 28
- Околотин В. С.* Обоснование перехода от планового
продуктообмена к «свободной» государственной торговле
в исследованиях научной интеллигенции (1933—1936) 38
- Курасов С. А., Петровичева Е. М.* Повседневность
провинциальных вузов в 40-е годы XX века
(На примере Владимирской области) 53
- Емельянов А. А.* Рифмованный сленг интеллигенции
Великобритании 61

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Захарова О. В., Лапшина И. К.* Зимулина Лидия
Александровна: штрихи к портрету российского
историка-интеллигента 66
- Смирнов Д. А.* «...Как из подоженного магниевого
порошка»: прошлое на моментальном снимке в руках
интеллектуала 75

ДИСКУССИЯ

- Корнев С. А., Данилов А. А.* Одиночество интеллигенции:
страх утраты субъектности 88

ДЕБЮТ

<i>Кольчугина Ю. Ю.</i> Аналитические центры и эксперты как интеллектуальный ресурс в истории политических сетей в 2000-е годы	97
<i>Клюквин М. А.</i> Корейская интеллигенция накануне раскола страны	109

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Порозов В. А.</i> Четверть века вместе. XXV Международная научная интеллигентоведческая конференция в Иваново ...	120
Андрей Владимирович Квакин. 1953—2014	137
Валерий Степанович Волков. 1938—2014	140
<i>Аннотации</i>	142
<i>Информация для авторов</i>	150

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Baldin K. E.* Pedagogical intelligentsia in a country town
at the boundary of the 19th and the 20th centuries
(the example of the town of Ivanovo-Voznesensk) 9
- Zolotaryov O. V.* The Soviet Union in the 1930-s:
the turn in ideologies and historical education 28
- Okolotin V. S.* Justification of transition from planned product
exchange to the «free» state trade in the research work
of the scientific intelligentsia (1933—1936) 39
- Kurasov S. A., Petrovicheva E. M.* Everyday routine
of provincial higher education institutions in the 40-s
of the 20th century (the example of the Vladimir region) 53
- Emelyanov A. A.* Rhyming slang of the British intelligentsia 61

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Zakharova O. V., Lapshina I. K.* Zimulina Lidiya
Aleksandrovna: traits to a portrait of the Russian historian
and intellectual..... 66
- Smirnov D. A.* «...Setting fire to magnesium powder»:
the past in an instant picture in the hands of an intellectual 75

DISCUSSION

- Kornev S. A., Danilov A. A.* Loneliness of intelligentsia:
fear of subjectness loss..... 88

DEBUT

<i>Kolchugina Y. Y.</i> Analytical centers and experts as an intellectual resource in the history of political networks in the beginning of the XXI century	97
<i>Klyukvin M. A.</i> Korean intelligentsia on the eve of the split of the country.....	109

SCIENTIFIC LIFE

<i>Porozov V. A.</i> Being together for a quarter of the century. The 25th International scientific conference of intelligentsia studies in Ivanovo	120
Andrey Vladimirovich Kvakin. 1953—2014	137
Valery Stepanovich Volkov. 1938—2014	140
<i>Annotations</i>	146
<i>Information for authors</i>	150

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)53-283.2

К. Е. Балдин

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ (На примере города Иваново-Вознесенска)

История дореволюционной российской интеллигенции в отдельных регионах относится в современном интеллигентоведении к числу тем недостаточно изученных. Для сравнения отметим, что истории отдельных профессиональных групп интеллигенции в столицах ученые уделяли до сих пор значительно большее внимание. Изучение провинциальной педагогической, медицинской, технической интеллигенции, в частности, в пореформенный период (1861—1917 гг.) представляется значимым, т. к. для создания общероссийской многомерной картины необходимы исследования на уровне отдельных губерний, уездов, городов и даже на микроуровне. В этом отношении важно обратить внимание на довольно типичный для дореволюционного времени крупный промышленный центр, каковым был Иваново-Вознесенск. Наиболее многочисленным отрядом интеллигенции в городе являлись педагоги, которые далеко превосходили

© Балдин К. Е., 2015

Балдин Кирилл Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Ивановского государственного университета. kebaldin@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Образовательное пространство российской провинции и общественность в конце XIX — начале XX в.» № 13-11-37001.

медицинских работников и представителей технической интеллигенции, трудившейся на местных текстильных фабриках.

В конце XIX столетия в текстильном крае, как и в целом по России, завершался индустриальный переворот. В этих условиях владельцам промышленных предприятий требовались всё более многочисленные кадры рабочих. Приходившие из деревни первые поколения их, будучи неграмотными, еще могли удовлетворять тем несложным требованиям, которые предъявлялись к работникам, занятым на предприятиях мануфактурного типа с примитивной техникой. По мере усложнения производства фабрике уже был необходим грамотный персонал, поэтому Иваново-Вознесенская городская дума и Шуйское уездное земское собрание, в которых местные текстильные промышленники играли очень заметную роль, регулярно принимали решения об открытии всё новых начальных школ и ассигновании на их нужды значительных денежных средств. Текстильные фабриканты нередко занимали должности официальных попечителей этих учебных заведений, что морально обязывало их заботиться о материальном благополучии школ. В этих условиях учительство становилось всё более многочисленной профессиональной группой интеллигенции в промышленном городе, который, казалось бы, по определению не мог претендовать на звание культурного центра и не являлся губернской или даже уездной «столицей».

К 1917 г. в Иваново-Вознесенске насчитывалось 5 средних и 7 профессиональных учебных заведений, что необычно много для безуездного города. Больше всего в это время здесь было начальных школ — 25 образовательных учреждений. Практически каждое из них имело своего попечителя, многие из которых принадлежали к местной промышленной элите — Гарелины, Бурялины, Витовы, Маракушевы, Ямановские, Константиновы и др. Например, училище для детей мастеровых и рабочих долгие годы опекал Н. Г. Бурялин. В 1880-е гг. он отпускал на нужды этой школы по 300 р. в год, а за 1905—1908 гг. израсходовал на нее дополнительно еще 3 тыс. р. Кроме того, он регулярно приобретал для нее учебные принадлежности и различные хозяйственные мелочи. Окончивших школу Н. Г. Бурялин брал на свою Куваевскую мануфактуру. Тем, кому не нашлось на ней места, помогал устроиться на другие фабрики, рекомендуя своим соседям-фабрикантам¹.

М. Н. Гарелин охотнее помогал школам не деньгами, а «натурой». В частности, он покупал для «подшефного» 1-го городского приходского училища учебники, тетради, перья, сам подыскал для него подходящее помещение. Такая позиция объяснялась, вероятно, некой подозрительностью мецената, который не был уверен, что его деньги будут потрачены на то, что он сам считал нужным для данного учебного заведения².

В условиях быстрого расширения образовательного пространства в городе учителя являлись самой многочисленной и динамично увеличивавшейся профессиональной группой интеллигенции. Однако отдельные страты ее были весьма разнородны, различаясь по уровню заработной платы, степени социальной обеспеченности и по своему социальному статусу в обществе.

В 1915 г. в Иваново-Вознесенске насчитывалось 10 начальных школ, финансируемых городским общественным самоуправлением. В них служили 50 учителей, которые вели общеобразовательные предметы, 7 преподавателей гимнастики и пения, 5 — рукоделия и 1 — переплетного мастерства³. Одновременно в городе вместе с его рабочими окраинами функционировали 11 земских школ, в них трудились 60—70 учителей. Таким образом, в начальных народных училищах, финансируемых городской думой и земством, в годы Первой мировой войны работали, по самым скромным подсчетам, около 120 человек. Если к ним прибавить еще учителей других аналогичных школ — фабричных, церковно-приходских и высших начальных, то вместе с ними число педагогов в школах начального звена составляло 150—160 человек. Примерно столько же учителей работало в средних общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях Иваново-Вознесенска. В итоге общий контингент педагогов в городе составлял 300—320 человек. В данной публикации речь пойдет об учительстве только начальных школ — городских приходских, земских и высших начальных.

В обычной сельской школе в то время работал всего один педагог, преподававший гражданские общеобразовательные предметы, а также священник-законоучитель. Аналогичные училища, расположенные в городе, были в несколько раз больше по размеру, чем сельские, в каждом — по несколько человек педагогического персонала. Так, в 1-й Иваново-Вознесенской женской

земской школе трудились 4 учителя, в Заветяхинской — 5, во 2-й Ямской — 9, во Фряньковской — 10. В среднестатистической городской приходской или земской школе в Иваново-Вознесенске насчитывалось 6 педагогов, не считая законоучителя⁴.

Учителя начальных школ делились на несколько категорий. На иерархической лестнице, существовавшей в этой профессиональной среде, наиболее высокое положение занимали заведующие школами. Ниже стояли рядовые учителя, еще ниже располагались так называемые учительские помощники, которые проходили испытательный срок с целью определения их на должности штатных педагогов.

Первоначально, т. е. в 1860—80-е гг., учителя в городских приходских и земских школах были почти исключительно мужчинами. Но в последнее десятилетие позапрошлого века начался процесс сначала постепенной, а потом и всё более ускорявшейся феминизации педагогического труда. Несмотря на эту устойчивую тенденцию, руководители органов общественного самоуправления стремились к тому, чтобы в мужских училищах преподавали всё же мужчины, а в женских — женщины⁵.

О составе лиц данной профессии по полу наглядно свидетельствует список кандидатов на учительские должности, который велся в Иваново-Вознесенской городской управе с 1902 по 1910 г., он насчитывал 84 человека (большинство из них со временем заняли образовавшиеся в школах вакансии). Среди них удалось найти только 11 мужчин, причем 5 из них являлись священниками и диаконами, которые намеревались получить должности законоучителей. Таким образом, мужчины в начале века составляли всего около 7—8 % педагогов в начальной школе.

Тот же список кандидатов на места в городских школах позволяет судить об образовательном составе учителей, т. к. относительно большинства педагогов имеются сведения об окончанных ими учебных заведениях. Больше всего женщин — претенденток на вакантные места (54 чел.), являлись выпускницами Иваново-Вознесенской женской гимназии, в том числе ее 8-го педагогического класса, из них 5 человек завершили образование с золотой медалью. Это свидетельствует о том, что педагогическое поприще привлекало и лучших гимназисток. Несколько учительниц были выпускницами Шуйской женской гимназии,

по одному человеку закончили Владимирское, Костромское и Ярославское епархиальные училища, т. е. происходили из духовного сословия. Список дает возможность проследить складывание в городе педагогических династий. В нем фигурируют Ольга и Александра Сафонцевы — дочери Петра Сафонцева, старейшего иваново-вознесенского учителя, который много лет возглавлял одну из местных земских школ⁶.

Обобщая данные о составе педагогов начальной школы, следует констатировать, что параллельно с увеличением их численности происходили существенные изменения в структуре учительской корпорации, характерные, кстати, не только для отдельно взятого города. Наряду с коренными гендерными сдвигами в составе «учащих» (так их нередко именовали в официальных документах), нужно отметить значительное возрастание профессиональной мотивации в учительской среде. В 1870—80-х гг. в нее очень часто попадали выпускники духовных семинарий, которые пока не получили место священника и вынуждены были ожидать его, временно работая учителями. В начале XX в. большинство подававших заявления в городскую или земскую управу с просьбой принять на работу в школу, были намерены трудиться в ней на протяжении длительного времени. Большинство учителей в последние два предреволюционных десятилетия составляли выпускницы педагогических классов женских гимназий, где они получили весьма добротное общее образование. Однако, как нам представляется, профессиональная подготовка всё же хромала, т. к. педагогическому мастерству они обучались всего один год в выпускном педагогическом классе. Нужно также учесть, что педпрактика проходила в младших классах своей же гимназии. Когда они попадали в городскую приходскую или земскую школу, им приходилось иметь дело с совершенно иным контингентом учащихся — детьми из малообеспеченных семей, малокультурными, не привыкшими к дисциплине и не прошедшими достаточной социализации в семейной среде.

Учитель в начальной школе вел предметы, на которые отводилось абсолютное большинство часов в школьной программе, — русский язык, чистописание и арифметику, иногда — пение (если у педагога был голос, слух и желание преподавать эту

дисциплину). Закон Божий и церковно-славянский язык вел законоучитель. Изредка учителя брались за уроки рукоделия или огородничества. Чаще всего пение, рукоделие и гимнастику преподавали специально приглашенные педагоги, которые являлись (или считались) специалистами по этим предметам.

Земская статистика свидетельствует, что учитель давал в день по 4—5 уроков. При этом надо учесть, что урок в дореволюционной школе продолжался не как сейчас — 45 минут, а в среднем был равен астрономическому часу. На этом работа педагога отнюдь не заканчивалась, т. к. нужно было готовиться к следующему учебному дню. Такая подготовка, если учитель серьезно относился к своим обязанностям, даже у опытного педагогического работника занимала минимум два-три часа, а у новичка, только начинавшего осваивать курс, — вдвое больше. К этому нужно добавить еще проверку тетрадей. Таким образом, рабочий день учителя продолжался около 12 часов — в среднем с 8 часов утра до 8 часов вечера с перерывами на школьные перемены, обед и ужин. Для сравнения укажем, что в начале XX в. продолжительность рабочего дня на текстильных фабриках Иваново-Вознесенска составляла 9—10 часов.

Аксиомой является то, что школа не только учит, но и воспитывает. Воспитательная функция в ней до революции была возложена в значительной степени на законоучителей, т. е. священников, которые преподавали Закон Божий. На этих уроках осуществлялось не только религиозное, но и патриотическое, а также нравственное воспитание в духе христианских заповедей. Учитель общеобразовательных предметов также исполнял важные воспитательные функции, в том числе участвуя в различных массовых мероприятиях всероссийского масштаба. Так, в 1902 г. в соответствии с циркуляром Министерства народного просвещения во многих школах состоялись литературные вечера памяти 50-летия кончины Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. В 1912 г. широко отмечалось 100-летие Отечественной войны, а в 1913 г. — 300-летие царствования династии Романовых⁷.

В школах, расположенных в городах, культурно-воспитательные мероприятия становились всё более разнообразными. И. Волков, учившийся в Иваново-Вознесенском земском образцовом училище, вспоминал, какое неизгладимое впечатление

произвел на него коллективный поход в театр: «Однажды, на третьем году моего обучения, как-то зимой, учитель повел нас в городской театр. До этого я не имел о нем понятия. Здесь нам показали какую-то детскую пьесу, носившую название “Заколдованный замок”. Пьеса была полна разных превращений, провалов, исчезновений. Зрелище волновало меня. Не помня себя, я шел из театра домой, а потом целые месяцы грезил театром, вспоминая его как чудесный сон»⁸.

Некоторых педагогов рассматриваемого периода можно охарактеризовать как настоящих подвижников дела народного просвещения. Целесообразно кратко остановиться на биографических данных наиболее заслуженных учителей, которые десятилетиями лет трудились в Иваново-Вознесенске на ниве просвещения, сея, по словам поэта, «разумное, доброе, вечное».

Среди педагогов, работавших в иваново-вознесенских школах, следует особо отметить их заведующих, т. к. на эти должности назначали, как правило, наиболее опытных и авторитетных специалистов. 1-м городским мужским училищем сначала руководил В. В. Любимов, а затем С. А. Величинский, 1-м женским приходским училищем — В. А. Белтова, 2-м женским — Е. К. Мекж⁹.

Иначе как героической не назовешь жизнь Евдокии Климовны Мекж. Она воспитывалась в сиротском приюте, закончила школу, в которой впоследствии осталась работать, и уже в 16 лет сама учила здесь детей. В дальнейшем она стала заведовать этим училищем, пользовалась большой любовью и уважением сослуживцев и детей. Очень нелегко складывалась ее личная жизнь. После выхода замуж она не оставила, как большинство женщин, работу педагога, несмотря на то что родила шестерых детей. Муж ее ослеп и оставил службу, в дальнейшем его пришлось поместить в психиатрическую больницу в Костроме. Материальное положение семьи всегда было очень трудным¹⁰. Не случайно на здании этого училища (ныне Ивановского педагогического колледжа) установлена мемориальная доска в память Е. К. Мекж.

Одной из самых ярких личностей в общественной жизни Иваново-Вознесенска в конце XIX в. являлся Сергей Дмитриевич Смирнов. Он окончил в Москве Ремесленное учебное заведение, которое позже было преобразовано в Императорское техническое училище (ныне — Московский технический университет

им. Баумана). Вскоре он получил предложение работать в Иваново-Вознесенском училище для детей мастеровых и рабочих. Имея за плечами прекрасную профессиональную подготовку, будучи талантливым, приветливым и доступным, Смирнов сразу же занял в нем совершенно особое место. Он деятельно и добросердечно вникал в школьную и личную жизнь учеников, завоевал симпатии их и своих коллег по училищу¹¹.

С. Д. Смирнов никогда не сетовал на скромное жалование, говоря: «Если судьба занесла меня сюда, то я, во всяком случае, должен быть полезным». Его избрали делопроизводителем попечительного совета училища, определив за это особое жалование в 70 р. в год. Но он отказался от весомой прибавки к своим доходам, попросив потратить эти деньги на преподавание в училище церковного пения, которое очень любил. Жизнь Смирнова не ограничивалась одними школьными делами. Фабриканты сразу обратили внимание на высокообразованного человека, приехавшего в Иваново-Вознесенск, и «запрягли» его в общественную работу. Он деятельно исполнял обязанности секретаря местного отдела Императорского Русского технического общества, вел дела в комитете, руководившем местной общественной публичной библиотекой. Прекрасно владея искусством публичной речи, он выступал по поручению местных промышленников на различных собраниях. Амплуа С. Д. Смирнова в провинциальном городе можно с полным правом охарактеризовать полузабытым термином «культуртрегер»¹².

Другим ветераном педагогического труда являлся Кузьма Алексеевич Жаров. Будучи сиротой, он провел свое детство в Московском воспитательном доме, после этого окончил учительскую семинарию в Москве, работал сначала в училище при фабрике братьев Гарелиных, а потом во 2-й земской мужской школе Иваново-Вознесенска. Трудиться приходилось в очень тяжелых условиях, училище было катастрофически переполнено, по его словам, в классе «вообще невозможно повернуться». Приходившие в школу родители удивлялись, как учитель не глохнет от крика десятков детей, резвящихся на перемене, и спрашивали его: «Как Вы с ними справляетесь? Сподоби Вас Господь!»¹³

Музыку в Шереметевской мужской земской школе преподавал Е. Ф. Кнорре. Помимо хорошо спевшегося хора, в школе

был организован из подростков полноценный оркестр, состоявший из струнных, духовых и ударных инструментов. Для него было приобретено 12 скрипок, 2 флейты, 5 кларнетов, 1 тромбон, 2 корнет-а-пистона, 1 барабан и даже особые инструменты для исполнения «Детской симфонии» Гайдна, а также довольно значительная нотная библиотека. Оркестр был способен исполнять достаточно сложные вещи. Он выступал при посещении Шереметевской школы владимирским губернатором, во время выпускных экзаменов, а также на детских утренниках¹⁴.

В то же время в педагогической корпорации Иваново-Вознесенска встречались и случайные люди, которые приносили народному образованию больше вреда, чем пользы. В начале XX в. в городском приходском училище на ул. Негорелой гимнастику преподавал человек (фамилию его в источниках найти не удалось), педагогические приемы которого не укладывались ни в какие рамки. Он осыпал не слишком понятливых детей площадной руганью и даже применял к ним меры физического воздействия. Это стало достоянием общественности. О таком случае педагогической девиации сообщала своим читателям газета «Старый владимирец», она же поместила по поводу этого сатирические стихи¹⁵. Хотя они не отличались литературными достоинствами, но зато выносили на суд общественности факты, которые не могли быть терпимы в педагогической среде:

«Гимнаст» из школы с Негорелой
Так увлекается порой,
Его объекты обучения
Идут избитые домой¹⁶.

Для того чтобы труд учителя был эффективным, необходимо было постоянно повышать его профессиональную квалификацию. Органы местного самоуправления проявляли большую заботу о том, чтобы постоянно поддерживать знания, умения и навыки педагогов на уровне передовых достижений науки. Возможность устраивать курсы повышения квалификации более или менее регулярно появилась только с конца 1890-х гг. До этого, в 1880-х и первой половине 1890-х гг., в условиях консервативного внутриполитического тренда добиться разрешения на проведение курсов было невозможно. С 1 по 15 августа 1898 г.

в Иваново-Вознесенске прошли курсы, которыми руководил инспектор народных училищ Шуйского уезда И. Ф. Любимов. Лекции и практические занятия на них вел преподаватель русского языка из Омского кадетского корпуса К. В. Ельницкий, известный своими научными работами по педагогике и методике, на эти курсы собралось со всего уезда 53 человека¹⁷.

С 1 по 19 августа 1902 г. очередные курсы были посвящены первой медицинской помощи, которую педагоги могли оказать школьникам. На них с учителями встречались известные иваново-вознесенские врачи С. Я. Дорогов и С. А. Чернобровцев, рассказавшие о симптомах гриппа, кори, скарлатины, малярии и других болезней, о необходимости привития оспы, о помощи при отравлениях и т. п.¹⁸

Летом 1913 г. земство провело краткосрочные курсы по методике преподавания арифметики и русского языка в начальной школе. На них собрались несколько десятков человек, из них 14 работали в земских школах Иваново-Вознесенска и его пригородов¹⁹. Характерно, что земство уделяло гораздо большее внимание повышению квалификации своих учителей, чем органы городского самоуправления. В конце XIX — начале XX в. Иваново-Вознесенская городская управа ни разу не проводила таких мероприятий, больше полагаясь на стремление педагогов к самообразованию.

Однако гласные Иваново-Вознесенской городской думы и служащие управы хорошо понимали необходимость для народного учителя постоянно повышать свою профессиональную квалификацию. Используемые методы для достижения этой цели отличались от тех, которые практиковало земство. Городские деятели считали, что для педагогов особенно важно самообразование, бывшее очень популярным в среде интеллигенции на рубеже XIX—XX вв. Для того чтобы педагоги читали специальную литературу, расширяли свой общекультурный кругозор, Иваново-Вознесенская дума в начале XX в. приняла решение финансировать подписку учителей на различные периодические издания. «Учащие» не преминули воспользоваться представившейся им возможностью.

Например, во 2-м городском мужском приходском училище они выписали на 1911 г. такие издания, как газета «Русское слово» (годовая подписка стоила 7 р.), «Русское богатство»,

относившееся к типу так называемых толстых литературно-общественных журналов (9 р.), очень популярный иллюстрированный еженедельник «Нива» (8 р.). Заинтересовали учителей и специальные педагогические издания: «Русская школа» (6 р.) и «Для народного учителя» (2 р. 50 к.). На те же повременные издания подписались и учителя из 1-го женского городского училища. Механизм подписки был довольно простым: учителя представляли квитанции в городскую управу, которая их оплачивала²⁰. Следует обратить внимание на общественно-политические предпочтения провинциальной интеллигенции. Среди выписанных журналов нет ни одного консервативного издания, особой популярностью в этой среде пользовалась московская либеральная газета И. Д. Сытина «Русское слово» и либерально-народнический журнал «Русское богатство».

Вероятно, такая «тенденциозность» в предпочтениях местных педагогов обеспокоила городских гласных. С 1911 г. в школах стали составлять предварительные списки газет и журналов, которые собирались выписать учителя, затем дума рассматривала их и утверждала. Эта самодеятельная цензура на муниципальном уровне вызвала законное недовольство педагогов²¹.

Городская управа также заботилась об обеспечении учительского персонала соответствующей методической литературой. В 1911 г. были приобретены и розданы книги замечательного русского педагога Вахтерова «На первой ступени обучения» и «Планы и конспекты уроков для обучения письму-чтению по букварю», а также книга Анастасьева «Народная школа. Руководство для учащихся в начальных училищах»²².

Важнейшим показателем благосостояния учителей был уровень их доходов, которые у большинства более чем на 90 % состояли из жалования. Заработная плата учителей на протяжении всего рассматриваемого периода постепенно возрастала. К сожалению, в доступных нам источниках нет данных об их жаловании в 1870-х гг. Что касается следующего десятилетия, то в это время педагог начальной школы получал в месяц 20 р., а в год — соответственно 240 р. (в документах того времени чаще указывается размер не месячного, а годового жалования). В начале 1890-х гг. заработная плата была установлена в 300 р., для помощника учителя — 200 р., для законоучителя — 150 р. (уроков у него было значительно меньше,

чем у учителя). Затем на протяжении довольно длительного периода уровень заработной платы не менялся²³.

Существовавшая в это время система оплаты первоначально не отличалась справедливостью. Одинаковое жалование получал и опытный учитель, трудившийся десятки лет, и выпускница гимназии, только что пришедшая на работу в школу. В связи с этим в 1898 г. городская дума приняла решение каждые 5 лет делать прибавки к годовому жалованию по 50 р. Таких прибавок было шесть, следовательно, опытный учитель мог рассчитывать на жалование в 600 р. (50 р. в месяц), т. е. в два раза больше базового²⁴.

В земских школах в 1880-х гг. заработная плата педагога составляла 300 р. в год, т. е. несколько больше, чем в городских приходских школах. В 1890-х гг. она варьировалась от 300 до 400 р., т. к. земство стало вводить прибавки за стаж. К началу XX в. прочно вошли в практику четыре прибавки по 60 р., которые вводились через каждые 5 лет; таким образом, максимальное жалование, которое мог получить учитель со стажем более 20 лет, составляло около 600 р.²⁵

Помощники или помощницы учителей в городских приходских училищах получали в конце XIX в. только 180 р. в год. Это было логично, т. к. они фактически проходили испытательный срок перед назначением на должность штатного учителя. Еще меньше было жалование у преподавателей предметов, которые считались второстепенными. Учителя пения и гимнастики получали всего по 75 р. в год. Правда, педагогическая нагрузка у них была небольшой, и они могли работать одновременно в нескольких школах²⁶.

Всё познается в сравнении, поэтому стоит указать, что в это же время в Иваново-Вознесенске на местных текстильных предприятиях рабочий средней квалификации получал 230 р. в год, а жалование в 600 р. имели высококвалифицированные рабочие и служащие среднего звена. Таким образом, оплату труда штатных учителей начальной школы следует признать если не щедрой, то, по крайней мере, более или менее удовлетворительной²⁷. Также в порядке сравнения упомянем, что сторож школы, обязанности которого были не очень сложными и обременительными, получал 132 р. в год²⁸.

Интересно сравнить зарплату учителей с жалованием других земских служащих. Если педагоги в Шуйском уезде

в 1880-х гг. получали в среднем 240 р., то фельдшеры — 360 р., врачи — 1500 р. в год. Особенно впечатляющими были заработки руководящего состава земства: председатель уездной управы получал 2500 р., члены управы — от 800 до 1000 р.²⁹ Педагоги в средних общеобразовательных учебных заведениях зарабатывали также значительно большее жалование, чем их коллеги в начальной школе. Если в начале XX в. учитель земского или городского приходского училища при большом стаже получал 600 р., то рядовой преподаватель гимназии или реального училища — около 1500 р., а директор — 5000 р., т. е. в восемь раз больше³⁰.

В начале XX в. упомянутые выше прибавки, сделанные к учительскому жалованию в конце предыдущего столетия, были в значительной степени съедены усиливавшейся инфляцией. Губернская газета в статье, посвященной положению педагогов начальной школы, высказывалась за существенное повышение их жалования и сообщала, что некоторые из них вынуждены подрабатывать где-либо на стороне. Автор корреспонденции считал, что зарплата учителя в городской начальной школе должна быть не ниже 1200 р. в год³¹. Признавая справедливость этой критики, следует констатировать, что изложенная здесь позиция носила умозрительный характер, журналист не имел представления о том, в каком состоянии находились муниципальные бюджеты, их нельзя было свести без дефицита при таких расходах на зарплату.

В обеспечении педагогов произошли важные сдвиги, когда в российской школе с 1908 г. начало постепенно вводиться всеобщее начальное обучение. Министерство народного просвещения стало ежегодно отпускать городу Иваново-Вознесенску дотацию в 12 тыс. р., в том числе на зарплату каждому учителю из казны полагалось 360 р. в год. Это была базовая зарплата, назначаемая для тех, кто не имел необходимого стажа работы. Что касается прибавок, то их выплачивали уже из городского бюджета³². Аналогичная система начисления жалования (базовые 360 р. от казны и прибавки за стаж от органов местного самоуправления) была введена и в земских школах.

Жизненный уровень педагогической интеллигенции определялся условиями не только труда, но и быта. В этом контексте очень серьезной проблемой для учителей в городе был пресловутый квартирный вопрос. В сельской местности «учащие» обычно

бесплатно пользовались квартирами, которые были предусмотрены в зданиях сельских школ. В городе при многих училищах такое жилье для педагогов отсутствовало, и они снимали квартиры или комнаты у местных жителей. Между тем, квартирная плата в условиях нарастающей урбанизации росла в городах даже быстрее, чем цены на товары первой необходимости. Поэтому в конце XIX в. были введены выплаты так называемых «квартирных» для учителей как городских приходских школ, так и тех земских училищ, которые находились в городской черте.

Для рядовых учителей городских приходских училищ «квартирные» составляли накануне Первой мировой войны 240 р. в год, а для заведующих школами — 300 р.³³ Обратим в этой связи внимание на позицию городского самоуправления, которое считало, что руководители школ должны иметь более дорогое и, соответственно, более представительное жилье.

По этому показателю положение земских учителей, работавших в городе, было заметно хуже. Характерна просьба, поступившая в 1907 г. в Шуйскую земскую управу и подписанная практически всеми земскими учителями города Иваново-Вознесенска. Они сообщали, что в последнее время особенно значительно поднялись цены на арендуемое жилье. За более или менее сносную квартиру приходилось платить по 8—10 р. в месяц, в то время как земство отпускало учителям очень скромные квартирные деньги — 50 р. в год. Учителя убедительно просили увеличить эти выплаты, в ответ гласные уездного земства сочли возможным повысить их до 75 р. В годы Первой мировой войны земские квартирные дотации были доведены до 120 р. в год, но всё равно они были в два раза меньше, чем у педагогов городских приходских школ³⁴.

В то же время в начале XX столетия у некоторых земских учителей появилась реальная возможность увеличить свой заработок. В это время органы самоуправления стали повсеместно открывать народные библиотеки, они возникали, как правило, при школах. За заведование ими полагалась определенная плата в зависимости от графика работы читален и от размера читательской аудитории, которую они обслуживали. В одних случаях жалование учителей за заведование читальней составляло всего 25 р. в год, в других — 120 и даже 180 р.³⁵

Наконец, у некоторых земских педагогов, кроме жалования, имелся еще один, довольно существенный источник дохода. В начале века, когда земство строило новые школьные здания, то рядом с каждым заранее предусматривался участок, отведенный для огорода и сада. Весь урожай, произрастававший здесь на деревьях, кустарниках и грядках, поступал на стол педагога. В Иваново-Вознесенске такие сады и огороды имелись при Завертяихской, Шереметевской и Рылихской школах³⁶.

Несмотря на возможности земских учителей получить прибавку, работая библиотекарем, или собрать урожай со школьного участка, служба в городских приходских школах была более привлекательной, чем в земских (как, впрочем, и церковно-приходских), по причинам материального свойства. Поэтому в конце XIX — начале XX в. можно наблюдать некий дрейф педагогических кадров в городские училища из школ других типов. Например, в 1898 г. подал просьбу о переводе из Шереметевского земского училища в 1-е городское мужское Леонид Васильев. В 1901 г. просил перевести его из Кирилло-Мефодьевской церковно-приходской школы в 1-ю городскую мужскую Василий Миловидов, туда же и тогда же просился на работу Сергей Миловидов из Шереметевского училища³⁷. Эти примеры касаются переводов только внутри города, одновременно поступали аналогичные просьбы и от педагогов сельских школ.

Вышеприведенные факты позволяют обоснованно утверждать, что органы местного общественного самоуправления постоянно старались улучшить материальное положение педагогов. При этом они отчетливо понимали, что оно всё равно не дотягивает до тех стандартов, которые можно охарактеризовать как достойные. Долгие годы местная общественность в лице городских дум и земств пыталась решить этот вопрос сама, без помощи со стороны казны. Однако в период третьей ионьской монархии, когда государство повернулось лицом к проблемам народного просвещения, казна не только стала финансировать строительство школ, но и взяла на себя выплату базового жалования земским учителям. В свою очередь, прибавки за стаж платили педагогам местные органы общественного самоуправления.

Сравнивая деятельность различных органов самоуправления, можно заметить любопытную закономерность, заключавшуюся

в том, что городские гласные были заметно щедрее в отношении учебных заведений Иваново-Вознесенска, чем депутаты Шуйского уездного земского собрания. В какой-то мере понять последних можно, они не считали социокультурные учреждения в «Русском Манчестере» в полной мере «своими» и гораздо охотнее ассигновали деньги на развитие учебных заведений в городе Шуя и в сельской местности уезда, считая, что о развитии школы в Иваново-Вознесенске должна заботиться городская дума. При этом нельзя не упомянуть о том, что Шуйское уездное земство не забывало собирать очень значительные налоги со всех возможных недвижимых имуществ в Иваново-Вознесенске.

В целом сравнение уровня жизни городских и земских педагогов приводит к выводу о том, что в городских приходских училищах положение их было всё же несколько лучше. Именно поэтому на рубеже XIX—XX столетий наблюдается не очень заметный, но всё же уловимый, по делопроизводственным документам, дрейф земских учителей в городские школы. Причем, вероятно, это объяснялось не только материальными причинами, но и тем обстоятельством, что правовое положение «горожан» было более комфортным за счет обладания правами государственной службы со всеми вытекающими отсюда последствиями, в том числе относительно их пенсионного обеспечения после выхода в отставку.

Особенностью такого крупного индустриального города, как Иваново-Вознесенск, было то, что здесь в развитии народного образования большую роль играли местные текстильные фабриканты, заинтересованные в повышении уровня грамотности своих рабочих. Именно поэтому они способствовали открытию новых школ, а в дальнейшем финансировали их деятельность.

Еще одной чертой своеобразия «Русского Манчестера» было наличие многочисленных земских школ на его территории. Обычно термин «земская школа» ассоциируется с сельским училищем. Но земские образовательные учреждения возникали и в урбанистической среде. Промышленные окраины Иваново-Вознесенска не входили в официальную городскую черту, и ответственность за их социокультурное развитие несла не городская дума, а Шуйское уездное земство. Именно оно открывало здесь одну за другой свои школы для местного фабричного населения, насчитывавшего в начале XX в. несколько десятков тысяч

человек. Таким образом, не только орган городского самоуправления, но и местные промышленники, земство объективно способствовали динамичному росту рядов педагогов в индустриальном центре. Они являлись самым многочисленным отрядом провинциальной интеллигенции, который намного превосходил по численности любые другие ее профессиональные группы.

В обществе десятилетиями складывались определенные стереотипы ролевых ожиданий относительно представителей различных социальных слоев. Например, дворянин выступал как храбрый воин, который с оружием в руках должен защищать отечество, священник — как добрый пастырь своих прихожан, крестьянин — как труженик, который кормит всю страну и одновременно является прочной основой престола, купец — как щедрый благотворитель. Что касается русского интеллигента, то ролевые установки относительно него заключались в том, что он должен трудиться на благо народа, лечить или учить его, сеять разумное, доброе, вечное, при этом не рассчитывая на щедрое материальное вознаграждение, и делать многое совсем бесплатно только на энтузиазме. Нужно отдать должное большинству представителей педагогической интеллигенции в России и, в частности в Иваново-Вознесенске, — они эти ролевые ожидания в целом оправдывали.

В школах, находившихся в ведении органов местного самоуправления, работали настоящие подвижники народного просвещения, об этом свидетельствуют документы биографического характера о городских и земских учителях. Не считаясь с материальными трудностями, болезнями и личными драмами, они трудились, пока у них были силы для этого. Деятельность таких педагогов, как С. В. Смирнов, Е. К. Мекж, К. А. Жаров и др., вызывала искреннее восхищение и глубокое уважение у современников. Если сравнивать уровень энтузиазма и преданности своему делу среди работников средней и начальной школы, то первенство по праву необходимо отдать труженикам начальных народных училищ, уровень жизни которых был значительно ниже, чем у педагогов средней школы.

Учитель начальной школы выполнял в провинциальной среде очень важную миссию культуртрегера, который нес просвещение и культуру в самые широкие слои населения. Эту функцию он исполнял в процессе своей основной работы

в классе, во время внеклассных воспитательных и просветительных мероприятий, проводимых с детьми, — походов в театр, на экскурсию и т. п. Роль учителя как культуртрегера реализовывалась и в заведовании библиотекой, нередко существовавшей при школе, здесь он имел возможность управлять кругом чтения не только своих учеников, но и взрослых любителей книги.

Нельзя пройти мимо того обстоятельства, что педагогическая общественность вносила свой вклад в процесс формирования элементов гражданского общества в провинциальной России. Учителя участвовали в общественной деятельности, в многочисленных культурно-просветительных мероприятиях, которые проводились в стенах школы и вне ее. Гражданская позиция педагогической интеллигенции проявлялась и в том, что она самоотверженно трудилась за сравнительно невысокое вознаграждение.

Примечания

- ¹ Государственный архив Владимирской области (далее — ГАВО). Ф. 14. Оп. 1. Д. 517. Л. 12; Государственный архив Ивановской области (далее — ГАИО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1733. Л. 18; Д. 4542. Л. 1, 5, 10—11.
- ² ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 94. Л. 2.
- ³ Там же. Д. 5327. Л. 27; Д. 5592. Л. 1.
- ⁴ Журналы и доклады чрезвычайного и очередного Шуйского уездного земского собрания 1914 г. Шуя, 1915. С. 242—243, 248—249.
- ⁵ ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 94. Л. 131.
- ⁶ Там же. Д. 4738. Л. 1—2.
- ⁷ Старый владимирец. Владимир, 1912. 19 апр., 29 апр.; Вестник Владимирского губернского земства. Владимир, 1902. № 3. С. 14.
- ⁸ Волков И. В старом Иванове. Иваново, 1945. С. 53.
- ⁹ ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4537. Л. 1; Д. 5327. Л. 29; Владимирский календарь и справочная книжка на 1904 г. Владимир, 1903. С. 54.
- ¹⁰ ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4537. Л. 24.
- ¹¹ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 289. Л. 132.
- ¹² Сергей Дмитриевич Смирнов: некролог / сост. И. Волков. Иваново-Вознесенск, 1910. С. 3—5.
- ¹³ Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1884 г. Б. м., б. г. С. 39—39; Журналы и доклады очередного и чрезвычайного Шуйских уездных земских собраний 1913 г. Шуя, 1914. С. 328.
- ¹⁴ Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1904 г. Владимир, 1904. С. 363—364.

- ¹⁵ Старый владимирец. 1910. 18 сент.
- ¹⁶ Там же. 1911. 12 окт.
- ¹⁷ Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1898 г. Владимир, 1899. С. 176—177.
- ¹⁸ Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1902 г. Владимир, 1903. С. 110—111.
- ¹⁹ Журналы и доклады очередного и чрезвычайного Шуйских уездных земских собраний 1913 г. Шуя, 1914. С. 495, 497—499.
- ²⁰ ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 561. Л. 66—67.
- ²¹ Старый владимирец. 1911. 8 янв.
- ²² ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 561. Л. 71, 74.
- ²³ Там же. Д. 94. Л. 127, 142, 216.
- ²⁴ Там же. Л. 185.
- ²⁵ Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1884 г. Б. м., б. г. С. 38 ; Журналы и доклады очередного и чрезвычайного Шуйского уездного земского собрания 1913 г. Шуя, 1914. С. 388.
- ²⁶ ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3359. Л. 67.
- ²⁷ *Лаверычев В. Я.* Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.) М., 1957. С. 44.
- ²⁸ ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4350. Л. 7.
- ²⁹ Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1887 г. Владимир, 1888. С. 61.
- ³⁰ ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 85. Л. 1—5, 224, 316, 335 ; Д. 447. Л. 2, 4, 16—17, 35, 73.
- ³¹ Владимирская газета. 1903. 6 апр.
- ³² Старый владимирец. 1913. 16 февр.
- ³³ ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 573. Л. 142.
- ³⁴ Журналы и доклады чрезвычайного и очередного Шуйских уездных земских собраний 1907 г. Владимир, 1908. С. 232—233 ; Доклады Шуйской уездной земской управы очередному Шуйскому уездному земскому собранию 1915 г. Шуя, 1915. Т. 1. С. 91.
- ³⁵ Журналы и доклады чрезвычайного и очередного Шуйского уездного земского собрания 1914 г. Шуя, 1915. С. 232—233.
- ³⁶ Журналы и доклады экстренного и очередного Шуйских уездных земских собраний 1908 г. с приложениями. Владимир, 1909. С. 43.
- ³⁷ ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 94. Л. 182, 221—222.

О. В. Золотарёв

**СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В 1930-е ГОДЫ:
ПОВОРОТ В ИДЕОЛОГИИ
И ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ**

Начало 1930-х годов — время явного поворота в политике властей в Советском Союзе. Сталинская группа, одержавшая верх в межпартийной борьбе, взяла курс на национально-государственное выживание страны, в рамках его проводилось широкое общественное и политическое реформирование. Разочаровавшись провалом пропагандистских кампаний 1920-х годов, прагматически настроенные И. В. Сталин и его сторонники отказались от утопических идеалистических лозунгов, и призвав на помощь символы из русского национального прошлого, превратились в государственников. Слишком сложные и абстрактные, чтобы занять воображение масс, социалистические идеалы были вынуждены уступить место более узнаваемой для народа русской национальной системе образов, героев и мифов¹.

Реализация данной линии должна была обеспечить создание «великого и могучего советского русского государства»². Это, вне всякого сомнения, осознавала новая властная верхушка: требовалась коренная перемена отношения к истории дореволюционной России. Воспитание гражданина-патриота не могло сочетаться с сугубо негативной оценкой «отсталой», «вечно битой» России, которая преобладала в государственной пропаганде в 1920-х годах. Очень ярко характеризуют подобное отношение к прошлому нашей страны статьи в Малой советской энциклопедии, выходявшей в 1930—1932 годах. Вот какие оценки давались в ней величайшим фигурам российской истории: «Александр Невский... оказал ценные услуги новгородскому торговому

© Золотарёв О. В., 2015

Золотарёв Олег Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и экономической теории Коми государственного педагогического института. oleg-zolotarev@mail.ru

капиталу... подавлял волнения русского населения, протестовавшего против тяжелой дани татарам»; «Минин-Сухорук... нижегородский купец, один из вождей городской торговой буржуазии... Буржуазная историография идеализировала М.-С. как бесклассового борца за единую “матушку Россию” и пыталась сделать из него национального героя»; «Пожарский... князь... ставший во главе ополчения, организованного мясником Мининым-Сухоруким на деньги богатого купечества. Это ополчение кончилось с крестьянской революцией»; «Петр I... был ярким представителем российского первоначального накопления... соединял огромную волю с крайней психической неуравновешенностью, жестокостью, запойным пьянством и безудержным развратом»³. Такие пренебрежительные характеристики, преобладавшие в официальной историографии 1920-х годов, не могли воспитывать любовь к России, да это и не ставилось задачей образования. Первый нарком просвещения Советской России А. В. Луначарский в связи с этим отмечал: «...идея патриотизма — идея насквозь лживая... преподавание истории в направлении создания народной гордости, национального чувства и т. д. должно быть отброшено»⁴. Ставшее к концу 1920-х годов классическим изложение русской истории М. Н. Покровским говорило о русских как о шовинистической нации, которая слепо выполняла волю деспотичного режима. Отрицание истории во многом происходило из отрицания новой властью самого дореволюционного режима. Более того, пренебрежительное отношение к прошлому вызвало даже ликвидацию в школе такого учебного предмета, как история: преподавание истории заменили междисциплинарным предметом обществоведение, который должен был привить учащимся марксистское мировоззрение.

Однако к началу 1930-х годов ситуация сильно изменилась. Международная обстановка ясно указывала на быстрое приближение новой войны. В этих условиях пренебрежение к патриотическому воспитанию могло очень дорого обойтись стране. Между тем, для властных структур стало очевидно, что идеи пролетарского интернационализма не в силах мобилизовать общество на модернизацию страны, а значит, и войну. Голые обществоведческие схемы оказались не в состоянии объединить население СССР даже перед лицом ясной военной угрозы. Но это могло сделать

внедрение патриотизма в советскую идеологию. Таким образом, патриотизм 30-х годов носил чисто практический характер.

Власть, ясно обозначив поворот советской идеологии, совершила возврат к национально-государственному строительству и с середины 1930-х годов попыталась восстановить и патриотическую составляющую агитационной работы. Так, с 1934 года о многих русских исторических деятелях говорили уже совсем в другом тоне. О них начали снимать пропагандистские кинофильмы, которые с восторгом смотрела вся страна («Петр I», 1937 г., «Александр Невский», 1938 г., «Суворов», 1940 г. и др.). Пытаясь согласовать свою линию с многовековыми традициями, властные структуры старались распространить в обществе идеи патриотизма, «используя все возможные средства культуры и образования. Переиздавались классики русской литературы, ставились старые пьесы и оперы, вновь возводились на пьедестал некогда свергнутые выдающиеся личности прошлого»⁵. Конечно, данный процесс был прагматичным, главное, чтобы это служило повышению авторитета советского настоящего: «Ревизия прошлого, судя по всему, подчинялась определенному закону, согласно которому выборочная реабилитация исторических персонажей, репутаций и достижений зависела от их способности отразить, объяснить и оправдать те или иные аспекты современной советской действительности, не намекая на возможность альтернативных вариантов»⁶. Такие фигуры, как Иван Грозный и Петр Первый должны были символизировать преемственность централизации власти и строительства империи. В целом политика 30-х годов ретроспективно оправдывалась многовековыми угрозами существованию централизованного государства. Советские государственные деятели, полководцы, ученые, писатели объявлялись наследниками дореволюционных достижений⁷.

Были реабилитированы не только многие исторические фигуры, но и сама историческая наука, и ученые-историки. Во второй половине 1930-х годов возвратились к научной работе виднейшие российские историки, арестованные в 1929—1930 годах (Е. В. Тарле, Б. А. Романов, Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин и др.). Переиздаются ныне ставшие уже классическими труды дореволюционной исторической школы.

Перемены в оценке дореволюционного прошлого вызывали негодование со стороны бывшей оппозиции, продолжавшей придерживаться сугубо классово-интернационалистической позиции. В «Бюллетене оппозиции» в 1939 году Л. Д. Троцкий писал: «Официальная идеология нынешнего Кремля апеллирует к подвигам князя Александра Невского, героизму армии Суворова-Рымникского или Кутузова-Смоленского, закрывая глаза на то, что этот “героизм” опирался на рабство и тьму народных масс». Л. Д. Троцкого изумляла быстрота происходивших в идеологической сфере перемен: «Пересмотр прошлого совершался столь лихорадочными темпами, что разрушались старые авторитеты. Официальный историк Покровский был после смерти объявлен врагом народа, так как недостаточно почтительно относился к прошлой истории России»⁸.

Такое неприятие новой линии со стороны леваков было объяснимо, ведь игравшая теперь ведущую роль в партии сталинская группа призывала преодолеть «левацкий интернационализм» в понимании отечественной истории, говорила о том, что коммунисты «не должны отгораживаться от положительной оценки прошлого своей страны»⁹. Великодержавность становилась доминирующим компонентом идеологии, роль марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма нередко ограничивалась данью традиции. Хотя в целом в новой идеологической доктрине 30-х годов марксизм не противоречил патриотизму и русскому национальному чувству, а скорее просто удачно с ним сочетался¹⁰. В передовых статьях «Правды» теперь подчеркивалось, что «партия всегда боролась против каких бы то ни было проявлений антиленинской идеологии “Иванов, не помнящих родства”, пытающихся окрасить всё историческое прошлое нашей страны в сплошной черный цвет»¹¹.

Со второй половины 1930-х годов и само слово «отечество» приобретает в официальном языке свой истинный смысл. И. В. Сталин подчеркивал: «...теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость»¹². Причем утверждение патриотического сознания произошло чрезвычайно быстро. Это означало, что оно продолжало существовать в умах людей, только не имело возможности открыто выразиться. Сталину не было нужды

«насаждать» русский патриотизм. Он только «санкционировал» то, что всё время жило в душах русских людей¹³.

Данный поворот в политической линии совпал с проведением простой и эффективной сталинской реформы народного образования. Эта реформа была вызвана потребностями индустриализации в грамотных и хорошо подготовленных рабочих и инженерных кадрах. Между тем, советская школа 1920-х годов, увлеченная различными педагогическими экспериментами и новациями, оказалась не в состоянии подготовить такие кадры. Власти стояли перед выбором: или продолжать поиски новой, социалистической школы, с довольно неясным исходом, или возвратиться к традициям старой, дореволюционной педагогики, что позволяло в короткие сроки улучшить подготовку выпускников советских школ. Прагматики, стоявшие в тот момент у власти в Советском Союзе, выбрали последнее. Школьная политика 1930-х годов предусматривала резкое усиление воспитательной составляющей, причем теперь упор делался не только на подготовку «борца, защищающего завоевания революции»¹⁴, но гражданина-патриота. В условиях приближающейся войны это была, возможно, единственно правильная линия.

Между тем, положение с преподаванием отдельных предметов в связи с наметившимися изменениями вызывало серьезные опасения властей. Поэтому в начале 1930-х годов выходит ряд постановлений центральных органов власти, устанавливающих принципы и особенности преподавания различных предметов в школе. Особое место в этом перечне занимают общественные дисциплины, главной среди них называется история. В 1930-е годы, дабы ускорить процесс переориентации учебных заведений на усиление патриотической составляющей в воспитательном процессе, в документах высших органов партийного и государственного руководства определяются пути, методы и формы преподавания исторической науки в школе. Среди данных решений особое место занимает постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (май 1934 г.), в котором констатировалось, что преподавание истории в школах СССР «поставлено неудовлетворительно». Связное изложение гражданской истории заменено «абстрактными социологическими схемами». Между тем, как верно подмечалось

в данном документе, «решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении» исторических событий «с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат». Только такой курс отечественной истории в состоянии обеспечить «доступность, наглядность и конкретность исторического материала», и только на такой основе возможен «правильный разбор и правильное обобщение исторических событий». Говорилось и о необходимости готовить занятия, используя материалы, которые были бы понятны учащимся с низким образовательным уровнем. Достижению всех этих целей должен был служить и объявленный конкурс на лучший учебник отечественной истории. Задача создания нового учебника являлась приоритетной, ведь в школах использовалось порядка шестидесяти не согласованных между собой учебников и справочников. В этих условиях учителя в силу своих способностей и возможностей, как могли, дополняли уроки фактическим материалом с акцентом на имена и даты. Была также восстановлена работа исторических факультетов университетов¹⁵.

В январе 1936 года Постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР была создана специальная комиссия под руководством секретаря ЦК А. А. Жданова для «просмотра, улучшения, а в необходимых случаях и для переделки уже написанных учебников по истории». Постановление подчеркивало, что новый учебник по истории должен быть «конкретен и исторически правдив... изложение его должно быть ярким, интересным, художественным и вполне доступным для учащихся»¹⁶. Были опубликованы и замечания И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова от 8 августа 1934 года по поводу конспекта учебника по истории СССР. В них акцентировалось, что нужен именно такой учебник, «где должно быть взвешено каждое слово и каждое определение», где недопустима безответственная болтовня «обо всем и как угодно»¹⁷. СНК СССР и ЦК ВКП (б) указывали, что изучение истории «имеет важнейшее значение для дела нашего государства, нашей партии и для обучения подрастающего поколения», поэтому преподаванию исторической науки в школе придается «исключительное значение»¹⁸.

В свете этих решений дорабатывается и содержание школьных учебников по истории. Так, написанный группой преподавателей-историков Московского государственного пединститута во главе с А. В. Шестаковым «Краткий курс истории СССР» для 3—4 классов теперь рассматривал советский период истории как логическое продолжение развития российской государственности. Доводку учебника осуществляла специальная группа наиболее авторитетных ученых-историков под руководством А. А. Жданова. В эту группу входили представители старой исторической школы К. В. Базилевич, С. В. Бахрушин, Б. Д. Греков, В. И. Пичета, Н. М. Дружинин и др. Утвержденный в июле 1937 года текст «представлял своеобразный сплав двух главных идей — идеи возвеличивания старой государственности и идеи неизбежности и благотворности победы социализма в России». В октябре 1937 года учебник вышел в свет. Воплощенная в данном издании государственно-патриотическая концепция российской истории, высказанная в нем идея преемственности лучших традиций предков новыми поколениями граждан СССР, в течение многих лет повторялась в других учебных изданиях¹⁹.

Во многом отличие новой исторической концепции заключалось в изменении трактовки места и роли русского народа в отечественной и всемирной истории. Утверждалось, что русский народ показал блестящие образцы борьбы за освобождение человечества, на примерах которых будут воспитываться будущие поколения борцов за коммунизм. Характерно в этой связи предисловие, написанное академиком Е. В. Тарле (и напечатанное в журнале «Большевик») к переизданию «Истории XIX века» Э. Лависса и А. Рамбо. В нем отмечалось, что Россия оказала в XIX веке «колоссальное влияние на судьбы человечества... Этот век был временем, когда русский народ властно занял одно из центральных, первенствующих мест в мировой культуре... когда впервые русский народ дал понять, какие великие возможности и интеллектуальные и моральные силы таятся в нем и на какие новые пути он может перейти сам и в будущем повести за собой человечество»²⁰.

Конечно, ведущая роль по-прежнему отводилась марксистскому пониманию истории, что было закреплено выходом «Краткого курса истории ВКП (б)» и активной пропагандой положений

этой книги. Причем в некоторых регионах изучение «Краткого курса» пытались ввести даже в средней школе. Однако центральным руководством подобные шаги были тут же пресечены специальным Постановлением СНК СССР в декабре 1939 года²¹. Хотя для власти марксистское понимание школьниками истории всё же оставалось главным, но не менее важный смысл приобретало теперь и государственно-патриотическое изучение отечественной истории.

Перемены к лучшему шли медленно, несмотря на то что руководство страны придавало «исключительно важное значение преподаванию истории в школе как могучему орудию политического воспитания» и прилагало серьезные усилия, дабы наиболее эффективно использовать это «орудие»: знания учащихся по истории еще долгое время оставались слабыми. Во многом это объяснялось тем, что нередко в образовательных учреждениях продолжали учить бессистемно, порой номинально дифференцированные предметы по-прежнему преподносились учащимся как подразделения единой обществоведческой науки. Восприняв общие схематические рамки (такие, например, как идея классовой борьбы), школьники оказывались не в состоянии связать понятия с определенным историческим контекстом, слабо понимали последовательность и взаимосвязь исторических событий. У учащихся не было развито чувство исторической перспективы: при оценке событий предшествующих эпох они пытались руководствоваться современными критериями. Ученики (а порой и сами учителя) не умели пользоваться картами. В итоге школьники и в конце 1930-х годов «совершенно» путались даже в датах и фактах²².

Разумеется, перемены к лучшему и не могли быть столь быстрыми, как рассчитывали власти. К тому же усиление внимания к преподаванию гражданской истории на местах встретилось с целым рядом сложностей. Это, прежде всего, явно недостаточные знания самих педагогов. Ведь подготовку они получали по тем программам, где порой такого предмета, как отечественная история, не было. Поэтому некоторые учителя, судя по сообщениям с мест, не знали самых элементарных сведений из истории, да нередко и не только из истории, но и современных им политических событий. Естественно, подобное положение дел приводило к тому, что многие преподаватели оказывались не в состоянии увязать исторические события с современным днем, как этого

требовали руководство Наркомпроса и советская пропаганда, но даже не могли ответить на самые элементарные вопросы о происходящих в мире событиях.

Зачастую нередко педагоги, обладая столь невысокой подготовкой, не стремились к ее повышению. Многие учителя совсем не выписывали (а значит, и не читали!) ни газет, ни журналов. Попытки же властей восполнить лакуны в исторических и политических знаниях педагогов, такие, например, как организация специальных курсов по изучению «Краткого курса истории ВКП (б)», наталкивались на пассивность учительства.

Таким образом, некоторое недопонимание властями на местах важности политики общенационального советского патриотизма, естественные сложности (понятные при столь резком повороте от отрицания к осознанию важности знания истории Отечества) привели к ряду проблем при становлении как преподавания гражданской истории, так и патриотического воспитания в школах. Однако этот поворот в политике властей способствовал образованию ясного русского национального самосознания на массовом уровне, выступив катализатором данного процесса. Масштаб изменений в школьной программе, сопутствующая агитационная кампания, размеры тиражей школьных учебников и широта их влияния на массовую культуру позволяют говорить о данном процессе как об одном из «великих проектов» сталинской эпохи. В любом случае идеология сталинской системы добилась несомненного и явного успеха, сформировав у русского народа чувство национальной идентичности. Многие мотивы официальной советской пропаганды, не только пользовались подлинной популярностью в советское время, но продолжают сохранять немалое влияние и по сей день, пережив крушение СССР. Ведь они не просто являлись базисом официальной идеологии и культуры при Сталине, но и были неразрывно связаны с формированием современного русского национального самосознания, причем в самое тяжелое время прошедшего столетия. Нельзя забывать и о том, что практически все слои населения, начиная со школьников и заканчивая учеными и деятелями культуры, испытали на себе в 1930-е годы воздействие официальной пропаганды, осуществляемое методами, которые не применялись прежде ни Советской властью, ни старым режимом²³.

Этот процесс еще далеко не был завершен к началу Великой Отечественной войны. Однако без решительного перехода правящей Коммунистической партии на патриотические позиции, воспитания подрастающего поколения в национально-патриотическом духе, победа в грядущей войне вряд ли была бы достижимой. Особенно разительными были эти перемены в школе. Огромная роль в воспитании подрастающего поколения отводилась учительству. Хотя и не без трудностей и проблем, советское учительство справилось с задачей воспитания советской молодежи в духе уважения и преданности своей Родине, что в немалой степени способствовало военным победам. Перефразируя известную фразу О. фон Бисмарка, можно сказать, что в Великой Отечественной войне победу одержал советский учитель, прививший школьникам, будущим солдатам, любовь к своему Отечеству.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: *Бранденбергер Д. Л.* Национал-большевизм : сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания, 1931—1956. М., 2009. С. 15.
- ² *Такер Р.* Сталин у власти : история и личность, 1928—1941. М., 1997. С. 494.
- ³ Малая советская энциклопедия. М., 1930. Т. 1. С. 216 ; 1931. Т. 5. С. 229 ; Т. 6. С. 447, 651.
- ⁴ См.: *Луначарский А. В.* Проблемы народного образования. М., 1923. С. 103.
- ⁵ См.: *Бранденбергер Д. Л.* Указ. соч. С. 54.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Бюллетень оппозиции. 1939. № 70. Цит. по: *Житорчук Ю. В.* Мир на краю пропасти : предвоенные хроники. М., 2013. С. 234—235.
- ⁹ *Вольнец А. Н.* Жданов. М., 2013. С. 187.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Правда. 1936. 10 февр. С. 1.
- ¹² *Сталин И. В.* Сочинения. М., 1953. Т. 13. С. 89.
- ¹³ *Кожин В.* Россия : век XX (1901—1939). М., 2002. С. 401.
- ¹⁴ *Зикмунд А.* Основы советской системы физкультуры. М., 1926. С. 6.
- ¹⁵ Народное образование в СССР : сб. док. М., 1974. С. 166.
- ¹⁶ Там же. С. 172—173.
- ¹⁷ Правда. 1936. 27 янв. С. 1.
- ¹⁸ См.: *Сталин И. В.* Сочинения. М., 2007. Т. 14. С. 32.

- ¹⁹ См.: Барсенков А., Вдовин А. История России, 1917—2004. М., 2006. С. 267.
- ²⁰ Тарле Е. В. От редактора // История XIX века / под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М., 1938. Т. 1. С. 8.
- ²¹ Народное образование в СССР. С. 176.
- ²² Буцик Л. П. Очерк развития школьного исторического образования СССР. М., 1961. С. 255.
- ²³ Бранденбергер Д. Л. Указ. соч. С. 16.

ББК 63.3(2)614-201

В. С. Околотин

**ОБОСНОВАНИЕ ПЕРЕХОДА
ОТ ПЛАНОВОГО ПРОДУКТООБМЕНА
К «СВОБОДНОЙ» ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТОРГОВЛЕ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
(1933—1936)**

О необходимости «свободной» государственной торговли на страницах периодической печати заговорили еще в конце 1931 г. Однако это была попытка вписать ее в условия централизованного снабжения и нормированного обеспечения населения продуктами питания и промтоварами. Тем не менее, в 1932 г. с целью снятия напряженности в обществе были приняты первые практические шаги по децентрализации продуктообмена между городом и деревней. Но и они не позволяли утвердительно судить о полном отказе от данной формы построения плановой экономики. Наиболее целесообразно точку ее отсчета следует вести от корректировки государственных приоритетов в области построения плановой экономики, произошедшей в начале 1933 г.

© Околотин В. С., 2015

Околотин Владимир Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Ивановского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. okolotin.vladimir@yandex.ru

Во-первых, было объявлено о преодолении затруднений первых лет реформирования национальной экономики и отказе от неоправдавших себя различных «левацких» теорий. Во-вторых, согласно публичным признаниям руководителей центральных ведомств и советского руководства, скомпрометировавшую себя экономическую форму продуктообмена было решено заменить иной, суть которой сводилась к формированию товарооборота, насыщению государственной и кооперативной торговли товарами широкого потребления и ее дальнейшему развитию. По словам председателя Госбанка СССР Л. Е. Марьясина, изменение торговой обстановки, которое «все резко почувствовали и увидели в 1933 году... предъявило более строгие требования к организации торговли, потребовало усиления финансовой базы, финансового хозяйства торговли, роста ее оборотных средств»¹. В докладе на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б), состоявшемся с 7 по 22 января 1933 г., И. В. Сталин, подводя итоги пятилетки в четыре года в области товарооборота между городом и деревней, дал следующее определение: «советская торговля есть торговля без капиталистов — малых и больших. Это особого рода торговля, которой не знала до сих пор история и которую практикуем только мы большевики, в условиях советского развития»². Спустя год в отчетном докладе XVII съезду ВКП (б) в январе 1934 г. он говорил, что при этом пришлось преодолеть левацкую болтовню ряда работников, отвергавших советскую торговлю, называвших ее пройденной стадией и утверждавших необходимость налаживания прямого продуктообмена. «Незачем развивать торговлю, ежели стучится в дверь прямой продуктообмен», — считали они. «Эти люди, — утверждал И. В. Сталин, — неспособные наладить простейшей советской торговли, болтают о своей готовности наладить более сложное и трудное дело прямого продуктообмена... Они не понимают, что продуктообмен может придти лишь на смену и в результате идеально налаженной советской торговли... Понятно, что партия, стремясь организовать развернутую советскую торговлю, сочла необходимым погромить и этих “левых” уродов и их мелкобуржуазную болтовню пустить на ветер»³. К воплощению этих слов на практике следует отнести ликвидацию 25 августа 1934 г. Наркомата снабжения РСФСР и передачу его функций союзно-республиканскому Наркомату внутренней торговли.

В-третьих, можно с уверенностью утверждать, что робкая децентрализация, опробованная на налоговых правоотношениях в 1931 г., была перенесена на процесс обеспечения населения промтоварами и продуктами питания, а затем и применена к административно-территориальным образованиям. Однако обо всем по порядку.

Итак, в начале 1933 г. в области экономических отношений началась видимая корректировка значения финплана, являвшегося в прежние годы непререкаемым финансовым фетишем. В докладе на сессии ЦИК СССР в январе 1933 г. нарком финансов Г. Ф. Гринько вместо обычного в те годы термина «финплан» использовал менее категоричное понятие — финансовая программа. В ней, утверждал он, госбюджет уже не является «пассивным следствием, пассивным итогом выполнения количественных и качественных показателей финансового плана», а, напротив, служит «могучим фактором в борьбе за выполнение этой хозяйственной программы». Однако поступление госдоходов не проходит самотеком, поскольку «мы не имеем еще высокой социалистической дисциплины в работе большинства хозорганов», — говорил он. Поэтому требуется постоянный контроль за деятельностью хозорганов и применение к ним мер понуждения, чтобы они выполняли свои обязательства перед бюджетом⁴.

Такие публичные заявления легли в основу научных исследований. Однако эти попытки переосмыслить роль госбюджета в новых условиях были немногочисленными, робкими и осуществлялись разрозненно, поскольку в структуре НКФ СССР отсутствовал орган, аккумулировавший результаты таких научных исследований. Подвергнуть анализу предшествующий период также не представлялось возможным, так как секретным постановлением СНК СССР от 2 февраля 1933 г. вплоть до опубликования Госпланом СССР данных об итогах первой пятилетки категорически воспрещалось использовать какие-либо сводные, отраслевые и районные аналитические данные⁵. Поэтому обсуждение практических проблем слилось воедино с научными посылами, основанными на решениях съездов и суждениях руководителей государства. К сожалению, о направлениях и научном содержании таких разработок можно судить лишь по периодической печати, отдельным изданиям и редким сборникам научных статей

финансовых вузов. В качестве примера следует привести сборник Ленинградского финансово-экономического института под ред. П. А. Булата, где в одной из статей Г. Пальчиком сделана попытка обоснования роли госбюджета в новых условиях. Он утверждал, что госбюджет, являясь «одним из важнейших орудий экономической политики пролетарского государства», применяет принудительные методы изъятия и перераспределения народного дохода только против капиталистических элементов. Относительно социалистических предприятий преследуются якобы совершенно иные задачи, а именно: укрепление финансовой дисциплины, внедрение хозрасчета и контроля рублем, борьба за экономное расходование государственных средств, стимулирование социалистических накоплений и т. д.⁶

В феврале — июне 1933 г. на страницах «Экономической жизни» развернулось обсуждение «методологии планирования мобилизации средств населения» в госбюджет. В статьях А. И. Соколова, Н. Авдеева, Н. Дьяченко и других авторов высказывались различные взгляды относительно вариантов такой методологии и ее применения на практике. В частности, А. И. Соколов говорил о несовершенстве существующей практики планирования мобилизации средств населения, поскольку она основана на грубых механических методах, не позволяющих правильно распределять нагрузку платежей по районам. Задачи же, стоящие перед финансовой системой в деле привлечения средств населения, утверждал он, из года в год усложняются в силу изменения структуры его доходов, роста благосостояния, расширения возможностей их привлечения и т. д.⁷ Некоторые авторы (Архангельский, Егоршин, Константинов) видели ее недостатки в «отсутствии руководящих указаний НКФ СССР и РСФСР для составления плана мобилизации средств и единого метода планирования». Это, по их мнению, отрицательно сказывалось на работе краевых и областных финорганов, которые в течение почти 2,5 лет были предоставлены самим себе. При этом какого-либо обмена опытом, демонстрации лучших образцов работы, анализа причин и резких отклонений выполнения плана по отдельным краям и областям, согласно указанным авторам, не проводилось⁸. В итоге участниками обсуждения предложено несколько направлений совершенствования методологии планирования.

Первое из них — это формирование системы экономических и финансовых показателей, рекомендованное бригадой НКФ РСФСР под руководством А. И. Соколова. Однако его реализация напрямую зависела от состояния кадров на местах и наличия необходимых материалов⁹.

В противовес данному направлению было выдвинуто другое. В частности, Н. Авдеев предложил, «немудрствуяще лукаво строить план мобилизации средств на основании оперативных планов отдельных платежей»¹⁰. Казалось бы, что данным суждением дискуссия завершена, а идеи Н. Авдеева, проверенные временем, будут взяты за основу. Однако в июне 1933 г. Н. Дьяченко в своей публикации поддержала систему экономических показателей А. И. Соколова и в целом подвела итог обсуждению. По ее словам, «можно спорить об объеме показателей, можно ставить вопрос о программе максимум и минимум в зависимости от состояния фискального аппарата отдельных краев и областей, но при всем при этом принцип методологии планирования на основе подбора производственно-экономических показателей является, на наш взгляд, совершенно бесспорным». Поэтому «мы со всей резкостью должны поставить вопрос о необходимости для финорганов овладеть знанием экономики своих районов»¹¹. Таким образом, несмотря на различия в суждениях, получила признание «неотложная потребность перехода от примитивных форм планирования к экономическому планированию мобилизации средств населения» и предъявление фискальному аппарату более высоких требований.

Кроме совершенствования научных подходов по закреплению роли госбюджета, усилия НКФ СССР и РСФСР были направлены на облачение налоговой практики в различные правовые конструкции. Так, согласно утверждению Г. Ф. Гринько, в налоговое законодательство по отношению к деревне «мы всё время вносили изменения в связи с образованием колхозов, ликвидацией кулачества как класса и т. д.». Этот процесс не закончен, и теперь важное значение приобретает техника финансовой работы на селе. Необходимо ликвидировать господствующую во многих сельсоветах систему записочно-карманного хозяйства, когда деньги, собранные по налогам, записывались на клочках бумаги, либо вовсе не записывались, держались в кармане председателя и нередко растрчивались. Этой работе нужно придать

законный облик, снабдить сельсоветы книгами госдоходов, квитанциями, окладными листами и всеми прочими необходимыми документами и обеспечить контроль за ними со стороны финорганов¹². Эти слова не остались декларативным призывом и были трансформированы в нормы права. Так, 17 июля 1933 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об упорядочении работы сельских советов по сбору государственных доходов», которым обязали НКФ СССР обеспечить сельсоветы бланками квитанций и запретить с 1 августа прием налоговых платежей без выдачи квитанций. Для борьбы с присвоением работниками сельсоветов собранных с населения средств судам предписывалось рассматривать дела по таким преступлениям в срочном порядке с применением строгих мер социальной защиты¹³.

Положения, озвученные Г. Ф. Гринько в докладе на упомянутой выше сессии ЦИК, получили методологическое развитие в других его высказываниях. В частности, выступая на финсовещании в Ленинграде относительно децентрализации налогообложения, он отметил, что НКФ СССР уже «не вбирает своим аппаратом ни копейки налога с оборота» и уже не может перекрывать прорывы на местах, вверяя им «дело колоссальной ответственности — обеспечить доходы бюджета во всем их объеме». В этой связи главная задача финработников должна заключаться в бесперебойном наполнении бюджета, для чего требуется обязательное знание ими законодательства и техники финансового дела. На местах, говорил он, необходимо поднять авторитет инспекторов массовых платежей, превратить их в «достойных представителей финансовой политики государства перед лицом миллионных масс населения»¹⁴. Реализации этой задачи будет способствовать и предполагаемый пересмотр всей системы налогообложения деревни, ликвидация множественности налогов, их внутренняя «перестройка в соответствии с новыми условиями сельскохозяйственного производства и колхозного уклада в деревне»¹⁵.

Обсуждению в периодической печати также была подвергнута структура финаппарата. Так, по мнению А. Полюдова, существующее в НКФ СССР и РСФСР функциональное построение по количеству отраслей народного хозяйства привело к расплывлению функций управления по десяткам секторов. В результате нарушалась эффективность исполнения принятых решений,

формирование достоверного учета и отчетности, правильная расстановка и использование кадров, проведение оргмассовой работы и т. д. В связи с этим он предложил пересмотреть структуру аппарата и построить ее по принципу охвата конкретной отрасли финработы в целом¹⁶. Отказ от функционалки предлагалось осуществить и на уровне райфо, где инспектора отвечали за поступление конкретного вида платежа. Переход к территориальному принципу позволил бы им контролировать поступление всех видов платежей в закрепленных за ним сельсоветах, устранить обезличку, систематически работать с финансовым активом, поддерживать с ним непрерывную связь и поднять соцсоревнование между инспекторами на более высокую ступень¹⁷.

Следует сказать, что приведенные суждения несколько предваряли постановление ЦИК и СНК СССР «Об организационных мероприятиях в области советского и хозяйственного строительства», которое было принято лишь 15 марта 1934 г. Согласно этому постановлению, прежняя функциональная система управления аппаратом в советских и хозяйственных органах ликвидировалась, а взамен ее создавалась структура из производственно-территориальных управлений. Ликвидации подлежали хозяйственные объединения, а также коллегии при наркоматах и их структурных подразделениях на местах. Вместо коллегий создавались советы из 40—70 человек в каждом с обеспечением в их составе «не менее половины представителей местных организаций и предприятий». В заключительной части постановления говорилось о сокращении аппарата на 10—15 % и существующих формах учета и отчетности¹⁸. Данное постановление стало важным шагом в череде мероприятий правительства по свертыванию структурного построения продуктообмена. Однако оно носило не упреждающий характер, а являлось следствием хозяйственной и, прежде всего, налоговой практики. Его положения, в том числе и о ликвидации коллегии при наркомате, очень быстро были реализованы в НКФ СССР. При этом утверждалось, что вся перестройка финансовой системы должна «обеспечить решительный поворот финорганов лицом к району, предприятиям, сельсовету и колхозу». В этой связи от ее руководящих работников требуется «знание основ марксистско-ленинской теории финансов, законов государства в области финансового, налогового, бюджетного

дела, уметь читать балансы и т. д.»¹⁹. Аналогичные требования предъявлялись и к рядовым финработникам. По утверждению одного из руководителей НКФ СССР, Д. С. Лукашевкера, техническая безграмотность инспекторов, особенно в области массовых платежей, неизбежно приводила к политическим извращениям. «Вот почему, — утверждал он, — борьба за овладение налоговой техникой является не только практической, но и крупнейшей политической задачей».

О значимости сформулированной Д. С. Лукашевкером проблемы говорил и С. М. Тамаркин, руководитель сектора массовых платежей НКФ СССР. По его словам, небрежность в начислении платежей, несвоевременное вручение платежных извещений, невыдача или небрежная выдача квитанций, ошибки и просчеты при взыскании налогов привели к увеличению потока жалоб колхозников и трудовых единоличников, оспаривавших малейшую неточность (иногда в несколько рублей), допущенную инспекторами. Этот прогрессирующий процесс, который «завтра будет чувствоваться везде», по его утверждению, стал следствием бережного отношения к рублю, возросшего уровня сознательности колхозника и укрепления колхозного строя²⁰.

К середине 1934 г. по-прежнему оставалась нерешенной проблема «налоготворчества» на местах. Она стала следствием налоговой реформы 1930 г., унифицировавшей, в том числе и местные налоги, в налог с оборота. Он полностью поступал в союзный бюджет, а из него с большими задержками в форме дотаций происходило финансирование местных бюджетов. В результате, чтобы хоть как-то обеспечить кассовые разрывы, на местах повсеместно практиковалось произвольное введение различных сборов и повинностей с населения. Решение этой проблемы виделось через вынужденную децентрализацию доходной части госбюджета. Об этом свидетельствует дискуссия, начатая на страницах «Экономической жизни» в сентябре 1934 г. Ее инициатором считается наркомфин УССР А. А. Рекис, автор статьи под названием «Необходима реформа местного бюджета»²¹. Принявший участие в обсуждении Н. Белькович в своей статье утверждал, что в связи с исчезновением промыслового налога с частного сектора вопрос о формировании доходной части местного бюджета упирается в изыскание новых источников его наполнения.

Это было крайне необходимо, поскольку расходная часть местных бюджетов в связи с директивами XVII съезда ВКП (б) по повышению материального и культурного уровня жизни рабочих и трудящихся деревни во второй пятилетке серьезно расширялась. Однако существующая структура доходной части бюджета, формировавшегося в основном за счет сельхозналога и самообложения (в 1933 г. они составляли 56,5 %), которые поступали только во второй половине года, а также невозможность их компенсации другими источниками приводили к постоянным кассовым разрывам. Начиная с 1932 г. компенсация расходных полномочий осуществлялась путем отчислений части средств, поступающих от налога с оборота в госбюджет. Несомненно, с ростом его поступления в госбюджет увеличивались и отчисления в местные бюджеты, которые против 1932 г. возросли в 2,5 раза. Они поступали обезличенно в форме дотаций. Поскольку, по утверждению Н. Бельковича, «дотирование бюджетов, а тем более в массовых случаях и в широких размерах есть явление отрицательное», необходимо наряду с сохранением и увеличением отчислений от налога с оборота оставить на местах, минуя госбюджет, все поступления от культсбора на селе. Таким путем, по его мнению, могло быть достигнуто значительное укрепление местных бюджетов за счет прямых поступлений, появление заинтересованности у местных органов власти в его сборе, а следовательно, устранены кассовые разрывы²².

Предложение Н. Бельковича в отношении передачи местным бюджетам поступлений от культсбора на селе поддержал И. Коновалов. По его утверждению, это позволит якобы снизить напряженность их исполнения по расходам, особенно в первом полугодии. Наряду с этим он счел возможным напомнить о необходимости соблюдения положения о бюджетных правах, которое обязывало компенсировать местам уменьшение их доходов или увеличение расходов, основанных на решениях союзного правительства и принимаемых после утверждения годового бюджета²³. По мнению И. Гладких, устранение неравномерности поступлений доходов в местные бюджеты может быть достигнуто унификацией сельских налоговых и страховых платежей и установлением поквартальных сроков уплаты единого платежа. Такая унификация, полагал он, необходима для облегчения работы сельсовета,

которому приходится проводить несколько кампаний по сбору платежей, вести сложный учет и отчетность по каждому виду платежа. Издание законов по сельским платежам должно предшествовать утверждению бюджета и народнохозяйственного плана, что позволит избежать той болезненной ломки бюджетов, которая имела место в 1933—1934 гг.²⁴

По словам другого участника дискуссии, С. Розенберга, в 1933 г. НКФ СССР помимо общих директив был установлен твердый минимум отчислений от регулирующих налогов на 1934 г. Правда, этот фиксированный уровень оказался чересчур минимальным, но всё же он значительно облегчил работу по проектированию местных бюджетов на 1934 г. Тем не менее, в 1935 г. НКФ СССР отказался от практики заблаговременного определения минимума отчислений от госдоходов в местные бюджеты²⁵.

Накануне отмены карточной системы на страницах периодических изданий появились публикации, обосновывавшие необходимость ее введения и отказа от нее. В частности, Г. Нейман и В. Смушков утверждали, что карточная система, введенная советским правительством в 1929 г., была, безусловно, необходимой, но по мере реконструкции народного хозяйства становилась тормозом в развитии товарооборота, вела к его замораживанию, сохранению методов механического распределения²⁶. Об этом говорил и Г. Ф. Гринько в ряде докладов, озвученных в течение 1935 г. Однако в его суждениях имеют место более важные для нашего исследования аргументы. Так, в докладе о «Финансовой программе на 1935 год» он заявил, что проводимые правительством мероприятия имеют огромное значение для финансовой системы страны, поскольку приводят к повышению роли денег во всех звеньях народного хозяйства. Если при карточной системе стимулирование труда производилось в форме заработной платы и снабжения, путем прикрепления к тому или иному списку, то с 1935 г. вводился единый метод стимулирования труда — заработная плата. В совокупности с регулированием цен на продукцию и товары это должно было оказать огромное влияние на всю экономику и на всю работу по выполнению финпрограммы 1935 г., и в первую очередь госбюджета²⁷. Более того, по словам Г. Ф. Гринько, «в 1936 год мы вступили с полностью расчищенной от всяких карточных ограничений сферой обращения товаров

в городе и деревне»²⁸. Именно поэтому в высказываниях руководителей страны 1936 г. был объявлен началом нового мощного разбега в великой социалистической стройке СССР навстречу «загорающейся заре коммунизма».

Объяснение сути данного процесса содержится в докладе председателя СНК СССР В. М. Молотова. Он утверждал, что «мы успешно осуществляем основную политическую задачу второй пятилетки — ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще». Однако «это не значит, что у нас перевелись враждебные нам по своей классовой природе элементы. Их еще осталось немало. И малейшее ослабление революционной бдительности они используют, чтобы напасть и бросать нам палки в колеса». Вместе с тем, «если взять теперешнюю социальную основу нашего государства, то она полностью соответствует тому факту, что всё народное хозяйство страны стало социалистическим»²⁹. В этой связи, утверждал Г. Ф. Гринько, всем работникам финорганов должны быть предъявлены более высокие требования. И прежде всего, работать по-стахановски, учиться у стахановцев ломать старые отсталые методы работы, и на этой основе обеспечить выполнение принятых партией и правительством финансовых планов³⁰.

Следствием указанных изменений стал ряд постановлений ЦИК и СНК СССР, принятых в январе 1936 г. Среди них: «О расширении доходных источников сельских бюджетов» и «Об изменении налогового законодательства». Следует сказать, что первое постановление стало реальным воплощением дискуссии, развернувшейся на страницах «Экономической жизни» в 1934 г., результаты которой были не только реализованы в указанном постановлении, но и закреплены в Конституциях СССР и РСФСР. Его принятие свидетельствовало также о дальнейшей децентрализации доходной части госбюджета. В результате бюджетные доходы сельсоветов стали формироваться не только от местных налогов и сборов, взимаемых на территориях, закрепленных за сельсоветами, но и путем отчислений: от сельхозналога; жилищно-культурно-бытового сбора, как с населения, ведущего сельское хозяйство, так и с рабочих и служащих и прочего неземледельческого населения; подоходного налога с предприятий и организаций сельской потребительской и сельской промысловой кооперации и налога с оборота, взимаемого с сельской потребительской кооперации³¹. Вторым

постановлением ЦИК и СНК СССР продлили на ряд лет без каких-либо существенных изменений порядок установления и взимания жилищно-культурного сбора, что формально свидетельствовало о стабилизации объектов налогообложения³². Однако во второй половине 1936 г. ЦИК и СНК СССР в условиях очередной кризисной ситуации внесли поправки в этот закон, ужесточившие налоговые требования к единоличникам³³.

Значительные перемены в облике объектов налогообложения и новые задачи в области финансовой и налоговой политики послужили причиной для пересмотра действующего налогового законодательства и, прежде всего, положения о деятельности НКФ СССР. В итоге 27 мая 1936 г. постановлением ЦИК и СНК СССР вместо положения от 1923 г. было утверждено новое положение «О народном комиссариате финансов Союза СССР»³⁴. На него возлагалось проведение установленной советским правительством финансовой политики и руководство финансовым делом в СССР. В соответствии с этим НКФ должен был выполнять общесоюзные задачи по разработке проектов финансовых законов и внесению их в законодательные органы СССР, руководить их претворением в жизнь, составлять проект единого госбюджета, исполнять и составлять отчет о его исполнении. В части налоговой политики НКФ СССР обязывался организовывать и руководить исчислением и взиманием государственных и местных налогов на всей территории СССР, рассматривать жалобы на неправильные действия финансовых органов при взимании налоговых платежей, следить за соблюдением налогового законодательства, не допускать незаконное налоговотворчество, производить бесспорные взыскания недоимок по налогам и сборам с лиц и организаций и т. д. На НКФ также возлагалась подготовка кадров, т. е. организация деятельности высших и средних финансовых учебных заведений, и осуществление научно-исследовательской работы в целях совершенствования советской финансовой системы. В подчинение НКФ СССР были отнесены Госфиниздат, «Экономическая газета» и образованный научно-исследовательский финансовый институт. Распоряжения и задания НКФ признавались обязательными для всех НКФ союзных республик и местных финорганов³⁵.

Реализация налоговой политики была возложена на управление госдоходов и управление налогов и сборов с населения.

Каждое из них было наделено соответствующими полномочиями. Так, управлению госдоходов вменялось решение задач по организации взимания госдоходов с обобщественного сектора, разработке соответствующих законопроектов и инструкций, ведение оперативного и статистического учета их поступления и т. д. Штатная численность управления составляла 69 сотрудников, а его начальником назначен С. М. Тамаркин³⁶.

Управлению налогов и сборов с населения надлежало осуществлять взимание налогов и сборов с городских и сельских жителей, руководство финорганами, разработку законопроектов и инструкций по государственным и местным налогам и сборам. Оно также было уполномочено проводить ревизию налоговой работы, контролировать ведение налоговой статистики, рассматривать жалобы на неправильное обложение, предоставление льгот, отсрочек и рассрочек в соответствии с действующим законодательством, а также составлять проекты годовых и квартальных планов поступлений налогов с населения. По штату в нем значилось 35 сотрудников во главе с начальником управления П. А. Четвериковым³⁷.

В архивных документах сохранилась оценка данной реорганизации. Так, согласно стенограмме заключительного выступления Г. Ф. Гринько на Всесоюзном совещании инспекторов госдоходов в июне 1936 г., реорганизация сектора госдоходов в управление госдоходов свидетельствует о пристальном внимании к этому участку налоговой работы со стороны советского руководства. Теперь в структуре НКФ СССР, утверждал он, это важнейшее, центральное управление. Для инспекторов госдоходов «распоряжения начальника управления — закон. Это управление государственных доходов СССР, а вы его агенты. Железная дисциплина и правильная организация работы вытекают из этой организации». В этой связи, продолжал он, «нам нужен новый тип работника по госдоходам. Нам нужно из вас выработать такого работника, каким должен быть государственный человек. Этот человек должен быть широко экономически образован, должен быть вооружен знаниями баланса, должен хорошо разбираться в вопросах взаимоотношений с хозяйственниками, понимать планирование, советскую политику цен, и в то же время добиваться увеличения госдоходов. Вы должны бороться за расширение товарооборота»³⁸.

Несмотря на столь пафосное признание роли госдоходов в бюджете государства и призывы к формированию нового типа работников, ясного представления о способах реконструкции установления и взимания ведущих госналогов, в том числе и налога с оборота, в НКФ СССР по-прежнему не было. В июле 1936 г. лишь была осуществлена замена сельскохозяйственного денежного налога с колхозов на подоходный денежный налог. В результате система обложения колхозов, построенная на основе погектарных ставок налога с планового посева текущего года, была заменена на систему подоходного обложения общего валового дохода колхоза за предшествующий год³⁹. В итоге произошло отмежевание от обложения колхозов по натуральным показателям, свойственным продуктообменной экономике.

Таким образом, в рассматриваемый период руководством и сотрудниками НКФ СССР, а также научными работниками финансово-экономических вузов Москвы и Ленинграда предпринимались целенаправленные действия по научному и организационно-правовому закреплению финансовой и налоговой практики. Несомненно, определенная часть этих конструкций соответствовала требованиям времени. Другие же лишь оправдывали или ретушировали реальную действительность. Из-за отсутствия в структуре НКФ СССР подразделения, которое бы осуществляло координацию научных исследований и аккумуляцию полученных результатов, такая деятельность носила бессистемный характер и в целом была мало результативной. Большинство же решений организационного и правового характера принималось как реакция на явления из практики, которые или тиражировали передовой опыт по стране, или пресекали факты произвола и «налоговторчества».

Примечания

¹ Стенограмма выступления Л. Е. Марьясина на съезде управляющих 17 июня 1934 г. // По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. М., 2010. Вып. 10. С. 15.

² *Сталин И. В.* Итоги первой пятилетки // Сталин И. В. Сочинения. М., 1951. Т. 13. С. 203—204.

³ *Сталин И. В.* Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП (б) // Там же. С. 342—343.

⁴ *Гринько Г. Ф.* Финансовая программа в целом и государственный бюджет на 1933 г. // Экономическая жизнь. 1933. 29 янв.

- ⁵ Государственный архив Ивановской области (далее — ГАИО). Ф.Р.-1698. Оп. 1. Д. 22. Л. 11.
- ⁶ *Пальчик Г.* Роль госбюджета в социалистическом строительстве // Финансовые проблемы : сб. ст. / под ред. *П. А. Булата* ; Ленинград. фин.-экон. ин-т. М. ; Л., 1934. С. 129.
- ⁷ *Соколов А.* Нужна простая и подвижная система // Экономическая жизнь. 1933. 27 марта.
- ⁸ Нужна ли такая сложная система // Там же. 15 апр.
- ⁹ *Соколов А.* Указ. соч.
- ¹⁰ *Авдеев Н.* Конкретнее и проще // Экономическая жизнь. 1933. 22 апр.
- ¹¹ *Дьяченко Н.* За освоение экономики районов // Там же. 5 июня.
- ¹² Задачи финансовой работы в III квартале // Там же. 11 июля.
- ¹³ Экономическая жизнь. 1933. 23 июля.
- ¹⁴ См.: По-большевистски драться за финансовую программу второй пятилетки // Там же. 1934. 9 марта.
- ¹⁵ Финансы на службе социализма // Там же. 8 февр.
- ¹⁶ *Полюдов А.* Организационные вопросы в финансовом аппарате // Там же. 21 февр.
- ¹⁷ Инспектор должен отвечать за всю финансовую работу сельсоветов // Там же. 5 марта.
- ¹⁸ Экономическая жизнь. 1934. 18 марта.
- ¹⁹ По-боевому провести в жизнь решения правительства // Там же. 17 марта.
- ²⁰ *Тамаркин С. М.* Нам нужен квалифицированный инспектор // Там же. 27 мая.
- ²¹ *Рекис.* Необходима реформа местного бюджета // Там же. 2 сент.
- ²² *Белькович Н.* Назревшие вопросы местного бюджета // Там же. 17 сент.
- ²³ *Коновалов И.* Укрепить местные бюджеты // Там же. 6 окт.
- ²⁴ *Гладких И.* Еще об укреплении местных бюджетов // Там же. 15 окт.
- ²⁵ *Розенберг С.* Улучшить планирование местных бюджетов // Там же.
- ²⁶ *Смушков В.* Отмена карточной системы и задачи советской торговли // Плановое хозяйство. 1934. С. 53—63.
- ²⁷ *Гринько Г. Ф.* Финансовая программа на 1935 год // Экономическая жизнь. 1935. 8 февр.
- ²⁸ *Гринько Г. Ф.* Финансовая программа Союза ССР на 1936 год // Там же. 1936. 17 янв.
- ²⁹ *Молотов В. М.* План и наши задачи // Там же. 12 янв.
- ³⁰ *Гринько Г. Ф.* Наши задачи на 1936 год // Там же. 1 янв.
- ³¹ Экономическая жизнь. 1936. 6 янв.
- ³² Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф.-7733. Оп. 14. Д. 23. Л. 233.
- ³³ Там же. Д. 24. Л. 155—157.

³⁴ Известия. 1936. 1 июня.

³⁵ Финансовая система страны социализма // Экономическая жизнь. 1936. 1 июля.

³⁶ РГАЭ. Ф.-7733. Оп. 14. Д. 8. Л. 117.

³⁷ Там же. Л. 118.

³⁸ Там же. Д. 731. Л. 42.

³⁹ Там же. Д. 24. Л. 245.

ББК 74.483(2)62

С. А. Курасов, Е. М. Петровичева

**ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ВУЗОВ
В 40-е ГОДЫ XX ВЕКА
(На примере Владимирской области)**

Изучение повседневности в современной науке оформляется в самостоятельную исследовательскую парадигму, поэтому освещение различных аспектов обыденной жизни не только индивидов и социальных групп, но и учреждений становится актуальным. Стоит отметить, что повседневность стала предметом исследования разных дисциплин: истории, культурологии, социологии, философии, антропологии, юриспруденции и т. п. Объем публикаций на сегодняшний день достаточно велик, и его подробный обзор осуществили в своих работах Н. Л. Пушкарева¹, В. Д. Лелеко², И. Б. Орлов³, С. В. Журавлев⁴. Исследование

© Курасов С. А., Петровичева Е. М., 2015

Курасов Сергей Александрович — аспирант кафедры истории России Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. kurasov-serg@mail.ru

Петровичева Елена Михайловна — доктор исторических наук, профессор, директор Гуманитарного института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. helenp94@mail.ru

Работа подготовлена в рамках государственного задания Владимирского государственного университета на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности № 2014/13.

повседневности учреждений высшего образования связано с проблемами «университетского стиля жизни»⁵, а история провинциальных вузов, которые готовили большую часть специалистов в стране, на данный момент практически не освещена. Поэтому цель данной работы заключается в определении границ повседневной жизни провинциальных вузов в 40-е годы XX века.

Хронологические рамки обоснованы, прежде всего, возможностью проследить изменения повседневности, вызванные макроисторическими процессами, а также временем создания и функционирования на владимирской земле государственных учительских институтов (ГУИ), появившихся в Муроме и Владимире⁶ в 1939 году и преобразованных в педагогические институты в начале 1950-х годов. В первый год предстояло наладить организацию жизни учебного заведения, происходила т. н. «хабитуляция», т. е. оповседневнивание многих явлений и процессов. История внесла свои коррективы в мирное развитие провинциальной высшей школы, и с 1941 года судьба вузов складывалась по трем сценариям: эвакуация, ликвидация и продолжение работы. Владимирский ГУИ был эвакуирован в Суздаль, а затем ликвидирован, но в декабре 1944 года возобновил свою работу. Муромский ГУИ продолжал подготовку специалистов в годы войны. Во второй половине 40-х годов вузы преодолевали многочисленные трудности и накапливали потенциал для последующего расцвета.

В структуру учительского института входили отделения физико-математического, естественно-географического, исторического, русского языка и литературы и иногда — физического воспитания. Владимирский государственный учительский институт имел только два факультета: физико-математический и русского языка и литературы; муромский — три: кроме названных было открыто еще и историческое отделение, хотя набор в оба института был одинаковым — 120 человек. Факультеты объединяли кафедры, но в довоенное время, как правило, в провинциальных институтах количество кафедр равнялось количеству факультетов.

В институтах создавались различные добровольные общественные организации, объединяющие студентов, научно-педагогических и административно-технических работников. Первоочередными задачами таких организаций были: политическое воспитание студентов, преподавателей и работников института

на основе учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина; организация социалистического соревнования и ударничества; помощь и содействие директору в выполнении учебных планов и программ; укрепление сознательной дисциплины; организация культурного уровня студентов и работников института; организация оборонной работы. Эти задачи отражают основные направления работы в институте и его образ жизни.

Особой формой организации повседневности выступало социалистическое соревнование. Для вузов направлениями соревнования стали идейно-политическое воспитание, научно-педагогическая и оборонная работа, художественная самодеятельность и улучшение быта. Причем преобладающие количественные показатели требовали увеличения числа различных мероприятий, значкистов ГТО, ПВХО, ГСО и т. д. Многие стороны жизнедеятельности вуза ощущались через призму соревнования, хотя и без него продолжали бы свое развитие, но более медленными темпами. В годы войны эта практика приостановилась, но затем прочно вошла в обыденную жизнь.

Важной составляющей повседневной жизни выступает локализация институтов в пространстве города, что обуславливает поведение субъектов образовательного процесса. Строительство новых зданий в глубинке было невозможным, поэтому обращались к дореволюционному наследию. Во Владимире ГУИ расположился в здании бывшего реального училища, а Муромский государственный учительский институт занимал корпус бывшей женской гимназии. В годы войны в этих помещениях разворачивались госпитали, и МГУИ за один учебный год вынужден был пять (!) раз поменять свое место⁷. В послевоенное время вузы возвращались в привычное пространство.

Категория «пространство» тесно переплетена с понятием «время». Точкой отсчета времени в любом учебном заведении выступает образовательный процесс, который в учительском институте растягивался на два года. Учебный год в вузе традиционно делился на два семестра (1 сентября — 25 января и 7 февраля — 30 июня). Учебный день длился 6 часов и начинался с 9.00. За три минуты до занятия давался первый звонок, а затем второй звонок свидетельствовал о начале работы в аудиториях. Одно занятие длилось 2 академических часа по 45—50 минут с перерывом

10—15 минут и один раз в день — 20—25 минут. В перерывах время проводили по-разному. Например, в Муроме «на большой перемене не ходили по коридору, а в зале читали гуморески, пели частушки, загадывали загадки»⁸. Как правило, проходило по три-четыре занятия в день, затем следовала самостоятельная работа. Библиотека была открыта с 9.00 до 21.00.

Дополнительными границами в организации времени служат расписания движение транспорта, работа отдельных учреждений. В ВГУИ, например, врач принимал с 11.00 до 13.00 и с 17.00 до 19.00. Это, разумеется, влияло на индивидуальную организацию жизни в пространстве и времени, но существование определенных границ и периодичность позволяют говорить о повседневной структуре такого ритма жизни. Опираясь на архивные материалы, можно вывести приблизительный распорядок дня студентов провинциальных вузов:

- 7.30 — подъем
- 9.00 — 14.30 — академические занятия
- 14.30 — 16.00 — обеденный перерыв
- 16.00 — 17.00 — мертвый час
- 17.00 — 22.30 — самостоятельная работа
- 22.30 — 23.30 — время отдыха и культурных развлечений
- с 24.00 — сон⁹.

Завершением дня служило отключение электричества — еще один атрибут организации времени в вузе 1940-х годов. В связи с этим многие студенты старались найти другие места, где могли бы продолжить подготовку к занятиям.

Особую нишу повседневности вуза занимали общежития. Муромский учительский институт имел только одно здание, еще три вынужден был арендовать. К тому же 14 студентов проживали на квартирах, оплачиваемых из средств вуза. Во Владимире зданий было два. Общежития выступали отдельными «территориями», где устанавливались свои порядки. Здесь проявлялась быденная жизнь в ее бытовой стороне. Некоторые студенты стремились изменить окружающую обстановку, создавая домашний уют, что свидетельствует об их активной позиции в отношении повседневной жизни. Таким образом, студенты делились на тех, кто принимал заданные условия, и тех, кто преобразовывал и расширял свой индивидуальный мир и пространство.

Наблюдались в общежитиях и отклонения от общепринятого поведения. Так, однажды четверо первокурсников МГУИ позволили себе устроить вечер со спиртными напитками, за что были лишены жилья. Это редкость в повседневной жизни студенчества в те годы, потому что, по словам студентов, «сама молодость украшала нас (ни единого скверного слова, никаких помыслов о горячем)»¹⁰.

Минимализм довоенного быта говорит о скудном материальном положении в провинции. В то же время здесь прослеживается идея коммунальной организации жизни. При этом отсутствие общей кухни отсылает нас к вопросам не просто организации системы общественного питания, но и к основополагающей идее учебы студентов, согласно которой им некогда было заниматься вопросами быта.

Питанием студенты и преподаватели обеспечивались в столовых. В годы войны студенты получали обед из 1-2 блюд и 200 г хлеба. Был открыт буфет, но он мог обеспечить только кусочком хлеба¹¹. Дополнительным источником продовольствия становился сельскохозяйственный участок. В 1942/43 учебном году земельный участок был удален от Муром на 30—40 км, и его обработка была эпизодической, затем власти нашли землю в семи километрах от города. На шестнадцати гектарах студенты и преподаватели выращивали картофель, просо, горох, овес. Были приобретены 6 поросят¹². Всё это способствовало тому, что уже в 1944—1945 годы студенты стали получать трехразовое питание, при этом в первые послевоенные годы стоимость обеда в институтской столовой составляла 7—8 рублей. К сожалению, в 1948 году она закрылась. В общежитии же утолить голод могли сваренным киселем, к которому покупали булки¹³. Провизию привозили из дома.

Военная эпоха достаточно ярко отразилась на вузовской повседневности. Привычными стали правительственные задания, помощь колхозам и другим предприятиям, от которых зависела не только победа, но и сама жизнь. Многие осваивали военные специальности. В сознание учащейся молодежи проникали понятия о сострадании, помощи, единении народа. Посещение раненых в госпитале, сборы средств и подарков для красноармейцев — всё это поднимало дух солдат, которые отдавали все силы

для разгрома врага. Подвиги на фронте воодушевляли на подвиги в тылу, хотя сама жизнь в это время стала сплошным подвигом.

В последующую эпоху институтские будни во многом определялись социальными процессами, порожденными войной. Ежегодно увеличивался план приема на первый курс институтов, что влекло за собой изменения в темпоральной структуре из-за проблем с площадями (нехватка помещений). Удовлетворение базовых потребностей было сопряжено с созданием условий для проживания и питания. Жилищный вопрос, касавшийся студентов и преподавателей, не мог решиться, т. к. городские власти не имели подходящих ресурсов. Происходят изменения в ментальных установках. Устремившиеся в вузы студенты не имели высокого уровня подготовки, и подчас их деревенское происхождение упрощало повседневность. С другой стороны, фронтовики несли с собой новые отношения, в том числе и негативного характера (карточные игры, алкоголь, более свободные и фривольные отношения со студентками). Их «жизненный авторитет... был очень высок, но знающие жизнь, они уступали вчерашним школьникам в знании наук»¹⁴.

В среде преподавателей тоже наметились изменения. В вузы пришли фронтовики, отличающиеся рациональностью. В провинции оседали эвакуированные в годы войны и молодые ученые из крупных вузов. Более настороженным стало отношение руководства к «неблагонадежным» и «чуждым» преподавателям, сохранявшим сущностные черты интеллигенции.

Достаточно насыщенной была педагогическая практика студентов. Традиционно она состояла в просмотре показательных уроков, которые давали лучшие учителя города и методисты. Затем студенты сами проводили пробные занятия, после чего давали ответственные уроки, по результатам которых ставились оценки о прохождении практики. Кроме того, практиканты занимались внешкольной воспитательной работой.

Таким образом, в повседневности учительских институтов сохранялись определенные конструкты, выработанные самой высшей школой за многовековую историю. Организация пространства зависела от местных условий, но, как правило, успешно решалась за счет материальной базы дореволюционных учебных заведений. При этом вуз гармонично вписывался в городскую

среду. Студенты становились частыми посетителями театров, кино, парков. Молодежь устраивала вечера (литературные, музыкальные, физкультурные), т. е. жизнь была насыщена не только учебными занятиями, но и культурным досугом — еще одна черта советской молодежи. При этом надо было прилагать усердие, чтобы получать стипендию, иначе приходилось оплачивать свое обучение, поскольку с 1940 года плата за обучение вычиталась из получаемых средств.

Временные границы устанавливались с учетом учебной деятельности. Атрибутами советской эпохи были двойные звонки и отключение электричества. Именно эти пункты определяли официальные границы, за нарушение которых могло последовать строгое наказание со стороны государства. Здесь стоит усматривать и стремление власти к контролю над временем советских граждан, что стало отражением «социалистической цивилизации»¹⁵. Это еще одно свидетельство о целенаправленном формировании повседневной жизни вузов. Кроме временных рамок, темпоральность характеризует отношение человека к социальному времени. Сознание молодого поколения было выхолощено советской системой образования и подвержено массовой идеологической обработке. Для студенчества годы, проведенные в институте, становились застывшей массой дней, наполненных разнообразными, преимущественно приятными занятиями. Для преподавателей было характерно ощущение нового этапа в жизни страны и их личной жизни. История показывает, что эта позиция была объективной, т. к. начавшаяся война подвела черту под повседневной жизнью мирного времени.

В провинции повседневность в ее вещном измерении практически не менялась в течение долгих лет, хотя в аксиологическом аспекте жизнь стала иной. Незыблемыми оставались основы вузовской системы обучения, сохранялись ритуалы, формы организации досуга, но на пространственно-временной континуум накладывается социальное время, выделяющее способ жизни в определенный исторический период, что позволяет говорить об особенностях повседневности на различных этапах.

Примечания

- ¹ Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Социальная история : ежегодник, 2007. М., 2008.
- ² Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., 2002.
- ³ Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010.
- ⁴ Журавлев С. В. История повседневности — новая исследовательская программа для отечественной исторической науки // Людтке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010.
- ⁵ Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Terra Universitatis : два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005.
- ⁶ Муром относился к Горьковской области, но с 1944 г. вошел в состав Владимирской, причем исторически Муром всегда тяготел к Владимиру. В 1946 г. учительский институт открылся в Вязниках, но он просуществовал недолго.
- ⁷ Архивный отдел администрации округа Муром. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11. Л. 1 об.
- ⁸ Воронина-Свириденко Е. В. Записки сельского учителя. Машинопись. 1997. С. 5.
- ⁹ Государственный архив Владимирской области. Ф. Р-1860. Оп. 1. Д. 4. Л. 86.
- ¹⁰ Надпись на фотографии выпуска ВГУИ 1941 года // Музей истории ВГГУ.
- ¹¹ Архивный отдел администрации округа Муром. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11. Л. 10 об.
- ¹² Там же. Д. 16. Л. 10 об.
- ¹³ Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Указ. соч. ; Воронина-Свириденко Е. В. Указ. соч.
- ¹⁴ Журавлев С. В. Указ. соч. С. 142.
- ¹⁵ Баева О. В. Власть и конструирование времени повседневности работников Северо-Кавказских железных дорог в 1920-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 3 (41), ч. 2. С. 16.

А. А. Емельянов

РИФМОВАННЫЙ СЛЕНГ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В современной англистике существует такой уникальный языковой феномен, как рифмованный сленг, являющийся объектом лингвистического исследования различных зарубежных и отечественных ученых. Суть рифмованного сленга состоит в рифмованной замене исходной единицы вторичной единицей, принимающей семантику первой. Такая замена характеризуется идентичностью денотативного значения рифмующейся однословной единицы номинации со словом или словосочетанием с конечным рифмованным компонентом¹.

Под рифмованным сленгом мы понимаем разновидность специального английского сленга, в котором подразумеваемому слову соответствует его рифмованный эквивалент, который не имеет ничего общего со значением подразумеваемого слова². Обратимся к примерам³.

«Finish off your brandy and we'll go and join the *string of pearls*» — Допивай бренди и пойдем присоединимся к жемчужным бусам (девушкам). Вместо слова *girls* (девушки) здесь употребляется рифмованный аналог *string of pearls* (жемчужные бусы).

«I had a very pretty *horse guard* from Malta this morning» — Этим утром я получил с Мальты очень милую конную охрану (открытку). Вместо слова *postcard* (открытка) употребляется *horse guard* (конная охрана)⁴.

В данной работе анализируется одна из разновидностей рифмованного сленга британской интеллигенции, известная как «Upper Class rhyming slang». На сегодняшний день данное явление не подвергалось специальному лингвистическому исследованию.

© Емельянов А. А., 2015

Емельянов Алексей Анатольевич — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и правовых дисциплин Ивановского филиала Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. marveille777@yandex.ru

В работе предпринимается попытка обозначить рифмованный сленг британской интеллигенции как особую разновидность сленга, выявить истоки его появления, а также проанализировать некоторые характерные особенности, присущие этой языковой реалии.

Данный феномен представляет собой необычное языковое явление с постоянным стремлением зашифровывать устную речь, тем самым делая ее непонятной для посторонних лиц, а также более живой и интересной⁵. Выделяя такие функции рифмованного сленга, как оградительная и эстетическая, ученые рассматривают рифмованный сленг как своеобразное средство оптимизации речевого воздействия, которое выполняется за счет усиления чувства групповой обособленности, вносящего в беседу элемент словесной игры⁶.

По мнению Уиллера и Бродхед, рифмованный сленг интеллигенции Великобритании начал свое существование в середине шестнадцатого века во времена правления английской королевы Елизаветы Первой. Данный языковой феномен был изобретен английским поэтом и драматургом Кристофером Марло и служил для конфиденциального общения агентов службы безопасности, в частности тайного агента елизаветинской эпохи Френсиса Уолсингема. Агенты этой службы были связаны с высшими кругами английской аристократии и, благодаря Марло, рифмованный сленг, начиная с середины XVI века, использовался в повседневной речи интеллигенции Великобритании⁷.

Характерные особенности речи британской интеллигенции проявляются, прежде всего, в том, что сам образ жизни аристократов (а именно: вращение в высших политических кругах, верховая езда, знание иностранных языков, увлечение театром и т. д.) способствовал появлению в их речи соответственных слов и выражений и являлся своего рода маркером социального статуса говорящего. Так, большое количество рифмованных аналогов, связанных с именами британских и французских королей, королев, принцев, названиями дворцов, является следствием активного участия аристократии в политической жизни страны. Стремление зашифровать свою речь, использовать рифмованные эвфемизмы вместо некорректно или вульгарно звучащих выражений, а также наличие французских заимствований в речи британской знати свидетельствуют о желании сделать свою речь высокопарной,

образной, обособленной, свойственной именно высшим слоям британского общества:

«It must have taken Percy a lot of *hors d'oeuvres* to propose to Fenella» — Должно быть, Перси потратил много закуски, чтобы сделать предложение Фенелле. В данном случае вместо английского слова *nerves* (нервы) используется французский рифмованный аналог *hors d'oeuvres* (закуска).

Другой пример: «The gardener assures me that a little *Cote d'Azure* will revitalize the roses» — Садовник убеждает меня, что немного Лазурного Берега оживит эти розы. Здесь французское географическое название «*Cote d'Azure*» (Лазурный берег) является рифмованной заменой английского слова *manure* (удобрение).

Принцип образования рифмы в рифмованном сленге английской интеллигенции подобен общему принципу построения рифмы в сленге⁸. Иногда вместо использования полной рифмы наблюдается употребление лишь одной из ее частей. Если первая часть рифмы не имеет рифмовку с подразумеваемым словом, то понимание смысла высказывания вызывает определенные затруднения.

В частности, приведем в качестве примера следующую фразу: «What exactly did Little Willie do with that *Marie* in the chemistry lab?» — Что именно делал малыш Вили с помощью той *Марии* в лаборатории? Вместо подразумеваемого слова *pipette* (пипетка) используется имя французской королевы Марии Антуанетты (*Marie Antoinette*). Но для рифмы берется только первая его часть — *Marie* (Марии).

Вообще в рифмованном сленге английской интеллигенции в качестве субститутов часто используются имена собственные, тем или иным образом связанные с историей Великобритании и Франции, с историей британской и французской королевских династий. Приведем несколько наиболее характерных примеров:

Deer ~ *Life Peer* (олень ~ пожизненный пэр),

Bird ~ *Richard the Third* (птица ~ Ричард Третий),

Pipette ~ *Marie Antoinette* (пипетка ~ Мария Антуанетта),

Dent ~ *Princess Michael of Kent* (вмятина ~ принцесса

Майкл Кентская — член британской королевской семьи),

Pause ~ *Louis Quatorze* (пауза ~ Людовик XIV),

Success ~ *Good Queen Bess* (успех ~ королева Елизавета I),

Alone ~ *On the Throne* (один ~ на троне),

Fire ~ *King's College Choir* (огонь, пожар ~ хор королевского колледжа, созданный королем Генрихом VI),

Man ~ *Princess Anne* (человек, мужчина ~ принцесса Анна, член королевской семьи),

Beans ~ *Kings and Queens* (бобы ~ короли и королевы),

Malice ~ *Buckingham Palace* (злоба ~ Букингемский дворец),

Tails ~ *Prince of Wales* (хвосты ~ принц Уэльский),

Cable ~ *Knight of the Round Table* (кабель ~ рыцарь Круглого Стола),

Parcel ~ *Windsor Castle* (пакет ~ Виндзорский замок).

Анализ рифмованных единиц РС британской интеллигенции позволил выделить следующие сферы употребления сленгизмов:

1) еда и напитки:

Present ~ *Brace of Pheasant* (подарок ~ блюдо из фазана),

Chronic ~ *Gin and Tonic* (хронический ~ джин-тоник);

2) имена знаменитостей:

Choosy ~ *Debussy* (привередливый ~ Дебюсси),

Iron ~ *Lord Byron* (утюжить ~ лорд Байрон);

3) спорт:

Thick ~ *Crocket Stick* (толстый ~ палка для крокета),

Places ~ *Ascot Races* (места ~ конные соревнования в Эскот);

4) дом и приусадебное хозяйство:

Fool ~ *Swimming Pool* (глупец ~ бассейн),

Pardon ~ *Rose Garden* (извинение ~ сад роз);

5) географические названия:

Best ~ *Mount Everest* (лучший ~ Эверест),

Knees ~ *Pyrenees* (колени ~ Пиренеи).

Вышеприведенные примеры рифмованного сленга британской интеллигенции заменяют собой обыденные слова рифмованными субститутами, тем самым вырабатывается собственный стиль речи, стремление к социальной индивидуализации и подчеркиванию своего особого статуса в актах коммуникации.

Следует отметить, что подобный феномен языковой игры более характерен для английского языка, нежели для русского, так как при переводе данных фраз на русский язык, в котором переводные единицы не рифмуются между собой, происходит непонимание языковой игры. Трудности перевода рифмованного

сленга на русский язык проявляются в том, что по-русски прилагательное не так легко становится субстантивированным и неудобно в обращении при сокращении рифмующейся пары⁹.

Таким образом, рифмованный сленг британской интеллигенции определяется как особая разновидность рифмованного сленга английского языка, в которой рифмованные аналоги образуются под влиянием таких экстралингвистических факторов, как вращение аристократов в высших политических кругах, верховая езда, знание иностранных языков, увлечение театром и т. д. Изучение уникального языкового феномена — рифмованного сленга интеллигенции Великобритании дает более полное представление об особенностях разговорной речи представителей британского общества.

Примечания

- ¹ *Беляева Т. М., Хомяков В. А.* Нестандартная лексика английского языка. Л., 1985.
- ² *Емельянов А. А.* О функциональных особенностях английского рифмованного сленга // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. Иваново, 2008. Вып. 3.
- ³ Здесь и далее в примерах сленга простым шрифтом обозначены «зашифрованные» понятия, а курсивом — рифмованные аналоги.
- ⁴ *Wheeler P., Broadhead A.* Upper Class Rhyming Slang. London, 1985.
- ⁵ *Емельянов А. А.* Характерные особенности социальных разновидностей рифмованного сленга // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. Иваново, 2014. Вып. 6.
- ⁶ *Бродович О. И., Воронин С. В.* Об одном эксцентричном средстве оптимизации коммуникативного процесса (Cockney Rhyming Slang) // Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы. М., 1986.
- ⁷ *Wheeler P., Broadhead A.* Op. cit.
- ⁸ *Емельянов А. А.* Рифмованный сленг современного английского языка: особенности образования и функционирования // Современные проблемы и перспективы развития гуманитарных, технических, общественных, естественных наук и промышленной безопасности : сб. науч. ст. СПб., 2014.
- ⁹ *Борисенко А. Л.* Ошибка профессора Хиггинса // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. М., 1998. № 6.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 63.1(2)6

О. В. Захарова, И. К. Лапшина

ЗИМУЛИНА ЛИДИЯ АЛЕКСАНДРОВНА: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ РОССИЙСКОГО ИСТОРИКА-ИНТЕЛЛИГЕНТА

Модернизационные процессы в современном российском образовании и меняющаяся система ценностей в обществе, к сожалению, нередко вызывают разрыв между представителями классической и новой педагогической интеллигенции.

Это заставляет с особым вниманием отнестись к проблеме сохранения научной и педагогической преемственности между поколениями, наиболее значимого опыта, накопленного нашими учителями, и иметь перед собой четко сформированный образ истинного ученого и педагога-интеллекта. На наш взгляд, профессор Лидия Александровна Зимулина являлась его живым воплощением. В данной статье рассматриваются основные вехи жизненного пути Л. А. Зимулиной, а также основные аспекты ее научной и педагогической деятельности.

© Захарова О. В., Лапшина И. К., 2015

Захарова Ольга Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Zaharova33@yandex.ru

Лапшина Ирина Константиновна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой новой и новейшей истории Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. irina_kon_lap@mail.ru

Основные достижения Л. А. Зимулиной в науке и педагогике были заложены ее блестящим образованием, полученным в стенах Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Она окончила исторический факультет, где на кафедре новой и новейшей истории определился ее интерес к англоведению, который она сохранила на всю жизнь. По окончании университета судьба сначала привела ее в краеведческий музей им. И. А. Гончарова Ульяновской области, где она проработала старшим научным сотрудником с 1960 по 1962 год.

Педагогическая деятельность Л. А. Зимулиной начинается в 1962 году с должности ассистента кафедры всеобщей истории Ульяновского государственного педагогического института им. И. Н. Ульянова. В 1964 году она возвращается в Москву, чтобы продолжить обучение в аспирантуре кафедры всеобщей истории Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. Научным руководителем Л. А. Зимулиной стал крупный отечественный историк А. С. Самойло, автор известной монографии о ранних английских колониях в Северной Америке. Предметом научного исследования Лидии Александровны стало положение британских доминионов в период между двумя мировыми войнами. В 1967 году она успешно защитила кандидатскую диссертацию по теме «Борьба английских доминионов за расширение политических прав в 1924—1929 гг.» и вернулась в Ульяновск.

Педагогическая деятельность Л. А. Зимулиной была продолжена сначала в Ульяновском, а затем во Владимирском государственном педагогическом институте. После переезда во Владимир в 1980 году она была принята на должность доцента

кафедры всеобщей истории ВГПИ, прошла путь до профессора и заведующего кафедрой новой и новейшей истории. Находясь на руководящей работе, Лидия Александровна, как истинный интеллигент, всегда оставалась внимательным, чутким, скромным человеком, исключительно благожелательной к коллегам и студентам.

Одним из приоритетных направлений в педагогической деятельности профессора Л. А. Зимулиной стало гражданское воспитание учащихся, в том числе его поликультурная составляющая. Лидия Александровна, рассуждая о содержательной стороне гражданского воспитания студентов исторического факультета, особо подчеркивала важность данной проблемы, к которой кафедра новой и новейшей истории обратилась в начале 1990-х годов.

Превалировавший ранее классовый подход к нравственному воспитанию обусловил разрыв социально-педагогических воспитательных целей и реальных процессов, объективно воздействующих на формирование личностно значимых идеалов. Проходившие серьезные изменения в социокультурной обстановке России, новый этап реформы образования, характеризовавшийся усилением процессов гуманизации и демократизации, поставили проблему поиска новых путей к пониманию сущности гражданского воспитания, принципов его организации, отбора и структурирования содержания. Выступая на круглом столе «Подготовка учителя к решению проблем гражданского образования в России» в феврале 2002 года во Владимире, Л. А. Зимулина отмечала: «Нас заставила это сделать жизнь, потому что все учебники истории, особенно вузовские, резко отстали с конца 1980-х годов от реалий российского общества, от того уровня отечественной исторической науки, которая пересматривала очень многие проблемы прошлого нашей родины и стран Европы, Америки, Азии и Африки»¹.

Раскрывая свое видение проблемы, Л. А. Зимулина подчеркивала, что колоссальная переоценка исторических событий важна была прежде всего для того, чтобы выпускник исторического факультета был вооружен не просто багажом знаний, но умел использовать альтернативные программы, альтернативные учебники и был подготовленным к возможности подобного выбора. Особое место отводилось формированию умения обучить ученика в школе гибкому мышлению, соответствующему конкретному возрасту.

Важное место в своей деятельности профессор Л. А. Зимулина уделяла организации работы спецсеминара по проблемам новой истории, которым руководила с 1992 года. Ею было подготовлено более 100 дипломников дневного и заочного отделений исторического факультета.

Лидия Александровна утверждала, что именно учитель истории несет ученикам понятия «гражданское общество», «правовое государство», «права человека» и т. д. Эти понятия являются дискуссионными, и потому многое зависит от точки зрения учителя и возможностей восприятия учеников. В рамках данного семинара-специализации она ставила перед студентами задачу понять, где истоки современной демократии, современного демократического общества, которое строит наша страна, какова была реальная политическая практика строительства основ государства в странах Европы и Америки, каковы были ошибки на этом пути и стали ли эти общества действительно демократическими, правовыми. «СМИ сегодня склонны идеализировать западную демократию, противопоставлять ее нашей стране. И кому как не учителю истории и иностранного языка чрезвычайно важно правильно ориентироваться в этом. Не так прямолинейно, не так гладко шло становление основ правового государства. И в настоящее время ни одна из стран Запада не имеет идеальной демократии, к которой стремились теоретики»², — отмечала Л. А. Зимулина.

Основной акцент в работе спецсеминара ставился на анализ истоков возникновения демократических теорий, теории естественного права, гражданских прав человека, теории правового государства, начиная с XVII и на протяжении XVIII—XIX веков, на их развитие со времен раннего английского Просвещения. Предполагалось, что усвоение данного материала студентами будет основываться, прежде всего, на их непосредственной работе с источниками — трактатами Д. Локка, литературными произведениями Д. Дефо, Д. Свифта. Через призму тех же путешествий Гулливера, к примеру, рассматривалось, как критиковалось просветителями конца XVII — начала XVIII века современное им английское капиталистическое общество. И оказывалось, что современная критика нашей российской коррупции, деятельности нашей Думы и т. д. как две капли воды совпадает с теми моментами, которые выявлялись великими английскими просветителями

три столетия назад на примере Британии. Что они предлагают в борьбе с этими изъянами человеческого общества, как они строят будущую систему правового государства, как они пытаются бороться за реальное построение правового государства — все эти вопросы имели непосредственное отношение к возникновению и развитию теории прав человека. Через данный семинар студенты, выходя на практику на 4-м и 5-м курсах, имели возможность апробировать собственные научные изыскания в школе, где проводили уроки, тесно связанные с темой своей дипломной работы.

Педагогическую деятельность проф. Л. А. Зимулина успешно сочетала с научно-исследовательской деятельностью. Спектр ее научных интересов был весьма широк, основное внимание привлекли проблемы внутренней и внешней политики Британской империи, эволюция имперских отношений, становление государственности в британских доминионах. Вместе с тем надо отметить, что в 1970-е годы Л. А. Зимулина занималась разработкой и североирландской проблемы. В 1973 году в журнале «Вопросы истории» вышла ее статья «Ирландская республиканская армия», в которой анализировалось значение ИРА в борьбе за независимость Северной Ирландии. Впоследствии это направление исследований продолжила ученица Л. А. Зимулиной. Под ее руководством в 2002 году во Владимирском государственном педагогическом университете О. В. Маркиной была защищена кандидатская диссертация по теме «Национальный аспект североирландской проблемы: 1921—1968 гг.».

В 1980-х — начале 2000-х годов профессором Л. А. Зимулиной активно развивалась идея преимущественно мирной трансформации многонациональных государственных образований имперского типа в отличие от высказывавшихся суждений о их стихийном распаде. Этот вопрос поднимался в учебном пособии «Доминионы и неокOLONиалистская политика Англии» (Владимир, 1990), докторской диссертации «Становление государственного суверенитета британских доминионов (1914—1931 гг.)», защищенной в 1995 году в Москве, и в ряде статей. Среди наиболее важных — «Англо-канадские противоречия в годы временной частичной стабилизации капитализма» (Курск, 1986), «Политические разногласия в английских доминионах в борьбе за государственный суверенитет» (Уфа, 1993), «Становление государственного

суверенитета Канады и политический кризис 1925—1926 годов» (Рязань, 1997), «Великобритания и эволюция имперских отношений в годы Первой мировой войны» (Владимир, 2003).

Одной из первых в отечественной историографии проф. Л. А. Зимулина предметно поставила и стала разрабатывать конкретно-исторические аспекты проблемы имперской стратегии деволуции, под которой понимается постепенная передача властных полномочий от метрополии к доминионам.

Следует отметить, что на протяжении долгого периода развития отечественной историографии имперская стратегия британского парламента межвоенного периода по отношению к колониям и доминионам британской империи не становилась объектом специального исследования, хотя, безусловно, различные аспекты этого вопроса затрагивались советскими и российскими авторами. В частности, в работах В. Г. Трухановского «Новейшая история Англии» (1958), Н. А. Ерофеева «Закат Британской империи» (1967), коллективной монографии сотрудников Института мировой экономики и международных отношений АН СССР «Распад Британской империи» (1964) рассматривались центробежные тенденции в доминионах Британской империи, их стремление к самостоятельности, раскрывались экономические процессы как базисные факторы ее распада. Данные аспекты затрагивались и в работах по истории отдельных доминионов, например в коллективной работе сотрудников АН СССР 1970—80-х годов «Канада 1918—1945. Исторический очерк», в «Истории Канады» В. А. Тишкова и Л. В. Кошелева, в работе А. Г. Судейкина «Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами».

В начале XXI века в центре внимания отечественных исследователей встали межрасовые и межнациональные отношения в Европе и Америке XX века, а также проблема деколонизации как более широкого процесса, чем только распад Британской империи, в ходе которого не прекращается взаимодействие двух миров — правящей метрополии и зависимых территорий. Данная концепция представлена в монографии Г. С. Остапенко «Британские консерваторы и деколонизация», анализирующей политику британских правящих кругов в Африке в 40—60-е годы XX века, а также в книге того же автора «Актуальные проблемы общественно-политической жизни Великобритании во второй половине XX века».

Подход профессора Л. А. Зимулиной отличался стремлением выявить процесс формирования идеи и механизмов построения Британского Содружества со стороны Британии и доминионов в рамках империи, роль и влияние общественно-политических кругов доминионов на принятие конкретных политических решений.

В последних статьях, опубликованных в ряде сборников Института Всеобщей истории РАН, Л. А. Зимулина в контексте вопроса деволуции акцентировала момент взаимного сближения империи и доминионов в нахождении новой формы взаимодействия. Характеристика имперской стратегии деволуции в доминионах Британской империи дана в публикации Л. А. Зимулиной «Канадская общественно-политическая мысль и британская стратегия деволуции в 20-е годы XX века»³. В ней Л. А. Зимулина подчеркивала, что «путь доминионов к независимости пролегал в целом через мирную, хотя отнюдь не бесконфликтную трансформацию всей системы их экономических, политических и духовных связей с метрополией», в ходе которой во взаимоотношениях сторон утверждались принципы партнерства и равенства⁴.

Важное место в процессе деволуции, как показала Л. А. Зимулина, заняли 1920-е годы. На примере Канады она обозначила принципиальную роль общественно-политических кругов британских доминионов в мирном движении к независимости. В Канаде особая роль в этом плане принадлежала либеральной партии, ставшей «глашатаем» требований политической самостоятельности страны при поддержке прогрессистов и лейбористов. В основе борьбы канадской общественности за независимость лежало стремление добиться расширения политических прав доминиона путем конституционных изменений⁵. Либеральная партия умело использовала конституционный конфликт 1926 года, вызванный отказом генерал-губернатора лорда Бинга распустить парламент по требованию премьер-министра М. Кинга и его поручением консерваторам сформировать правительство. Именно в связи с этим конфликтом либералами был поставлен вопрос о статусе Канады как независимого государства, а генерал-губернатор, отказавшийся принять «совет премьер-министра», был обвинен в стремлении восстановить колониальный статус Канады⁶. Правительственный кризис 1926 года оказал существенное влия-

ние на ход имперской конференции 1926 года, которая провозгласила новый статус доминионов как автономных государственных единиц внутри британской империи⁷.

Проблема деволуции была затронута в последней статье Л. А. Зимулиной «Эволюция форм диалога метрополии и доминионов Британской империи в XX веке». Внимание автора было сосредоточено на имперской конференции 1926 года, главным результатом которой стало оформление Британского Содружества Наций. Основная борьба на конференции, которую повели правящие элиты Ирландии, Канады, Южной Африки, развернулась за расширение конституционных прав доминионов и оформление их нового политического статуса.

Попытки британского правительства сгладить разногласия с доминионами и сохранить с ними прежнее единство на почве их заинтересованности в совместном владении колониями не принесли желаемого результата. Доминионы были провозглашены конференцией автономными государственными единицами внутри Британской империи, равными по статусу и свободно объединившимися в качестве членов Британского Содружества Наций⁸.

В рамках этой проблемы Лидией Александровной и ее ученицей О. В. Захаровой впервые в отечественной историографии было обращено особое внимание на необходимость более пристального изучения процесса деволуции⁹. Необходимость формирования нового механизма имперских отношений в условиях роста национального сознания стала особенно ясна после провала политики министра колоний Дж. Чемберлена преобразовать Британскую империю на принципах «имперского федерализма». Первый камень в перестройку империи на принципах деволуции был заложен в годы Первой мировой войны. Особую роль в развитии диалога политических элит метрополии и доминионов сыграло создание имперского военного кабинета с участием премьер-министров и министров доминионов и самостоятельное представительство доминионов на Парижской мирной конференции 1919 года¹⁰.

Сформулированные профессором Л. А. Зимулиной идеи нашли дальнейшее развитие в защищенных во Владимирском государственном педагогическом университете кандидатских диссертациях.

Лидия Александровна Зимулина олицетворяла собой образ российского ученого-интеллекта. Она успешно сочетала активную умственную работу и непрерывное самообразование с педагогической работой, была носителем высоких нравственных идеалов. При общении всегда чувствовалась искренняя заинтересованность в человеке и чуткость к его проблемам. Безусловно, эти качества благотворно влияли на подготовку ценных педагогических кадров и руководство молодыми учеными, которые продолжили традицию преподавания в средней и высшей школе.

Примечания

- ¹ О проблеме образования в современной России : материалы круглого стола, посвящ. поликультурному образованию // Полигнозис. 2002. № 2. С. 143.
- ² Там же.
- ³ *Зимулина Л. А.* Канадская общественно-политическая мысль и британская стратегия деволуции в 20-е годы XX века // *Общественная мысль в контексте истории культуры* : сб. науч. ст. М., 2004.
- ⁴ Там же. С. 331.
- ⁵ Там же. С. 335.
- ⁶ Там же. С. 336.
- ⁷ Там же. С. 338.
- ⁸ Там же. С. 110.
- ⁹ *Захарова О. В.* Имперская стратегия британского парламента в Канаде: 1921—1931 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2006.
- ¹⁰ *Зимулина Л. А.* Эволюция форм диалога метрополии и доминионов Британской империи в XX веке // *Социально-политическая и интеллектуальная трансформация общества в переломные эпохи.* М., 2008. С. 106—107.

Д. А. Смирнов

**«...КАК ИЗ ПОДОЖЖЕННОГО
МАГНИЕВОГО ПОРОШКА»:
ПРОШЛОЕ НА МОМЕНТАЛЬНОМ СНИМКЕ
В РУКАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА**

Анализ формирования исходных позиций немецкого интеллектуала, философа, литературного критика и историка Вальтера Беньямина (1892—1940) в разработке методологии исторического исследования, и прежде всего анализа социального процесса познания прошлого, заставляет обратить внимание на одну из неопубликованных при жизни работ мыслителя — «Берлинскую хронику». Рукопись этой работы должна была лечь в основу нескольких статей, которые Беньямин планировал подготовить по договору с журналом «Die literarische Welt» в течение 1932 года. Однако он так и не выполнил условия договора. Издатель посмертного «Собрания сочинений» Рольф Тиндеманн видит причину в том, что текст «Берлинской хроники» вышел за предусмотренные договором рамки. Содержательно она больше не могла считаться только лишь биографическими заметками, а стала представлять собой самостоятельный, цельный, хотя и имеющий характерную для работ Беньямина специфику текст¹.

Стилистические особенности «Берлинской хроники» становятся тем более заметными, если учитывать, что примерно в это же время Беньямин создал ряд близких к ней работ, некоторые

© Смирнов Д. А., 2015

Смирнов Дмитрий Александрович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник НИИ интеллигентоведения, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. d-smirnov@mail.ru

Работа подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX — начала XXI в.: виртуальность и реальность».

из которых были опубликованы при его жизни полностью, например «Краткая история фотографии», а некоторые, подобно «Берлинскому детству около 1900 года», частично и в разрозненном виде увидели свет в ряде изданий в течение 1930-х годов.

В отношении близости этих работ стоит отметить три обстоятельства. Во-первых, они, наряду с «Берлинской хроникой», были обращены к недавнему прошлому, к событиям XIX века, непосредственным свидетелем которых был сам Беньямин, что помогло ему красочно и подробно передать некоторые стороны общественной и политической жизни этого времени. Во-вторых, можно проследить методологическую близость данных текстов, поскольку трудно говорить в их отношении о привычной структуре научной работы. Скорее автор старался выхватить, или, пользуясь его же терминологией, разорвать довлеющую последовательность событий, и детально проработать отдельные образы прошлого, полагая, что все вместе они способны впоследствии сложиться в цельную картину, свободную от давления стандартных моделей восприятия. В-третьих, указанные тексты необходимо рассматривать в тесном единстве с главным произведением Беньямина в этот период — исследованием Парижа в качестве столицы XIX века, более известного как работа о парижских пассажах. Последнее обстоятельство особенно характерно именно для «Берлинской хроники». Очевидно, находясь уже во власти используемой в работе о парижских пассажах методологии, Беньямин впервые применяет ее на практике в этом относительно законченном исследовании. Именно так стоит оценивать значение этой работы, хотя ее структура была довольно необычна для научного произведения.

Впрочем, стиль «Берлинской хроники» и близких к ней работ объясняется не только избранной Беньямином методологией. Чаще всего это были публицистические заметки и статьи небольшого объема. Причину стоит искать в тяжелых обстоятельствах материального характера и осложнении политической ситуации в Германии, не позволявших Беньямину с большой долей уверенности надеяться, что ему легко удастся издать свои труды отдельной книгой. Легче было опубликовать именно небольшие статьи на популярные темы или работы, выполненные в жанре фельетона.

Эпопея с изданием «Берлинского детства» — работы, не отягощенной глубокими философскими идеями и теоретическими отступлениями, подробно представлена в письмах мыслителя середины 1930-х годов. Судьба «Берлинской хроники», которую исследователи рассматривают как первую ступень на пути к «Берлинскому детству», могла быть еще более тяжелой. Именно об этом говорит и редактор первого ее посмертного издания Гершом Шолем в своем предисловии. По его мнению, Беньямин сознательно вывел за рамки «Берлинского детства» школьные и студенческие годы и посвятил «Берлинскую хронику» решению другой задачи. Потому, считает Шолем, она имеет для исследователей иное значение, чем просто автобиография. Для Шолема причины такого шага очевидны, поскольку в «Берлинском детстве» нет рассуждений на темы социализма или классовой борьбы. Однако он не находит подтверждения перемен в его взглядах. Данную метаморфозу Шолем объясняет именно внешними обстоятельствами². Ими можно считать как раз материальные и политические проблемы, формировавшие контекст жизни и деятельности интеллектуала в этот период. Анализ «Берлинской хроники» должен был помочь, по мнению Шолема, в изучении наследия Беньямина, отнюдь не ограничивавшегося только лишь опубликованными при жизни материалами.

В конце 1920-х — начале 1930-х годов Беньямин нередко предлагал и создавал новые концептуальные интеллектуальные установки для будущих исследователей и в плане теории, и в плане подачи материала. В силу своей сравнительной завершенности «Берлинская хроника» может считаться историческим исследованием, реализующим ряд концептуальных установок Беньямина: представление о давлении видений прошлого в момент начала исторического познания, необходимость осознания скрытости минувшего для объективного научного исследования и критического отношения к видениям прошлого, зависимость критической оценки субъекта познания от обстоятельств настоящего, сложность и диалектичность формирующихся в процессе познания прошлого образов. Все эти установки в разной степени проработанности впервые занимают свое место в таком относительно завершенном историческом исследовании, как «Берлинская хроника».

Оно менее масштабно, чем работа о пассажах, его рамки определены целевой установкой воссоздания картины частной жизни в Берлине в конце XIX — начале XX века. Вместе с тем возможно поэтому, в силу своей уникальности на момент создания, «Берлинская хроника» не могла остаться в рамках автобиографических заметок. В контексте развития исторической науки ее текст представляется важным опытом интеллектуальной истории. Начав с анализа собственных воспоминаний, разрушения видений и раскрытия образов, возникавших на этом пути, Беньямин вскоре обнаруживал, что не может обойтись без выводов о методологии познания прошлого, исторического исследования, которое и для отдельного человека, и для общества имеет, по его мнению, схожие биографические черты.

Его собственный подход требовал пояснения. Беньямин пытался найти подходящую форму своей отнюдь не только лишь автобиографической работе: она постоянно дополнялась теоретическими замечаниями, а представленные в ней образы требовали воссоздания широкого исторического фона, пусть и не частного, но субъективного взгляда на повседневную жизнь в Берлине. Как справедливо отмечает Евгений Павлов, «если в “Берлинской хронике” сам город выступает на месте того, что должно было стать серией субъективных заметок о нем, то происходит это потому, что подобная стратегия препятствует разделению жизненного пространства авторского “я” и пространства города: ничто из того, что мы узнаем о писателе со страниц “Хроники”, нельзя помыслить отдельно от топографии Берлина. Но топография эта не менее причудлива, чем топография самого беньяминовского текста»³.

В «Берлинской хронике» Беньямин фактически позволил себе сравнить процесс воспоминания отдельного человека и всего общества. В методологических отступлениях, которые содержатся в работе, он отмечал, что для полноценной жизни, глубокого и масштабного понимания собственной истории человек и общество должны постоянно находиться в процессе раскрытия прошлого: «Тому, кто однажды начал разворачивать веер воспоминания, находит всё новые звенья, новые вехи, ему недостаточно ни одного определенного образа, так как он познал: он может раскрыться, именно в складках заключено подлинное — тот образ, тот вкус, то прикосновение, ради которого мы всё это расщепляли,

раскрывали; и тогда воспоминание идет от малого к мельчайшему, от мельчайшего к самому крошечному и то, что ему встречается в этих микрокосмосах, становится всё огромнее. Такова смертельная игра, в которую ввязался Пруст и у которой он с трудом найдет больше последователей, чем нуждался в товарищах»⁴.

Философ Михаил Ямпольский, комментируя суждение Бенямина, указывает, что «знание, достигаемое на этом пути, сколь бы точным оно ни было, по-своему разрушает видимое, бесконечно распыляя и фрагментируя его»: «Наращение деталей в какой-то момент подрывает саму возможность называть»⁵. Однако вряд ли Бенямин столь трагически оценивал эту «смертельную игру». Скорее, ввязавшийся в нее, подобно Прусту, был, по его мнению, обречен следовать по выбранному пути. Но вместе с тем эта игра давала ему возможность постоянно находить новое в своем прошлом — будь то человек или общество. Эта была не бездумная попытка охватить бездну, но осознанное желание понять диалектику мира: «новые звенья», о которых пишет Бенямин, заставляли усомниться в конечности воспоминаний, а «расправленные складки» — в их однозначности.

Человек, приступивший к такому интеллектуальному познанию прошлого и располагавшийся на позициях, предложенных Бенямином в «Берлинской хронике», уже обладает знаниями о его неисчерпаемости. Он не скован идеями и концепциями, которые ограничивают его взгляд на прошлое. Он продвигается в его изучении, рассматривая все возможные варианты, поскольку именно в этом заключен смысл исторического исследования в понимании Бенямина: «Язык недвусмысленно обозначил то, что память не инструмент для разведывания прошлого, но его подмотки. Это — среда прожитого, как почва — среда, в которой лежат погребенными мертвые города. Тот, кто стремится приблизиться к своему погребенному прошлому, должен вести себя как человек, который копает. Это определяет тон и манеру настоящих воспоминаний. Они не должны бояться приходить снова и снова к одним и тем же обстоятельствам дела; рассеивать их, как рассеивают землю, переворачивать их, как перекапывают почву. Поскольку обстоятельства дела — это только залежи, слои, которые лишь тщательнейшему исследованию отдают то, что составляет истинные ценности, погруженные в земные недра: образы,

которые стоят выломанными из всех прежних взаимосвязей словно драгоценности в будничных покоях нашего позднего понимания — как руины или торсы в галерее коллекционера... Однако также необходим осторожный, прощупывающий заступ в темную почву, и тот обманывается лучшим (из найденного. — Д. С.), кто сохраняет в своих записях лишь только инвентарь находок, а не это смутное счастье от места и положения самого розыска»⁶.

Критик Евгений Павлов замечает по этому поводу: «Содержание памяти должно быть перепахано, чтобы эти руины извлечь. Но в момент вспашки отдельные отложения памяти, сама нуждающаяся в артикуляции топография также рассыпаются в прах. Ибо то, что составляет после себя вспашка, образует непредсказуемые отложения, каковые с каждым новым перевернутым пластом будут давать совершенно новые образы прошлого»⁷. Исследователь характеризует такой подход как «разрыв в последовательной цепи времени и памяти», который «взрывает внутреннее пространство буржуазной субъективности, содержащее и опосредующее хаос опыта»⁸. Однако буржуазная реальность была для Беньямина лишь подходящим примером ограниченного восприятия прошлого.

Мыслитель, используя в «Берлинской хронике» собственную концепцию, продемонстрировал, как она может быть применена к анализу общей социальной реальности. При этом им было показано и то, что в любом случае «тщательнейшее исследование» позволяет в историческом прошлом обнаружить нечто новое, выстроить его на только что «перекопанной почве». Не стоит опасаться момента, когда кругом всё будет «рассыпано в прах». «Непредсказуемые отложения» ожидают им и позволяют идти дальше: «Тщетный поиск относится к этому также хорошо, как и успешный, и потому воспоминание не должно двигаться вперед подобно рассказу и еще менее того подобно сообщению, но должно в самом строгом смысле подобно эпосу и рапсодии пробовать свой заступ во всё новых местах, исследуя всё более глубокие слои в старых»⁹. Поэтому вряд ли можно согласиться с Павловым, парадоксальным образом обнаруживающим в «странной форме хроники Беньямина» последовательность в своем постоянном возвращении к предмету обсуждения и случайность в возникновении «сходства на пороге представления»¹⁰.

Для Бенямина познание прошлого не могло быть линейным процессом, подобно автобиографии, где последовательно воспроизводятся события жизни одного человека как «непрерывного потока». Однако в представлении прошлого большое значение для него приобрел «момент вспоминания» (Eingedenken), а «вспоминания, даже если они распространяются во всю ширь, не всегда представляют автобиографию»: «Потому что автобиография имеет дело со временем, с ходом (событий. — Д. С.) и с тем, что составляет непрерывный поток жизни. Но здесь речь о пространстве, о моментах и разрывах. Потому что если здесь всплывают месяцы и годы, то в облике, который они имеют в момент вспоминания. Этот странный облик — его можно назвать мимолетным или вечным — ни в коем случае не материал, из которого она создана, не материал жизни»¹¹. Это касается не только отдельного человека, но в большей степени общества, поскольку обществу приходится воссоздавать свое прошлое в интеллектуальных дискуссиях людей, имеющих разные представления об истории, находящихся на разной стадии осознания их неполноты, с разной скоростью готовых преодолевать их изъяны и понимающих «моменты вспоминания».

Недостатки линейного воспроизведения прошлого Бенямин преодолел, отождествив «момент вспоминания» с моментальным снимком. Анализируя такое отождествление, философ Елена Петровская указывает, что это позволяет «удерживать вместе два плана — план репрезентации и план, где фотография выступает в роли познавательного механизма»: «Когда речь идет о репрезентации (изображении), имеется в виду то, что нам представлено, что явлено нашему взгляду. Но когда мы говорим о том, что фотография подразумевает, что не относится к порядку представимого и к самому изображению, то это уже то, что вчитывается нами в фотографию — здесь Бенямин снова приходит на помощь, — но только не произвольностью интерпретации, а благодаря тому, что критический момент — с его точки зрения, это и будет момент остановки — как раз и открывает “час читаемости”, или “час познаваемости”... Если немного упростить эту схему, то он фактически мог бы сказать, что читаемость фотографии, открывающаяся в определенный момент, не есть случай в том смысле, что мы привносим что-то от себя

в ее интерпретацию, — напротив, это есть необходимость. Необходимость, обусловленная исторически. Но это следует понимать и таким образом, что фотография всё время существует как бы в двух планах: мы имеем дело с ее материальной данностью — фотография как объект, — и в то же время фотография помогает ухватывать какие-то вещи, которые не сводятся к изображению»¹².

Обращение к моментальному снимку в качестве не только технического инструмента сохранения образов прошлого, но и философской метафоры его познания не случайно, поскольку в ряде работ мыслителя, относящихся к концу 1920-х — началу 1930-х годов, фотоискусству как способу восприятия реальности дается высокая оценка. Так, например, анализируя европейскую интеллигенцию в очерке «Сюрреализм», Беньямин прямо прибегает к метафоричному «использованию» техники моментального снимка¹³. Непосредственно об общественной роли фотоискусства он высказывается в неопубликованном докладе «Автор как производитель», критикуя при этом его представителей в среде немецкой интеллигенции¹⁴. Кроме того, Беньямин с большим вниманием следит за развитием фотоискусства в Советской России, с которым познакомился во время поездки в Москву и к которому впоследствии продолжает сохранять интерес.

К технике визуальной передачи реальности, возможностям фотомонтажа и выборочного сохранения образов Беньямин проявляет внимание не только в качестве художественного критика. Он также пытается найти им применение в качестве историка. Причем его интересуют не только фотографии как исторический источник, но и внутренняя сущность фотографического взгляда на прошлое, возможности моментального снимка прошлого сознанием — интеллектом отдельного человека или всего общества.

Именно об этом рассуждает Беньямин в конце «Краткой истории фотографии»: «Всё меньше становится камера, всё больше она готова запечатлеть мимолетные и тайные образы, шок от которых останавливает в наблюдателе механизм ассоциаций. На этом месте должно вступить в действие описание, которое включает фотографию в литературизацию всех отношений жизни и без которого вся фотографическая конструкция должна остаться в сфере случайного... Говорят, что “в будущем не тот будет неграмотным, кто не умеет писать, а тот, кто не владеет

фотографией”. Но не меньше ли должен слыть неграмотным фотограф, который не может прочесть свои собственные образы? Не станет ли описание существеннейшей частью снимка? Это вопросы, в которых разряжает себя от своего исторического напряжения расстояние в девяносто лет, отделяющее современников от дагеротипии. В свете этих искр и то, что первые фотографии выходят из тьмы прадедовых дней такими прекрасными и непредвидимыми¹⁵. Однако в «Берлинской хронике» он также с горечью признает: «Справедливо подмечено, что фотография не способна запечатлеть сущность, к примеру, современной фабрики. Такие картины можно, вероятно, сравнить с вокзалами, которые в наш век ветшания железной дороги, в общем, уже не служат подлинными “воротами”, через которые город разворачивает окраины от самых своих границ, как он разворачивает их на автомобильных подъездах. Вокзал дает своего рода приказ к внезапному маневру, но устаревшему, который лишь сталкивает нас со старым. То же самое можно сказать и о фотографии, даже о моментальной. Лишь фильму открываются оптические подъезды к сущности города, ведущие автомобилиста в новое Сити»¹⁶.

Эту позицию Беньямина Е. Петровская интерпретирует парадоксально, полагая, что он «еще в 30-е годы высказывает мысль о том, что когда некоторая техническая форма — ...он писал о фотографии специально, но я думаю, что его размышления носят и более общий характер, — подходит к своему завершению, то есть исчерпывает себя, или становится, как он говорит, устаревшей, тогда на какой-то короткий миг она обнаруживает тот утопический потенциал, который содержался в ней в момент ее возникновения. Это своего рода внезапная вспышка: в момент ухода обнаруживается то, что было в ней в зародыше — то, что эта форма обещала. В момент ухода она обнаруживает себя как обещание»¹⁷.

Беньямин не только представляет теоретический анализ познавательной модели фотографии. В своих работах он использует ее в качестве таковой практически и в различных исторических ситуациях. Находясь под впечатлением от раскрытых возможностей фотографии, Беньямин и в «Берлинской хронике» описывает познание прошлого как подобие техники фотоискусства: «Каждый может дать себе отчет в том, что продолжительность времени,

когда мы подвержены впечатлениям, не имеет значения для их судьбы в воспоминании. Ничто не мешает тому, чтобы мы более или менее отчетливо сохранили в памяти комнаты, где были двадцать четыре часа, а другие, где мы провели месяцы, совершенно забыли. И это не всегда вина слишком короткой выдержки, если на пластине воспоминания не проявился никакой образ. Может быть, чаще бывают случаи, где сумрак привычки годами лишает пластину необходимого света — до тех пор, когда однажды тот не вспыхивает из чуждых источников как из подожженного магниевого порошка и тогда запечатлевает на пластине комнату в образе моментального снимка. Но в центре этих редких образов постоянно стоим мы сами. И это не так загадочно, так как подобные моменты неожиданной выдержки одновременно являются моментами бытия, когда мы находимся вне самих себя, и пока наше бодрствующее, привычное, повседневное Я действительно и болезненно замешано в происходящем, наше глубинное на другой стороне и тронутое шоком, словно горка магниевого порошка — пламенем спички. Жертвой нашего глубиннейшего Я, находящегося в шоке, является то, чем наше воспоминание обязано своим самым неразрушимым образам»¹⁸.

Подобно человеку, общество, по замечанию Беньямина, не должно упустить этот момент, для описания которого известное «дежа вю» не подходит. Он предложил метафору из области акустики: «Нужно говорить о случаях, которые касаются нас эхом, пробужденным зовом, звуком того, кто, кажется, прошелся в темноте прошедшей жизни. Соответственно, если мы не ошибаемся, шок, с которым в наше сознание входят мгновения как уже прожитые нами, чаще всего ударяет нас в облике звука. Это слово, стук или шелест, наделенный магической силой, мигом переносит нас в холодный склеп прошедшего, из-под сводов которого настоящее, кажется, лишь эхом доносится до нас»¹⁹. Иначе говоря, нет ровного звука, гула из прошедшей жизни; прошлое доносится как удар, обрывающий спокойное течение. Так и фотография останавливает ровный поток. Е. Петровская подчеркивает эту философско-историческую конфронтационность позиции Беньямина с установками линейного восприятия прошлого и его стремление к раскрытию неисчерпаемости и постоянности исторического познания: «Когда Вальтер Беньямин говорил о моменте

“прочитываемости”, он имел в виду, что при остановке линейной истории открывается доступ к прошлому и его непознанному смыслу. При этом прошлое и настоящее соединяются в так называемом созвездии, где настоящее, угадывая себя в прошлом, его тем самым завершает. И это, подчеркнем, сопровождается выпадением из исторической линейности»²⁰.

Несомненно, свою роль в «прочитывании» играет восприятие и понимание «ауры», одним из авторов понятия о которой относительно фотографии был Беньямин: «Что такое, собственно, аура? Странное сплетение пространства и времени: уникальное явление дали, как бы близко при этом она ни была... Стремление же “приблизить” вещи к себе, точнее — массам — это точно такое же страстное желание современных людей, как и преодоление уникального в любом положении через его репродуцирование... А отображение, как показывают иллюстрированный еженедельник или кинохроника, несомненно, отличается от изображения. В изображении уникальность и длительность так же тесно соединены, как мимолетность и повторяемость в отображении. Очищение предмета от его оболочки, разрушение ауры представляют собой характерный признак того восприятия, смысл которого настолько вырос для всего однотипного в этом мире, что оно с помощью репродукции добывается этого даже от уникального»²¹. В свою очередь, сохранение ауры открывает широкие перспективы для исторического познания. Уникальные моментальные снимки в руках историка становятся документами; он желает именно сохранить и описать неповторимость запечатленных образов и с таким желанием приступает к анализу любого документа.

Для общества обыденные образы, подчиненные механизму ассоциаций, на который указывал Беньямин, находящиеся под давлением привычных (или, лучше сказать, господствующих) ассоциативных рядов восприятия, могут терять существенную долю значения, к тому же если их оценки диктуются со стороны и общество воспринимает их только под определенным углом зрения. В таком плане, как указывает Е. Петровская, «случай Беньямина напрямую выводит нас в контекст специфически истолкованной истории, и это счастливый поворот, потому что далеко не все теоретики фотографии столь восприимчивы к ее историческому измерению — я имею в виду фотографию не как набор знаков, а скорее

тот ее пласт, который можно связать с невидимым»²². Эта ситуация «контекста специфически истолкованной истории» препятствует формированию свободных представлений об окружающем мире — о его прошлом, настоящем и будущем.

Необходим шок, вспышка, выступающая часто как произнесенное в тишине слово, а точнее вопрос в любом его виде, сводящийся, впрочем, к форме «почему так, а не иначе?». Благодаря этому фотография, передающая прошлое в формате моментального снимка, продолжает оставаться важным инструментом познания в руках интеллектуала — и сама по себе, и как принцип аналитической работы. Можно согласиться с Е. Петровской, обращающей внимание на тезис Бенямина о необходимости «вчитываться» в фотографию. Фотография в формате моментального снимка открывает прошлое для познания и представляет «пустоту» изображения «способом понимания, способом выявления самой исторической правды»: «Изображение мобилизует ее постольку, поскольку не отдельный человек, но целая общность узнает себя в изображенном. Именно потому, что общность проникает в фото “до” того, как отдельный зритель успевает им распорядиться, изображение настигает зрителя, накрывает его с головой. Он соучаствует в опыте многих... Важно, что фотография раскрыта некоторой коллективной чувственностью, и поэтому она изображает *время*. Она изображает его всякий раз на уровне той связанности, которая различает и вносит внутреннюю дифференциацию в любые коллективы. Она, стало быть, исследует границы самих социальных единств»²³. И тогда, в это самое мгновение моментального снимка, осознанные обстоятельства, породившие аффект, заставляют общество взглянуть на себя со стороны, увидеть себя на фотографии — исторической или актуальной — и, пребывая в состоянии шока, начать осознание прежде недоступных «неразрушимых образов».

Примечания

¹ Anmerkungen der Herausgeber // *Benjamin W. Gesammelte Schriften* : in 7 Bänden. Frankfurt a. Main, 1972—1989. Bd. 6. S. 629.

² Ibid. S. 797.

³ *Павлов Е.* Шок памяти : автобиографическая поэтика Вальтера Бенямина и Осипа Мандельштама. М., 2005. С. 97—98.

- ⁴ *Benjamin W.* Der Sürrealismus : die letzte Momentaufnahme der europäischen Intelligenz // Benjamin W. Gesammelte Schriften. Bd. 2. S. 467—468.
- ⁵ *Ямпольский М.* О близком : (очерки немиметического зрения). М., 2001. С. 186.
- ⁶ *Benjamin W.* Berliner Chronik // Benjamin W. Gesammelte Schriften. Bd. 6. S. 486.
- ⁷ *Павлов Е.* Указ. соч. С. 104.
- ⁸ Там же. С. 103.
- ⁹ *Benjamin W.* Berliner Chronik. S. 486.
- ¹⁰ *Павлов Е.* Указ. соч. С. 111.
- ¹¹ *Benjamin W.* Berliner Chronik. S. 488.
- ¹² *Петровская Е.* Прощание с фотографией : (лекция, прочитанная в ИСИ осенью 2006 г.). URL: http://www.russ.ru/culture/teksty/proschanie_s_fotografiej_chast_i (дата обращения: 30.12.2014).
- ¹³ *Benjamin W.* Der Sürrealismus.
- ¹⁴ *Benjamin W.* Der Autor als Produzent // Benjamin W. Gesammelte Schriften. Bd. 2.
- ¹⁵ *Benjamin W.* Kleine Geschichte der Photographie // Ibid. S. 385.
- ¹⁶ *Benjamin W.* Berliner Chronik. S. 470.
- ¹⁷ *Петровская Е.* Указ. соч.
- ¹⁸ *Benjamin W.* Berliner Chronik. S. 516.
- ¹⁹ Ibid. S. 518.
- ²⁰ *Петровская Е.* Антифотография. М., 2003. С. 65.
- ²¹ *Benjamin W.* Kleine Geschichte der Photographie. S. 379.
- ²² *Петровская Е.* Прощание с фотографией.
- ²³ *Петровская Е.* Показывать не изображая // Критическая Масса. 2005. № 2. URL: <http://www.russ.ru/km/2005/2/pe11.html> (дата обращения: 30.12.2014).

ББК 60.543.132.2

С. А. Корнев, А. А. Данилов

ОДИНОЧЕСТВО ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: СТРАХ УТРАТЫ СУБЪЕКТНОСТИ

Глубинные изменения всех сфер российского общества, кризисные процессы, необходимость решения целого комплекса задач стимулируют интерес к истории современного состояния интеллигенции. Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что в настоящее время субъектный подход к анализу внутреннего мира интеллигенции активно развивается. Проблема положения творческого субъекта современного общества привлекает всё большее внимание исследователей. В данной работе сделан акцент на анализе творческой личности, интеллигенции как субъекте социально-психологических отношений.

Исследование проблемы одиночества интеллигенции представляется крайне актуальным в контексте особенностей развития общества начала XXI века. Качественные изменения элементов культуры, протекающие с большой скоростью, высокая степень расслоения общества, разобщенность интеллигенции в больших мегаполисах, недостаточность глубоких эмоциональных

© Корнев С. А., Данилов А. А., 2015

Корнев Сергей Александрович — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Ивановского государственного университета. kornevbox@mail.ru

Данилов Александр Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Ивановского государственного университета. aleksandr.danilov.danilov@mail.ru

контактов — на это и многое другое обращают внимание психологи, социологи и другие специалисты, исследующие предпосылки развития одиночества¹.

В современной научной литературе зачастую отмечается тот факт, что интеллигенция занимает фактически маргинальное положение, со всеми вытекающими отсюда следствиями: повышенная зависимость от чужой воли и событий, уязвимость, двойственность сознания и поведения². Выражение психологической неуверенности, творческого надлома — черта не новая, не впервые проявившаяся в деятельности интеллигенции, однако в условиях современного кризиса она заметна более отчетливо. Интеллигенция всё сильнее испытывает определенное беспокойство относительно возможности утраты собственной субъектности в социальной сфере. Страх утраты субъектности мы отождествляем с социальными страхами.

Современный социальный кризис общества перерастает в морально-психологический кризис, который особенно заметен на примере интеллигенции. Усиление тенденции к отчуждению людей на всех уровнях — от этнических групп до микросоциума — вывело на первый план значение переживания одиночества интеллигента, творческой личности как характеристики личностного развития, признака индивидуальности. Это особенно сильно испытывает на себе интеллигенция старшего возраста как одна из наименее защищенных категорий общества, поскольку ее мировоззрение, выработанное и сложившееся несколько десятилетий назад, в другой стране и в совершенно другой экономической и политической системе, ныне подвергается тотальному разрушению. Крушение прежних идеалов и невозможность найти новые вызывает у интеллигенции апатию, разочарование, неуверенность в завтрашнем дне.

Ныне от 10 до 30 % населения развитых стран, утверждают психологи, страдают от синдрома хронического одиночества, при котором человек ощущает себя отрезанным от окружающего мира и осознает его как враждебный.

Одиночество — состояние и ощущение человека, находящегося в условиях реальной или мнимой коммуникативной депривации (изоляция от других людей, разрыва социальных связей, отсутствия значимого для него общения и др.). Как психогенный

фактор одиночество влияет на психику человека и вызывает появление острых эмоциональных реакций (в том числе тягостных переживаний, тревожности, депрессии, деперсонализации), изменение сознания и самосознания, индивидуальных и личностных особенностей человека. Одиночество, как правило, тяжело переносится интеллигенцией различных возрастов.

Одиночество нередко рассматривается как «антипод» фундаментальным основам человеческого существования, полноценным межличностным отношениям и даже самой сущности человека. С другой стороны, силы, вырывающие личность из присущего ей социального контекста, связанные с такими феноменами, как индивидуализм, эгоцентризм, изолированность, отчуждение, являются факторами, отражающими сложные и объективные процессы развития общества, которые определяют, в частности, и распространение одиночества в современном мире. С недавних пор одиночество стали называть социальным бедствием, социальной болезнью, «многоликой» и «коварной»³.

В ситуации острого переживания одиночества у интеллигенции формируются различные компенсаторные (защитные) реакции, формы поведения и общения. Феномен «окликания бытия» выражается иногда в персонификации домашних животных, различных предметов (книг, кукол и др.), разнообразных изображений (семейных фотографий, картин и др.). Как явление социального порядка и проблема, одиночество получило особое распространение в современном мире (феномен «толпы одиноких»), существенно изменило систему социальных связей и непосредственного живого общения людей и отчасти подменило эту систему различного рода суррогатами общения (например, Интернет). Одиночество также выступает как форма осознанного и неосознанного протеста интеллигенции, «бегства от действительности», «внутренней эмиграции».

Одиночество является одним из факторов, которые могут способствовать возникновению и усилению переживания социальных страхов. Нами проведен анализ некоторых личностных особенностей с точки зрения их влияния на формирование страха утраты субъектности. Цель исследования заключается в том, чтобы рассмотреть особенности переживания одиночества

современной интеллигенцией с точки зрения его влияния на страх утраты субъектности.

Для исследования проблемы выбраны следующие методики: «Опросник для определения вида одиночества» С. Г. Корчагиной⁴, «Методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона⁵, «Методика определения ценностных ориентаций» М. Рокича⁶, «Шкала личностной и ситуативной тревожности» Ч. Д. Спилбергера, Ю. Л. Ханина⁷, «Интегральная самооценка личности “Кто я есть в этом мире”» Н. П. Фетискина, В. В. Козлова, Г. М. Мануйлова⁸. В результате проведенного исследования были получены следующие данные.

Диффузное переживание одиночества обусловлено действием механизмов идентификации. В состоянии диффузного одиночества интеллигенция зачастую перестает осознавать собственную субъектность, отказывается от проявлений своих истинных способностей, стремлений и интересов. Интеллигент, как правило, стремится реализовать собственную субъектность за счет объекта идентификации: недовольство собственной жизнью он компенсирует копированием тех, кто кажется ему успешным и счастливым. Окружающие объекты идентификации являются для него инструментом проявления собственной субъектности, поэтому переживание социальных страхов связано именно с потерей выбранных объектов, а следовательно, и возможности реализации своей субъектности. Ввиду этого диффузное одиночество сопровождается более сильным переживанием страха потерять работу, семью, страха критики, страха не справиться с поставленной задачей и не оправдать ожиданий окружающих. Такого рода представители интеллигенции не изолированы от общества, они имеют большое количество социальных контактов, избегают проводить время в уединении. Однако возможность изоляции и потери социальных связей вызывает у них сильное беспокойство (рис. 1).

Отчуждающее одиночество связано именно с процессом изоляции интеллигента от общества. Он теряет эмоциональную связь с другими людьми, постепенно от них отдаляясь. Зачастую человек творческий в состоянии отчуждающего одиночества не стремится реализовать собственную субъектность в межличностных отношениях, поскольку воспринимает других людей как чуждые

ему объекты и не стремится к взаимодействию с ними. Именно поэтому состояние отчуждающего одиночества сопровождается менее интенсивным переживанием социальных страхов, в частности страха потерять семью, не справиться с поставленной задачей и не оправдать ожиданий окружающих (рис. 2).

Рис. 1. Связь диффузного одиночества со спецификой страха утраты субъектности

Рис. 2. Связь отчуждающего одиночества со спецификой страха утраты субъектности

Диссоциированное одиночество связано с искаженными представлениями о собственной субъектности и характерно для людей

с экспрессивной психикой. Этот вид одиночества характеризуется постоянной сменой процессов идентификации и отчуждения. Интеллигент в состоянии диссоциированного одиночества выбирает себе объект идентификации, основываясь на его личностных особенностях, стремится видеть в объекте отождествления только положительные черты, а когда обнаруживает отрицательные, процесс идентификации резко сменяется процессом отчуждения. Другой человек является для него средством подтверждения собственной субъектности, но в силу своей эмоциональной нестабильности он может легко отказаться от этого средства. Представители интеллигенции в состоянии диссоциированного одиночества менее интенсивно переживают страх кардинальных изменений в собственной жизни, т. к. зачастую сами провоцируют эти изменения, живут в нестабильной эмоциональной обстановке, им сложно поддерживать длительные социальные контакты. Часть интеллигенции страдает от ощущения несамодостаточности своих профессиональных занятий, пытается ее преодолеть, поставить творчество на службу некой высшей необходимости.

Более высокий уровень субъективного переживания одиночества сопровождается интенсивным переживанием страха ответственности. Вероятно, наличие именно этого страха обуславливает возникновение состояния одиночества, т. к. любые межличностные отношения предполагают определенную степень ответственности. Избегая ее, часть интеллигенции уходит от тесных социальных контактов, лишает себя эмоциональной поддержки, что усиливает субъективное переживание одиночества.

Специфика социальных страхов в значительной степени зависит от системы ценностных ориентаций, присущих интеллигентам. Зачастую они боятся утратить собственную субъектность именно в той сфере, которая имеет для них наибольшее значение, в которой они стремятся максимально ее реализовать. Например, представители интеллигенции доминирующим страхом потерять работу стремятся реализовать себя именно в профессиональной сфере. Работа выступает основным источником дохода, поэтому страх потерять ее сопровождается страхом ухудшения материального положения. В данном случае ведущую позицию в системе ценностей занимает материальная обеспеченность, а не межличностные отношения.

Уровень субъективного переживания одиночества и наличие социальных страхов в значительной степени обусловлены социальной ситуацией развития, обстановкой в родительской семье. Например, представители интеллигенции, которые воспитывались в полной семье при наличии обоих родителей, росли в благоприятной эмоциональной атмосфере, не наблюдали конфликтов родителей, в целом отличаются менее выраженным состоянием одиночества и меньшей интенсивностью переживания социальных страхов. Кроме того, представители интеллигенции, которые имеют эмоциональную поддержку, удовлетворены семейной жизнью, в целом менее тревожны, обладают более высокой самооценкой, меньшим количеством социальных страхов и более низким уровнем беспокойства относительно будущего.

Различия в проявлении социальных страхов также были получены относительно возраста представителей интеллигенции. В частности, с возрастом уменьшается интенсивность переживания страха ответственности и страха не оправдать ожидания. Это обусловлено стадиями развития личности как субъекта.

Молодые специалисты, находясь в начале приобретения субъектных характеристик в профессиональной сфере, испытывают большее беспокойство относительно будущего, собственных способностей и возможностей, т. к. еще не до конца их познают и боятся потенциальных неудач и ответственности. Интеллигенция, которая уже достигла полноценной субъектности, полностью сознает свои способности и возможности, максимально реализует себя в профессиональной сфере и в межличностных отношениях. Страх утраты субъектности в этот период не носит постоянного характера, поэтому не так выражен, как на более раннем этапе развития личности.

Существуют устойчивые связи между уровнем образования респондентов и наличием страха утраты субъектности в межличностных отношениях. Более высокий уровень образования, как правило, обуславливает более интенсивное переживание социальных страхов. Интеллигенция, люди с высшим образованием, творческие личности более склонны к анализу собственной жизни, ее продуктивности, к анализу отношений с окружающими. Они ведут дневники, пишут воспоминания, имеют обширную

переписку с коллегами, единомышленниками и друзьями, у них развитая система ценностей.

Вследствие этого социальный аспект имеет для интеллигенции наибольшее значение, нежели для людей с низким уровнем образования, которые склонны больше беспокоиться о своем физическом благополучии, чем о внутреннем духовном мире.

С другой стороны, нельзя не отметить тот факт, что одиночество у представителей интеллигенции зачастую содержит позитивную составляющую, элемент культурной ценности. Одиночество ценно, поскольку потенциально предполагает момент творчества⁹. Как известно, интеллигентность определяется не столько хорошими манерами, красноречием, привлекательной внешностью, а, прежде всего, богатством и разнообразием внутреннего духовного мира.

Истинный интеллигент как самоопределившийся, эрудированный, творчески одаренный человек, готовый к осуществлению профессиональной деятельности, во-первых, в условиях одиночества «творит» самого себя; во-вторых, он творит новую культуру: систему идеалов и ценностей, создает произведения искусства, совершает научные открытия и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод, что переживание одиночества интеллигенцией является одним из факторов, который оказывает влияние не только на формирование страха утраты субъектности, но и способствует развитию творческого потенциала.

Примечания

¹ *Слободчиков И. М.* Теоретико-экспериментальное исследование феномена одиночества личности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2006.

² «Третий путь» или почему интеллигенция не может принять причины кризиса // Дискуссия. 2013. 1 марта. URL: <http://avanturist.org/blog/post/143.htm> (дата обращения: 03.11.2014).

³ *Пузанова Ж. В.* Социологическое измерение одиночества : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2009. С. 3.

⁴ *Корчагина С. Г.* Опросник для определения вида одиночества. URL: <http://www.twirpx.com/file/709741/> (дата обращения: 01.11.2014).

- ⁵ *Рассел Д., Фергюсон М.* Методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества. URL: <http://psylib.myword.ru/index.php?automodule=downloads&showfile=2316> (дата обращения: 02.11.2014).
- ⁶ *Рокич М.* Методика определения ценностных ориентаций. URL: <http://www.hr-portal.ru/tool/metodika-opredeleniya-cennostnyh-orientaciy-m-rokicha> (дата обращения: 02.11.2014).
- ⁷ *Спилбергер Ч. Д., Ханин Ю. Л.* Шкала личностной и ситуативной тревожности. URL: <http://psycabi.net/testy/179-test-na-trevozhnost-spilbergera-khanina-metodika-otsenki-trevozhnosti-ch-d-spilbergera-i-yu-l-khanina> (дата обращения: 03.11.2014).
- ⁸ *Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М.* Интегральная самооценка личности «Кто я есть в этом мире». URL: http://психологическая-лаборатория.рф/articles.php?article_id=14 (дата обращения: 02.11.2014).
- ⁹ *Алейникова О. С.* Одиночество: философско-культурологический анализ : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2005. С. 5.

ББК 60.561.3

Ю. Ю. Кольчугина**АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ И ЭКСПЕРТЫ
КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РЕСУРС
В ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СЕТЕЙ В 2000-е ГОДЫ**

Современная структура мира характеризуется переплетением всех сфер жизнедеятельности человека, за счет чего управление системами, будь то государства или транснациональные корпорации, требует от высшего менеджмента детального анализа всех составляющих процесса своего функционирования — начиная с социальных аспектов и заканчивая аспектами экономическими и политическими. Вместе с тем выработка стратегий управления системами крайне усложнилась, так как последние испытывают на себе влияние, исходящее из различных источников, и существуют в условиях крайней степени неопределенности относительно пути своего функционирования и дальнейшего развития.

В связи с этим традиционные способы сбора и анализа информации оказываются не в состоянии удовлетворить потребности высшего руководства при принятии решений. Появляется необходимость в комплексном интеллектуальном осмыслении тенденций развития системы и научном прогнозировании последствий предпринимаемых руководством действий, поскольку только использование современных информационно-аналитических техник позволяет системе успешно решать возникающие проблемы и должным образом реагировать на изменения окружающей

© Кольчугина Ю. Ю., 2015

Кольчугина Юлия Юрьевна — аспирантка кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. yulia_kolchugina@mail.ru

ее среды. Как результат, одной из отличительных черт исторического процесса на современном этапе стало возникновение и развитие аналитических центров. Их рост существенно повысил влияние на управленческие решения экспертов, задействованных в работе этих центров или выступающих в группах и в индивидуальном качестве.

Аналитические центры и экспертные группы создаются с целью способствовать принятию управленческих решений, реализации сбалансированной политики, направленной на устойчивое развитие системы, построению диалога между бизнесом, властью и обществом¹. Все эти функции делают аналитические центры и экспертов стратегическим интеллектуальным ресурсом современного общества, в котором наиболее значимым фактором политического и экономического развития являются информация и знания, полученные в результате ее анализа, а ключевым преимуществом в конкурентной борьбе — эффективное использование аналитики не только в бизнесе, но и в политике.

По мнению В. А. Филиппова, «интеллектуальные ресурсы представляют собой совокупность знаний, умений, навыков, способностей индивида, развитых до общественно необходимого уровня и вовлекаемых в процесс общественного производства с целью удовлетворения интересов и потребностей различных субъектов»². Поэтому продукцией аналитического центра и экспертов как интеллектуального ресурса современного общества являются аналитические статьи, теоретические труды, монографии, инновационные решения, долгосрочные планы или прогнозы, предупреждения и предложения, которые с успехом применяются в качестве прикладной политологической экспертизы другими участниками исторического процесса для принятия управленческих решений в рамках той или иной системы. В настоящее время непосредственно для аналитических центров существует несколько определений, которые подчеркивают их интеллектуальную природу, например мозговой центр (англ. brains trust) или фабрика мысли (англ. think tank).

Рождение аналитических центров в новейшее время неотъемлемо связано с ростом гражданской активности, развитием институтов гражданского общества (общественные организации и движения, профсоюзы, лоббистские группы³), которые стали

полноправными самостоятельными участниками исторического политического процесса. Наряду с органами государственной власти, институты гражданского общества подключились к принятию политических решений. В связи с этим политический процесс стал открытым, публичным, произошло формирование особого исторического типа управления — публичной политики. Согласно определению В. А. Михеева, «публичная политика — это деятельность, характеризующаяся системным взаимодействием государства, частного сектора, институтов гражданского общества, многообразных социальных, профессиональных групп и слоев, общественных объединений по поводу реализации личных и общественных интересов, производства, распределения и использования общественных ресурсов и благ с учетом волеизъявления народа или населения определенных территорий»⁴. Таким образом, государство в новейшее время перестало быть единственным участником политического процесса. К нему подключились гражданское общество, СМИ, экспертное сообщество, представленное, в том числе, аналитическими центрами.

Именно под воздействием процессов публичной политики стало возможным формирование во второй половине XX в. нового исторического субъекта — политических сетей. Политическая сеть, по мнению Л. В. Сморгунова, представляет собой набор относительно стабильных взаимоотношений по природе не иерархических и взаимозависимых, связывающих многообразие акторов, которые разделяют общие интересы относительно политики и обмениваются ресурсами для того, чтобы продвинуть эти интересы, признавая, что кооперация является наилучшим способом достижения общих целей⁵. В публичной политике, с ее обширным кругом разнородных участников, сети служат оптимальной формой выработки и реализации политических, социальных, экономических и любых других решений.

Нельзя не подчеркнуть, что каждый участник, входящий в сеть, обладает уникальными ресурсами, которыми делится с другими участниками для достижения совместной цели сети. Поэтому экспертное сообщество в лице аналитических центров, участвуя в той или иной политической сети, предлагает ей свой главный ресурс — интеллектуальный потенциал. Они становятся важнейшим элементом политических сетей.

Традиционно родиной аналитических центров считаются США начала XX в., в то время как появление подобных организаций в СССР можно отнести к 60-м гг. XX в. Такой временной разрыв в появлении аналитических центров обуславливается ранним и интенсивным развитием в США процессов публичной политики.

Первые аналитические центры США выросли из университетских проектов, объединявших экспертов для поиска решений конкретных проблем. Позднее появились центры, созданные специально для работы над комплексом внешнеполитических проблем и периодически предоставлявшие прикладные разработки. Необходимость поддержания военного превосходства США после Второй мировой войны, внедрения на европейский экономический рынок, выработки внешнеполитических стратегий увеличила спрос на интеллектуальный продукт аналитических центров. Они, в отличие от институциональных научных центров, мобильно перестраивали свою структуру под исследования, на которые был спрос.

В настоящее время самыми влиятельными и крупнейшими, «образцовыми» аналитическими центрами являются именно американские центры (RAND Corporation, Гуверовский институт, институт Брукинга). Для большинства американских аналитических центров характерны следующие черты: разветвленная горизонтальная структура управления, диверсифицированность источников финансирования, что делает их автономными и позволяет проводить независимые исследования, большой штат постоянных сотрудников, широкий спектр изучаемых проблем. Центры плотно сотрудничают с органами государственной власти.

Как правило, примеры текущих разработок центров, осуществленных под заказ, в открытом доступе найти сложно. Однако другие виды интеллектуального продукта центров подтверждают предположение о чрезвычайном влиянии, которое центры оказывают на политический процесс. Так, очень высоки индексы цитируемости сотрудников аналитических центров в СМИ, в сети Интернет находится большое количество интервью с ними, по инициативе и при участии сотрудников аналитических центров проходят многочисленные семинары и конференции. Стоит также отметить, что аналитические центры США проводят практико-ориентированные исследования на «злобу дня». Например,

именно Гуверовский институт разработал знаменитую «стратегию звездных войн» (Strategic Defense Initiative) и ввел в широкий обиход концепцию «СССР — империя зла», в то время как Институт анализа обороны провел исследование генномодифицированных продуктов и доказал отсутствие их вреда на здоровье человека. Благодаря активному продвижению результатов этого исследования и высокому уровню доверия к центру, американская общественность очень спокойно относится к теме ГМО, в отличие, например, от общественности европейской⁶.

В СССР аналитические центры появились во времена «оттепели» как ответ на внешние вызовы государству, а также как результат попыток преодолеть догматическое мышление и выработать объективный взгляд на исторический процесс. Новая волна создания аналитических центров началась в 90-х гг. XX в. в связи с переходом к управлению, основанному на принципах публичной политики. Исследователи, однако, склонны выделять следующие общие тенденции, присущие всем российским аналитическим центрам: строго вертикальная структура центров с замкнутостью на одном лидере, наличие одного или нескольких центров с одним доминирующим источником финансирования (как правило, государство), малый штат сотрудников, ограниченность сфер исследования. Кроме того, интеллектуальный продукт центров носит в большинстве случаев теоретический, а не прикладной характер.

Тем не менее, представляется, что для нашей страны использование экспертизы аналитических центров весьма актуально при разработке стратегии социально-экономической политики, так как роль интеллектуальных ресурсов возрастает в период глубинных внутренних трансформаций, когда власть и крупные компании весьма нуждаются в новых идеях и решениях⁷.

Для оценки влияния российских аналитических центров на внешнеполитический процесс предлагается исследовать применение их интеллектуального продукта на практике. Поскольку одной из ключевых сфер в структуре российской экономики является импорт энергоресурсов, можно предположить, что концепции управления проектами в данной области, предлагаемые аналитическими центрами в лице экспертов, принимающих участие в их работе или выступающих в индивидуальном качестве, могли бы представлять для властных и бизнес-структур особый интерес.

В частности, речь идет об управленческих решениях в области диверсификации поставок энергоносителей, а именно природного газа, в страны Европы по новым магистральным трубопроводам. Эта тема является одной из самых спорных и резонансных в современной истории.

Характерно, что в области транспортировки энергоресурсов возникает большое количество уже упомянутых выше политических сетей. Так, например, политические сети сформировались в 2000-е гг. вокруг проектов магистральных газопроводов — «Северный поток», «Южный поток», «Набукко». Попытка применить теорию политических сетей к ситуации, сложившейся вокруг этих проектов, показывает, что с самого начала идеи о строительстве газопроводов были поданы политическими сетями, и дальнейшее их развитие полностью зависело от решений и действий сетей. В этом смысле данные газопроводы являются «детьми» политических сетей, и последние играют при их реализации центральную роль. Формирование политических сетей вокруг газопроводов было обусловлено широким кругом заинтересованных в них «лиц». В эти политические сети вошли конкретные национальные государства (в частности, Россия) как суверенные участники, Европейский Союз как сообщество суверенных участников и целый ряд несuverенных участников, например транснациональные и национальные компании (в частности, «Газпром»), влиятельные политические деятели (например, члены правительств, лидеры правящих и оппозиционных партий). Представляется, что аналитические центры и их эксперты могли бы выступить в сетях теми участниками, которые обмениваются своими интеллектуальными ресурсами с другими участниками, тем самым обеспечивая выработку объективной поведенческой концепции для сети.

Поскольку наиболее доступным интеллектуальным продуктом аналитических центров являются выпускаемые ими периодические издания, предлагается начать рассмотрение участия аналитических центров в деятельности политических сетей с анализа их публикаций. Опубликованные мнения экспертов обладают большим потенциалом влияния, поскольку при условии авторитетности центра к его сотрудникам прислушиваются остальные заинтересованные лица, будь то правительственный аппарат,

бизнес-структуры или общественность (вспомним хотя бы исследование Института анализа обороны США о ГМО).

Влияние в России интеллектуальных ресурсов на управленческие решения, принимаемые в рамках политических сетей, сложившихся вокруг проектов российско-европейских магистральных газопроводов, можно проанализировать на основе публикаций двух российских аналитических центров: Института мировой экономики и международных отношений РАН (ИМЭМО РАН) и Совета по внешней и оборонной политике (СВОП).

Деятельность ИМЭМО РАН, созданного еще в 1956 г., на современном этапе направлена на «исследование основных тенденций развития современной мировой политики и мировой экономики» и, в частности, «на разработку надежной аналитической основы для принятия политических решений»⁸. Среди интеллектуальной продукции Института стоит особо отметить ряд журналов и бюллетеней, выпускаемых им на периодической основе. Наиболее известен ежемесячный журнал «Мировая экономика и международные отношения»⁹.

Неправительственное общественное объединение СВОП было создано в 1992 г. для содействия «выработке и реализации стратегических концепций развития России, ее внешней и оборонной политики, становлению Российского государства и гражданского общества в стране»¹⁰. Среди результатов деятельности Совета — серия аналитических материалов, посвященных вопросам глобализации, а также такое важное периодическое аналитическое издание, как журнал «Россия в глобальной политике»¹¹.

В разные годы, по мере изменения повестки дня, центры предлагали политическим сетям разные инициативы по решению внешнеполитических проблем, связанных с транспортировкой энергоресурсов.

В 2006 г. эксперты центров (В. Поляков, А. В. Гончаренко¹²) рекомендовали увеличить присутствие российских компаний в ТЭКе стран Ближнего Востока с целью перелома геополитической ситуации в Каспийском регионе, где нарастало влияние Евросоюза и США. Свидетельством этому явился проект газопровода из Турции в ЕС — «Набукко», идущий в обход России. Однако политические сети проигнорировали мнение экспертов. Состоявшийся в октябре 2007 г. в Тегеране Второй каспийский саммит, призванный

внести ясность в делимитацию дна Каспия, так и оставил правовой режим Каспийского моря неурегулированным, что позволяет США и ЕС развивать альтернативные газопроводные проекты, основывающиеся на каспийской ресурсной базе.

В 2007 и 2008 гг. на фоне подготовки Европейским союзом Третьего энергетического пакета о либерализации рынка электроэнергии и природного газа, задачей которого было избавить европейский энергетический рынок от «вертикальной интеграции», отделив производящие мощности от транспортных сетей, эксперты аналитических центров (М. В. Байков, В. С. Милов, Т. А. Романова) сосредотачивают свое внимание на отсутствии документальной базы, регулирующей энергетические проблемы России и ЕС¹³. Справедливо полагая, что энергопакет может в перспективе поставить под вопрос собственность «Газпрома» на магистральные газопроводы, проходящие по территории ЕС, эксперты видели необходимость принятия «всеобъемлющего и юридически обязательного соглашения в сфере энергетики»¹⁴ взамен двусторонних договоренностей с отдельно взятыми странами и компаниями, для которых всегда существует опасность их пересмотра в одностороннем порядке. Однако и в этом случае мнение экспертов не было услышано политическими сетями. Россия отказывается от ратификации «Договора к Энергетической хартии»; процесс подписания Нового базового соглашения между РФ и ЕС, которое, среди прочих, должно было содержать блок вопросов, посвященных рассмотрению проблем энергетики¹⁵, до сих пор не увенчался успехом. Тем временем Третий энергопакет уже вступил в действие, и отсутствие документальной базы сотрудничества России и ЕС в сфере энергетики чревато возникновением комплекса проблем, связанных с реализацией и функционированием российских магистральных газопроводов.

В 2009 г. эксперты (например, Б. Хейфец¹⁶) приходят к выводу, что потенциал российских компаний в области сотрудничества с ЕС может быть реализован в полной степени лишь при создании новых форм сотрудничества, в частности межгосударственных агентств в области энергетики, т. к. подобные образования смогли бы «координировать деятельность национальных энергокомпаний и стимулировать их активность в развитии межстранового взаимодействия»¹⁷.

В этом же году, по инициативе бывшего тогда Президентом РФ Д. А. Медведева и Канцлера ФРГ А. Меркель, было создано российско-немецкое энергетическое агентство «Rudea», призванное «реализовать перспективные проекты с целью оптимизации ситуации в области энергоэффективности... использовать российский энергетический потенциал для ускорения экономического роста в России»¹⁸. Таким образом, сеть могла получить в лице агентства собственный аналитический центр. Однако агентство прекратило свою деятельность в 2013 г., так как, по словам Павла Родионова, менеджера «Rudea» по маркетингу и PR, «компания не нашлось применения, она никому не нужна: ни государству, ни учредителям»¹⁹.

В конце 2000-х гг. публикации экспертов аналитических центров (Т. А. Романова²⁰) советовали добиться присвоения «Южному потоку» статуса трансевропейской сети (Trans-European Energy Networks — «TEN-E» — статус, присваиваемый проектам, отвечающим общим интересам ЕС), что упростило бы решение административных и бюрократических проблем, которые неминуемо возникают при строительстве магистральных трубопроводов, проходящих через территорию ЕС²¹. В случае присвоения проекту статуса TEN он был бы также выведен из-под норм Третьего энергопакета. Но российские участники проекта поздно прислушались к мнению экспертов. Россия и «Газпром» консолидировали свои действия по получению статуса TEN для «Южного потока» лишь в 2011 г. Однако усложнение политической повестки дня, связанное с украинско-российскими «газовыми войнами», грузинским кризисом, развитием альтернативных проектов, привело к тому, что ЕС отказал «Южному потоку» в статусе TEN.

Как видно из вышеперечисленных примеров, интеллектуальный продукт аналитических центров оказался не востребован в России политическими сетями. Несмотря на мнения экспертов, политические сети либо не реагируют на их рекомендации, либо реагируют с опозданием и без достаточной инициативности, либо интеллектуальный потенциал и вовсе «не находит применения».

Существует также еще один вариант участия аналитических центров в работе политических сетей: получение заказов на проведение исследования по конкретной проблематике. При этом следует учитывать, что отсутствие информации об исследовании в широком

доступе не является обязательным подтверждением того, что оно не проводилось, поскольку результаты работы аналитических центров часто не афишируются. Однако специфика российских аналитических центров свидетельствует о том, что если участники сетей и привлекают центры к своей работе, то эти центры находятся на их содержании. Так, на полном финансировании государственного аппарата находится ряд аналитических центров («Аналитический центр при Правительстве РФ», «Ситуационно-аналитический центр Минэнерго России» и др.), а у «Газпрома», например, есть свой собственный аналитический центр, информация о котором, к сожалению, весьма ограничена. Следует помнить, что финансирование, получаемое из одного источника (он же — заказчик), неминуемо приводит к потере автономности аналитического центра, без которой невозможно достичь объективности в изучении проблем и выработать эффективные рекомендации²². Поэтому самостоятельность аналитических центров как участников политической сети сомнительна и в этом случае.

Пренебрежение сетей интеллектуальным ресурсом исключает из них аналитические центры как участников, что неминуемо приводит к проблемам функционирования сетей и «провалам» в осуществлении целей сетевого взаимодействия. Так, например, эксперты аналитических центров (Ф. Умба, М. Корчемкин²³) неоднократно говорили о предпочтительной модернизации украинской ГТС вместо строительства чрезвычайно дорогого проекта «Южный поток», однако сеть не только не прислушалась к их мнению, но и не учла перечисленных ими рисков (падение спроса на газ в ЕС, введение норм Третьего энергопакета, общая политизированность отношений ЕС — Россия в газовой сфере в ущерб экономическим выгодам, наличие у ЕС конкурирующих газотранспортных проектов). В настоящее время реализация «Южного потока» находится под большим вопросом в связи с «заморозкой» проекта в Болгарии, многочисленными призывами Европейской комиссии к странам — членам ЕС отказаться от его строительства, попаданием проекта под нормы Третьего энергопакета.

Как утверждает проф. Н. Ю. Беляева, «в современном российском обществе... существует барьер недоверия и пренебрежения между элитой, управляющей страной, и элитой научной, предлагающей стратегические решения»²⁴. С этим нельзя не согласиться.

Интеллектуальный ресурс аналитических центров не был задействован в России политическими сетями в 2000-е гг. Теоретическая база, научный потенциал центров не использовались, в связи с чем центры не проводили прикладные исследования и редко давали практические рекомендации (которые всё равно не были востребованы в случае их появления). Соответственно и продукт интеллектуального труда аналитических центров оставался и остается труднодоступным для широкой общественности. При этом те российские аналитические центры, которые обладали потенциалом значительного влияния, возникали при «статусном» политическом акторе²⁵ или крупной бизнес-структуре. Однако такие центры заведомо были лишены автономии и независимости в своих исследованиях. И хотя с развитием процессов публичной политики в России влияние аналитических центров на исторический процесс, как предполагается, будет возрастать, сети должны быть заинтересованы в скорейшем привлечении интеллектуального аналитического ресурса к выработке стратегических решений.

Примечания

- ¹ *Филиппов В. А.* Аналитические центры — стратегический интеллектуальный ресурс. М., 2007. С. 10.
- ² Там же. С. 5.
- ³ Сравнительный анализ российских и зарубежных аналитических центров : case study : учеб. пособие по курсу «Аналитические центры (Think Tanks) в публичной политике: технологии влияния» / под ред. *Н. Ю. Беляевой и Д. Г. Зайцева.* 2007. URL: http://www.hse.ru/data/2011/01/26/1208957617/Учебное_пособие._Под_ред._Беляевой_Н._За..._Версия_1_от_21.09.07._Часть_1.pdf (дата обращения: 27.10.2014).
- ⁴ См.: *Сунгуров А.* Понятие публичной политики. Публичная политика как поле взаимодействия. // Дистанционный курс «Публичная политика и центры публичной политики» : курсы дистанционного образования Санкт-Петербургского центра «Стратегия». URL: http://strategy-spb.ru/edu/?do=manual&man_grup=426&doc=3017&pr_id_dl=77 (дата обращения: 27.10.2014).
- ⁵ Государственная политика и управление : учеб. : в 2 ч. Ч. 1 : Концепции и проблемы государственной политики и управления / под ред. *Л. В. Сморгунова.* URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/87747> (дата обращения: 27.10.2014).

- ⁶ Сравнительный анализ российских и зарубежных аналитических центров : case study.
- ⁷ *Логиновский О. В., Любичын В. Н.* Информационно-аналитические центры как инструмент развития интеллектуального ресурса современного общества // Вестник Южно-Урал. гос. ун-та. Сер.: Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника. 2012. № 23. С. 123—126.
- ⁸ Официальный сайт ИМЭМО РАН. URL: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=508 (дата обращения: 27.10.2014).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Официальный сайт Совета по внешней и оборонной политике. URL: <http://svop.ru/about/> (дата обращения: 27.10.2014).
- ¹¹ Официальный сайт журнала «Россия в глобальной политике». URL: <http://www.globalaffairs.ru/> (дата обращения: 27.10.2014).
- ¹² *Поляков В.* Сырьевая ориентация российского экспорта // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 1. С. 88—95 ; *Гончаренко А. В.* Мировая энергетика: взгляд на десять лет вперед // Россия в глобальной политике. 2006. № 6. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_7779 (дата обращения: 27.10.2014).
- ¹³ *Байков М. В.* Актуальные проблемы экономических отношений Россия — ЕС // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 6. С. 29—36 ; *Милов В. С.* ЭнергодIALOG Россия — ЕС: заполнить вакуум // Россия в глобальной политике. 2007. № 5. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_9657 (дата обращения: 27.10.2014) ; *Романова Т. А.* «Третий пакет» и будущее «Газпрома» // Там же. № 6. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_9959 (дата обращения: 27.10.2014).
- ¹⁴ *Милов В. С.* Указ. соч.
- ¹⁵ Официальный сайт постоянного представительства Российской Федерации при Европейском союзе. URL: <http://www.russianmission.eu/ru/regovogov-ru-novomu-bazovomu-soglasheniyu> (дата обращения: 27.10.2014).
- ¹⁶ *Хейфец Б.* ЭнергодIALOG Россия — ЕС: корпоративный срез // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 8.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Энергосотрудничество России и Германии вышло на новый уровень. // Официальный сайт Министерства энергетики Российской Федерации. 17.07.2009. URL: http://minenergo.gov.ru/press/most_important/1464.html (дата обращения: 27.10.2014).

- ¹⁹ Российско-немецкое энергетическое агентство будет закрыто // Информационный портал SmartGrid.ru. 01.03.2013. URL: <http://www.smartgrid.ru/novosti/v-rossii/rossiysko-nemeckoe-energeticheskoe-agentstvo-rudea-budet-zakryto/> (дата обращения: 27.10.2014).
- ²⁰ Романова Т. А. Энергобезопасность без паники // Россия в глобальной политике. 2010. № 3. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Energobezopasnost-bez-paniki-14862> (дата обращения 27.10.2014).
- ²¹ Там же.
- ²² Сравнительный анализ российских и зарубежных аналитических центров : case study.
- ²³ Умбах Ф. Глобальный избыток газа? // Россия в глобальной политике. 2012. № 3. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Globalnyi-izbytok-gaza-15543> (дата обращения 27.10.2014) ; Корчемкин М. Стоимость «Южного потока» превысит 56 миллиардов евро // Официальный сайт консалтинговой компании East European Gas Analysis. 09.12.2013. URL: http://www.eegas.com/S-Stream_cost-2013-12_ru.htm (дата обращения: 27.10.2014).
- ²⁴ См.: Сравнительный анализ российских и зарубежных аналитических центров : case study.
- ²⁵ Там же.

ББК 63.3(5Кор)6-283.2

М. А. Ключвин

КОРЕЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ НАКАНУНЕ РАСКОЛА СТРАНЫ

После освобождения от японской оккупации в 1945 году корейский народ, как и любой другой, мечтал о независимом едином государстве. Занятие советскими и американскими вой-

© Ключвин М. А., 2015

Ключвин Михаил Андреевич — аспирант кафедры новой и новейшей истории Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, редактор журнала «Владметр». mikeklukvin@gmail.com

сками Корейского полуострова поставило под сомнение эти надежды. 38-я параллель для принятия капитуляции японских войск стала впоследствии непроходимым барьером, границей между двумя враждующими государствами. Московское совещание, высшей целью которого было объединить страну и в ближайшем будущем сделать ее независимой, оказалось безуспешным, в большей степени из-за недоговоренностей США и СССР насчет интерпретации положений, вынесенных после обсуждения, и кардинальных различий в понимании демократии. Оказавшись в тупике, СССР и США пытались усилить политическую и экономическую организацию в собственных зонах, всё дальше отдаляя северную и южную части Кореи друг от друга. Как же местная интеллигенция реагировала на то, что освобожденное государство методично разрезают на две части, и существовали ли в умах просвещенных корейских лидеров свои сценарии развития Кореи? Обратимся к биографиям наиболее знаковых личностей, которые имели непосредственное отношение к формирующейся государственной системе (а точнее, даже системам) в Корее и выражали интересы различных групп корейской интеллигенции. За основу взяты официальные документы и отчеты военной администрации США на полуострове, воспоминания советских военных.

В первой половине 40-х годов корейская интеллигенция состояла из трех основных групп (исходя из отношения к сложившейся политической ситуации на полуострове). Первая включала тех, кто поддерживал или вынужден был поддерживать японское колониальное правительство. Во вторую группу входили радикальные и умеренные националисты, покинувшие полуостров и образовавшие Временное правительство в Шанхае (а затем в Чунцине), задача которого заключалась в получении поддержки других держав в деле освобождения Кореи. Третья группа состояла из корейской интеллигенции, оставшейся на полуострове и организовавшей сопротивление внутри страны. Все три группы в разной степени включали в себя представителей как правого, так и левого крыла.

Основные группы населения, разделившие политику правого крыла, были помещиками, чиновниками и предпринимателями, процветавшими во время японской оккупации и считавшиеся, естественно, коллаборационистами¹. Политика японских властей во время войны подрывала авторитет правых в глазах населения.

Нередко «авторитетные общественные лидеры» обязаны были вдохновлять корейскую учащуюся молодежь вступать в ряды японской армии². Примером сотрудничества колониальной корейской интеллигенции с японскими властями является образованное 22 октября 1941 года «Корейское общество служения родине в военное время». Под родиной, конечно же, подразумевалась Япония. Одним из активистов организации был выпускник Университета Мейдзи Ко Вон Хун. Он некоторое время работал преподавателем и директором средней школы в Кенсоне. В 1932 году Ко Вон Хун был назначен губернатором провинции Северная Чолла. Помимо этого он владел большими пакетами акций крупнейшего производителя военных самолетов «Корейской авиастроительной компании» и текстильной промышленности. Естественно, бизнесмен был заинтересован в успешном исходе войны и искренне призывал молодежь проливать кровь за Японию.

Председателем «Корейского общества служения родине в военное время» был Чхве Рин. В 1937 году ему было передано директорское кресло в органе генерал-губернаторства — газете «Мэйль синбо». При этом Чхве Рин являлся одним из организаторов демонстраций 1 марта 1919 года. Теперь же он призывал корейцев сражаться вместе с японскими войсками. С этим же призывом выступал Чхве Намсон — автор «Декларации независимости 1919 года».

Нужно признать, что подобная политика «мобилизации» имела определенный успех. Так, по данным Кан Мангиля, в итоге интенсивной кампании подали заявление на зачисление в ряды японских вооруженных сил 959 признанных годными студентами корейских учебных заведений и 1 431, обучавшихся в японских вузах³.

Осуществление интересов Японии требовало от корейского населения бессмысленных жертв. В результате к моменту освобождения Кореи авторитет местной элиты оказался в значительной степени подорван. Это сыграло большую роль в процессе усиления влияния социалистических идей на корейскую интеллигенцию. Лидеры коммунистического подполья 30-х годов Ли Хен Сан и Ли Гван Суль в апреле 1939 года организовали Кенсонскую коммунистическую группу. Главной опорой подпольной организации в условиях гонения были рабочие, крестьянские и студенческие организации радикального характера в провинциях Се-

верная Кенсан и Хамген. Особое внимание данная политическая организация заслуживает в связи с фигурой Пак Хон Ена, который начал руководить ею с 1939 года. В это время он как раз вышел из тюрьмы, где отсидел 6 лет. Японская консульская полиция арестовала его в Шанхае, когда в качестве уполномоченного Коминтерна Пак Хон Ен пытался начать работу по организационному объединению коммунистов Кореи⁴.

В начале 1941 года соратников Пак Хон Ена на полуострове Ли Гван Суля и Ли Хен Сана арестовали вместе с другими коммунистами. Он же бежал на юг Кореи и под вымышленным именем устроился работать на фабрику в провинции Южная Чолла в качестве кирпичника, чтобы продолжать борьбу и готовить почву для возрождения компартии в 1945 году. Для большей части квалифицированных рабочих и сочувствующей интеллигенции скрывающийся в глубине страны лидер стал своеобразным символом борьбы против японского гнета и возрождения страны на социалистических основах.

Помимо коммунистов, деятельность на полуострове продолжали и представители более умеренных левых сил. К последним относится личность Е Унхена, которому 10 августа 1945 года японское генерал-губернаторство в Корее, узнав о предстоящей капитуляции, решило передать бразды правления⁵. Е Унхен (или Ли Вон Хонг) родился 26 мая 1885 года, недалеко от Сеула. Юношу отличали сильная ненависть к японским захватчикам. В 1902 году он вынужден был бросить школу, полагая, что его по выпуску принудят работать на ненавистное колониальное правительство. В 1903 году Е Унхен унаследовал от родных крупное недвижимое имущество вместе с арендаторами — разорившимися корейскими фермерами. Он освободил их всех и подарил земельные наделы. Затем Е стал учеником американских пресвитерианских миссионеров и окончил семинарию в Пхеньяне. Понимая, что помочь в деле получения Кореей независимости пока нет возможности, он эмигрировал в Китай.

Е Унхен искренне считал, что Корея нуждалась в сильной армии, поэтому в 1913 году он прошел обучение в Манчжурской военной академии. Е Унхен разделял точку зрения о необходимости распространения грамотности среди населения. В 1917 году

он освоил английский язык в Нанкине и переехал в Шанхай, где учил маленьких корейцев грамоте⁶.

Неизгладимое впечатление на Е Унхена произвел 1918 году визит Чарльза Крейна, специального посланника президента США Вудро Вильсона. Первая мировая война только что закончилась, и Крейн путешествовал по различным странам и рассказывал о «14 пунктах Вильсона», где президент США призывал к обеспечению независимости малых государств. Этот визит американского делегата дал Е Унхену и другим корейцам большие надежды на международную поддержку движения за независимость Кореи. Подогреваемый этим оптимизмом Е Унхен даже встретился с китайским националистом Сунь Ятсеном для того, чтобы спланировать стратегию поведения на Парижской мирной конференции в январе 1919⁷. Он активно участвовал, в частности, в отправке Ким Гюсика в качестве корейского делегата на Версальскую мирную конференцию. Но, к сожалению Е Унхена, вопрос о независимости Кореи так и не был поднят. Разочарованный пассивностью держав Запада в этом вопросе, Е Унхен заинтересовался коммунистическими идеями. Он даже стал членом «иркутской» компартии и участвовал в начале 1922 года в съезде народов Дальнего Востока в Москве⁸. Именно через Е Унхена вступил в ряды «иркутской» компартии в то время юный Пак Хон Ен, прибывший в Шанхай после поражения движения 1 марта 1919 года. Однако в дальнейшем пути двух будущих корейских лидеров разошлись. Пак Хон Ен оставался преследуемым властями партизаном, в то время как Е Унхен, потерявший интерес к коммунистическим идеям, стал частью интеллектуального общества Кореи с умеренными социально-демократическими взглядами.

Часто посещая Токио и увлекаясь чтением западной литературы, Е Унхен осознавал тенденции мировой политики. Он был уверен, что Япония скоро потерпит поражение, и с середины 1943 года начал спланировать вокруг себя молодежь, как пишет Кан Мангиль, умеренно левой и прогрессивно-националистической ориентации, помогая уклониться от вступления в ряды японской армии и налаживая связь с Временным правительством в эмиграции. К августу 1944 года вокруг Е Унхена сложилась молодежная подпольная организация — «Корейский союз за строительство го-

сударства». Организация преследовала цель в случае поражения Японии сделать Корею народно-демократической республикой, правда с социалистическими чертами: программа Союза включала национализацию важнейших отраслей промышленности.

В предложении генерал-губернатора Абе Нобуюки передать власть в обмен на условие обеспечения безопасности японцев в период эвакуации Е Унхен увидел шанс подготовить почву для независимости Кореи. Он сформировал «Комитет по подготовке государства к независимости» и пообещал японским лидерам обеспечить охрану в обмен на 4 положения: освободить всех заключенных политических тюрем, гарантировать поставку провизии в течение трех месяцев, не вмешиваться в процессы по достижению независимости Кореи, а также обучать грамоте рабочих и крестьян⁹. Комитет организовал штаб в Куедоне и разослал вести о подготовке к независимости. Уже к концу августа насчитывалось примерно 145 отделений Комитета¹⁰. Самое активное участие в процессе формирования народных комитетов приняли коммунисты во главе с Пак Хон Еном. Было освобождено около 16 000 заключенных, большинство из которых придерживались социалистических взглядов, что придало движению еще более радикальный оттенок. Начался процесс создания профсоюзов крестьян и рабочих. Последние устраивали забастовки на заводах и даже насильно захватывали контроль над предприятиями¹¹. Таким образом, на полуострове появились зачатки государственной системы на основе социалистических идей, разделяемых большинством корейской интеллигенции.

Но в конце лета до Кореи дошли слухи о том, что СССР приостановил свое продвижение и что юг страны окажется в руках американцев. Новости привели к изменению политической ситуации на полуострове. Правое крыло, осознавая, что американцы явно будут против формирующейся модели управления при помощи народных комитетов, профсоюзов и организаций рабочих, сформировало собственную структуру — Демократическую партию Кореи, ориентирующуюся на борьбу с коммунистическими идеями.

Различались представления о независимом государстве и у корейской интеллигенции, которая находилась внутри страны и вне ее пределов — в эмиграции. В то время как многие национа-

листы внутри страны ориентировались на развитие национальной корейской культуры и иногда не гнушались сотрудничества с колониальным правительством, националисты в эмиграции искали зарубежных покровителей для дела независимости. К типичным примерам последних относится Ким Гу, который к концу 1920-х годов оказался практически главой Временного правительства в Шанхае и мог стать первым президентом Кореи. Ким Гу родился 29 августа 1876 года. Его политическая активность началась в возрасте 18 лет, когда он стал участником восстания Тонхак в 1894 году. Из-за этого молодому человеку пришлось скрываться от властей в течение длительного времени. Ким Гу отличался склонностью к насилию, поэтому избрал терроризм в качестве метода борьбы со своими противниками. Японцы называли его «убийцей», и не без оснований. Узнав о смерти королевы Мин в 1895 году, молодой человек убил первого встречного японца, задушив его голыми руками, тело он оставил в гостинице, написав кровью свое имя на стене¹².

Естественно, что убийцу быстро нашли. Ким Гу был заключен в тюрьму в 1895 году и приговорен к смерти, но казнь заменили на пожизненное заключение. В 1898 году он бежал из тюрьмы. После почти десятка лет, проведенных в бегах, Ким вновь был арестован за соучастие в убийстве, но на следующий год его освободили. На этом аресты не закончились: в 1911 году Ким Гу снова оказался за решеткой. Им двигала одна цель — организовать в эмиграции корейские вооруженные силы, которые смогли бы включиться в будущую войну с Японией и отвоевать Корею независимость.

Наиболее активная политическая деятельность началась у Ким Гу в конце 20-х годов, когда он стал лидером корейского Временного правительства в Шанхае. Террористическая активность быстро привлекла внимание китайской общественности, и Ким Гу организовали личную встречу с главой гоминьдана Чан Кайши, который согласился взять на себя финансирование Временного правительства Кореи в эмиграции. Китайский лидер также дал добро на обучение корейцев в Лоянской военной академии. После этого Ким Гу основал Корейскую Освободительную армию.

Тесная связь Ким Гу с Чан Кайши имела, несомненно, позитивную сторону. К примеру, именно по инициативе китайских друзей в «Каирскую декларацию» великих держав 1 декабря 1943 года было включено упоминание о рабском положении корейского народа и необходимости предоставления Кореи независимости.

Известно, что Ким Гу контактировал не только с китайскими лидерами, но и с администрацией США. В своем донесении президенту генерал Вильям Donovan упоминает лидера Временного правительства южной части Кореи Ким Гу, который «помогает в деле организации разведки на полуострове»¹³.

После капитуляции Японии в августе 1945 года, Ким Гу попытался вернуться в Корею, но американская военная администрация задержала его до конца ноября. Она также отказалась признать Временное правительство в эмиграции под предводительством Ким Гу, и тот снова обратился к террору как методу борьбы против новых захватчиков — американцев и советских военных, которые хотели навязать Корею опеку, а также против тех, кто, по его мнению, разделял их идеи. Когда Е Унхен был убит в 1947 году, многие предполагали, что это было сделано Ким Гу. Таким образом, у корейского лидера оставался один соперник в южной части Кореи — Ли Сын Ман, но последний оказался дальновиднее. Ким Гу сам был убит 26 июня 1949 года человеком, который, по некоторым предположениям, был наемником Ли Сын Мана¹⁴.

Вооруженное насилие и террор становились нормальными явлениями политической жизни корейской интеллигенции, заменяя представления о демократии и законной деятельности. Естественно, что такой подход не сулил ничего хорошего после освобождения от японского гнета. Именно здесь стоит искать причины того, что в 1945 году корейские политические силы не смогли консолидироваться и противостоять навязываемому расколу.

Показательным в этом отношении является история яркого представителя мыслящей части корейского населения Чо Ман Сика — уважаемой фигуры на полуострове, лидера национального движения¹⁵. Его называли «корейским Ганди» за неизменность убеждений по поводу независимости Кореи, любовь к своему народу и безнасильственные методы борьбы. Он выступал за ноше-

ние только национальной одежды, покупку местных товаров и свободную от оккупантов Корею.

После капитуляции Японии 17 августа 1945 года Чо Ман Сик создал Южнопхенанский комитет по подготовке к независимости.

Советская администрация оставила Чо Ман Сика в качестве лидера народного комитета, попросив лишь назначить вице-президентом коммуниста. С лидерами организации встретился член военного совета генерал-майор Н. Г. Лебедев. Чо Ман Сик из-за своего поведения не понравился советскому командующему. Это видно по тому докладу, который он предоставил И. М. Чистякову, писавшему позднее в воспоминаниях: «Во время беседы Чо Ман Сик сидел в кресле неподвижно, с закрытыми глазами. Можно было подумать, что он спит. Лишь изредка, молча, еле заметно Чо Ман Сик кивал головой в знак согласия или качал головой, возражая. Вел он себя как старший по возрасту среди присутствовавших, видимо, полагая, что чем меньше будет говорить, тем выше будет его авторитет»¹⁶.

Тем не менее, именно Чо Ман Сик был поставлен во главе первого северокорейского «протоправительства» — «Административного бюро 5 провинций» — временной структуры самоуправления на территории Северной Кореи, об организации которого было объявлено 8 октября 1945 года.

Советские лидеры позволили Чо Ман Сикю создать Чосонскую демократическую партию¹⁷. Организация быстро набрала в северной части 200 000 членов¹⁸. Правда, в скором времени у партии начались проблемы. 31 декабря 1945 года, после оглашения результатов Московского совещания, советское командование потребовало, чтобы Чо Ман Сик поддержал идею опеки. Лидер Демократической партии не согласился, ведь это противоречило его убеждениям, касающимся независимости и единства страны. Тогда на него было решено надавить, параллельно убрав соперника Ким Ир Сена на должность генерального секретаря коммунистической партии, Хен Чун Хека¹⁹. Когда последний ехал в грузовике вместе с Чо Ман Сиком, произошел взрыв. Это было своеобразное предупреждение.

5 января 1946 года в Хейджо Чо Ман Сик отказался от своей должности и был помещен под домашний арест, а его пост занял коммунист²⁰. Демократическая партия быстро превратилась в ма-

рионеточную организацию. Таким образом, была подавлена одна из немногих организаций, которая видела Корею самобытной независимой страной, без навязанной помощи от других держав.

Подводя итог, следует отметить, что в 40-е годы корейская интеллигенция представляла собой разрозненную и окончательно не оформившуюся прослойку общества с различным пониманием судьбы страны после ее освобождения. Прояпонски ориентированную часть устраивала существующая колониальная система. Обладая опытом управления, именно эта часть корейской интеллигенции вкуче с эмиграцией, поддерживающей Соединенные Штаты, встала во главе государственной системы, которая была создана при поддержке США в южной части Кореи.

Корейская интеллигенция, организовавшая сопротивление японской колониальной системе на полуострове, состояла преимущественно из представителей левого крыла. Именно эта часть вошла в образованные после капитуляции Японии народные комитеты, которые при помощи Советской гражданской администрации стали основой государственного управления в северной части Кореи.

Третья немногочисленная часть корейской интеллигенции, не принимающая «помощь» СССР, США и любой другой державы, выступающая за национальную и культурную самобытность, была подавлена в политическом водовороте событий. Слабость консолидирующих сил стала мощным катализатором разделения Кореи на два государства.

Примечания

¹ Memo, Dean Acheson to Harry S. Truman with Attachment, September 14, 1945. URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/koreanwar/index.php (дата обращения: 25.11.2013).

² *Кан Мангиль*. Новый взгляд на новейшую историю Кореи // Тихонов В. М. История Кореи : в 2 т. М., 2011. Т. 2. С. 151—152.

³ Там же.

⁴ Созданная в 1925 г. Компартия Кореи спустя три года, в 1928 г., была распущена специальным решением Исполкома Коминтерна из-за внутренних распрей.

- ⁵ The Situation in Korea, Office of Reports and Estimates 51, January 3, 1947. URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/koreanwar/index.php (дата обращения: 25.11.2013).
- ⁶ *Peterson M.* A Brief History of Korea. N. Y., 2010. P. 186—187.
- ⁷ Ibid.
- ⁸ The Situation in Korea.
- ⁹ *Peterson M.* Op. cit. P. 186—187.
- ¹⁰ War Department Incoming Classified Message, October 1, 1945. URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/koreanwar/index.php (дата обращения: 25.11.2013).
- ¹¹ *Шабшина Ф. И.* Очерки Новейшей истории Кореи (1945—1963 гг.). М., 1958. С. 75.
- ¹² *Peterson M.* Op. cit. P. 188—189.
- ¹³ См.: *Harry S. Truman* to General William Donovan with Related Material, August 25, 1945. URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/koreanwar/index.php (дата обращения: 25.11.2013).
- ¹⁴ *Кан Мангиль.* Указ. соч. С. 151—152.
- ¹⁵ *Walter Treumann* to Lieutenant Colonel G. B. Enders with Related Material, February 23, 1946. URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/koreanwar/index.php (дата обращения: 25.11.2013).
- ¹⁶ *Чистяков И. М.* Боевой путь 25-й армии // Освобождение Кореи. М., 1976. С. 50.
- ¹⁷ Как указывает А. Н. Ланьков, еще одной партией, возникшей в первые месяцы после «освобождения» Кореи, стала партия «Чхондоге-Чхоньудань» (Партия молодых друзей небесного пути), которая объединила сторонников специфического корейского религиозного учения Чхондоге. Партия была создана 5 февраля 1946 г. с согласия советских военных властей (*Ланьков А. Н.* Северная Корея вчера и сегодня. М., 1995. С. 67).
- ¹⁸ *Walter Treumann.*
- ¹⁹ Хен Чун Хек — школьный учитель по профессии и коммунист по убеждениям, убит 28 сентября 1945 г.
- ²⁰ *Walter Treumann.*

ББК 60.543.132.2

В. А. Порозов

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ВМЕСТЕ

XXV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ИВАНОВО

В Ивановском государственном университете 25—27 сентября 2014 года состоялась XXV Международная научно-теоретическая конференция по проблемам интеллигентоведения. 25 лет существует этот — теперь уже с полным правом можно сказать — лидирующий в России центр комплексного изучения интеллигенции под руководством профессора В. С. Меметова. Центр стал важным, а по ряду позиций основополагающим явлением российского и всепланетного социума в деле изучения интеллектуальной составляющей последнего и, что достаточно уникально, основных производителей и носителей интеллекта в тесной связи с категорией нравственности.

Члены Межвузовского совета, актив научного центра, НИИ интеллигентоведения при ИВГУ и ваковского журнала «Интеллигенция и мир» настолько привыкли к ежегодным форумам в Иванове, что В. С. Меметову так и не удалось убедить свою общественность, что первая конференция состоялась не 25 лет назад, а чуть позже. Просто в первые годы становления интеллигентоведческого

© Порозов В. А., 2015

Порозов Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. porozov_va@perm.ru

научного сообщества ивановцы умудрялись проводить за год по две конференции. Однако и к первой крупной, 1992 года, надо было готовиться: найти средства, опубликовать материалы (ни разу они не публиковались после конференции — только накануне!), решить организационные вопросы — как в Иванове, так и в Москве. Всё это сделал Валерий Сергеевич Меметов, 75-летие которого совпало с 25-летием его главного детища, выпестованного им от первых, купленных на ваучер, рулонов бумаги до признанного всеми специалистами незаурядного явления научной и общественной мысли России.

Участники XXV Международной научно-теоретической конференции
«Интеллигентоведение: теория, методология
и социокультурная практика»

И вот, к началу форума, перед нами скромный по объему и фактуре, но с претендующей даже на некоторую роскошь (по крайней мере, роскошь мысли) обложкой сборник в 230 страниц мелкого шрифта материалов конференции под названием «Интеллигентоведение: теория, методология и социокультурная

практика». Первыми с ним познакомились собравшиеся на юбилейную конференцию ученые и молодые исследователи из Москвы, Иванова, Архангельска, Екатеринбурга, Костромы, Перми, Самары, Саратова и Челябинска.

Прямо скажем, бывали времена, когда «география» участников была, мягко говоря, пообширней, но очередные финансовые трудности, которые испытывает наука высшей школы, не позволили многим ее представителям присутствовать на конференции лично. Некоторые «преданные общему делу» интеллигентоведы приехали за свой счет, добирались «на перекладных». Но мы собрались и всё, как всегда, состоялось. Свое участие заявили и подтвердили публикацией материалов или устными выступлениями 105 человек. Они представляли Москву (16 публикаций), Республику Беларусь (14), Иваново (11), Кострому (9), Пермь (8), Ярославль (4), а также Санкт-Петербург, Абакан, Барнаул, Воронеж, Петрозаводск, Ростов-на-Дону, Сыктывкар, Тулу и другие города России. Традиционно в почетном списке — не областные центры Ковров, Шуя и даже, на этот раз, «Правдинская средняя общеобразовательная школа Новомосковского района Тульской области». Беларусь представили ученые Минска, Бреста, Гомеля, Могилева.

Высокий статус конференции сразу же был подчеркнут приветственным словом, с которым к ее участникам обратился начальник Информационно-аналитического управления Администрации города Иванова *А. М. Семененко*. Он передал наилучшие пожелания всем интеллигентам и лично В. С. Меметову Главы городской администрации Александра Станиславовича Кузьмичёва, который не смог посетить конференцию только потому, что находился вне города в командировке. Надо ли говорить, что от такого внимания власти к интеллигенции и ее проблемам мы давно, с незабвенных 1990-х, отвыкли.

В опубликованном сообщении «Интеллигенция и местная власть в культурном пространстве России» *А. С. Кузьмичёв* отметил роль разных слоев интеллигенции в различные периоды истории города Иванова, подчеркнув особую роль в наши дни интеллигенции вузовской. Противостояние власти и интеллигенции, даже в ходе революции 1917 года, Глава администрации города считает мифом. Он приводит примеры из разных периодов

запаздывающего, по сравнению западными соседями и рядом восточных государств, цивилизационного развития России, когда интеллигенция была первым, а часто и единственным союзником власти в деле культурного строительства и просвещения народа, когда представители изучаемого социального слоя деятельно участвовали в хозяйственном строительстве, решении важных государственных вопросов и в местном самоуправлении. Более того, ставится вопрос о необходимости для современного специалиста местной администрации таких качеств интеллигента, как совесть, порядочность, преданность стране, городу и т. д. Как говорится, дай-то Бог!...

Выступает доктор исторических наук, профессор В. С. Меметов

С обстоятельным докладом «К итогам 25-летия МЦ и НИИ интеллигентоведения» выступил профессор **В. С. Меметов**. Юбиляр убедительно доказал, что созданный им научный центр занял достойное место в современном интеллектуальном пространстве Российской Федерации, подтвердив высокий творческий потенциал российской провинции. За годы деятельности

организованного в 1992 году Межвузовского научного центра «Политическая культура интеллигенции» и в 1998 году — Научно-исследовательского института при Ивановском государственном университете удалось создать и развить новое научное направление — интеллигентоведение. Валерий Сергеевич тонко и интеллигентно ушел от неизбежных, казалось бы, в данной ситуации славословий в свой адрес, представив научному собранию собственный анализ полученных в связи со своим юбилеем приветствий и поздравлений, а также высказанных в разные годы оценок ивановской школы интеллигентоведения. Прочитывая некоторые из них, в частности — профессоров В. Л. Соскина, О. В. Золотарёва, С. А. Красильникова, В. Г. Рыженко, В. П. Корзун и др., юбиляр разделил со всем коллективом своих соратников и единомышленников эти высокие оценки. Подведение итогов у профессора В. С. Меметова сочеталось, как всегда, с постановкой новых творческих задач. Руководитель научной школы настаивает на обеспечении в изучении интеллигенции целостного развития исследований по проблеме.

«Сегодня нужны концепции, — подчеркнул В. С. Меметов, — которые бы облегчали взаимодействие представителей различных наук. Может быть, повторюсь, но по-прежнему остаются слабоизученными следующие вопросы: обоснование генезиса мировой и российской интеллигенции, а также перспективы ее развития в сообществе цивилизаций; анализ общего и особенного российской интеллигенции в сравнении с западными интеллектуалами и восточными мыслителями; четкое формулирование научно-обоснованного понятийного аппарата интеллигенции и ее типологии; сравнительный анализ взаимодействия различных групп (слоев) интеллигенции и властных структур; дифференциация интеллигенции как социокультурного слоя (группы) и политической категории; формирование новой научной парадигмы политической культуры российской интеллигенции и другие». Не откладывая в долгий ящик, участвовавшие в конференции интеллигентоведы внесли свой вклад в поиски ответов на эти и другие вопросы, поставленные логикой исследования столь сложной, но поистине неисчерпаемой проблемы.

Впрочем, до привычного уровня оптимизма в выступлениях В. С. Меметова чего-то чуть-чуть не хватало. Возможно, дело

было в задержке обещанного на этот год финансирования научного центра. Однако в целом именно профессор Меметов возглавил позитивное, созидательное начало конференции, заявив во вступительном докладе, что «трудности, рассуждая философски, лишь закаляют нас и ведут к победе истины, Разума», а в лирическом отступлении в конце последнего рабочего заседания подчеркнув, что несмотря ни на что, он ни на грань не изменял и не изменяет своим убеждениям.

Выступает кандидат физико-математических наук,
доцент О. В. Шимельфениг

Другим «модератором» конференции стало, как всегда с интересом ожидаемое, блестящее по форме выступление профессора Южно-Уральского государственного университета (Челябинск) **И. В. Сибирякова**. Самокритично оценив свои выступления на ивановских конференциях как весьма пессимистические, он высказался в прощально-завещательном ключе. Формальная аргументация такой позиции — нет финансирования и ехал в общем вагоне, — разумеется, никого не убедила. Уже несколько лет Игорь Вячеславович говорит о неизбежной смерти интеллигенции, грядущем

засилье православного духовенства, отсутствии потребности в существовании интеллигенции у современного общества, нашей косности, проявляющейся, в частности, в нежелании бороться за главенство в системе Интернет, и т. п. Видимо, подобный печальный конец видится из Челябинска и ивановской интеллигентоведческой школы. Но на прощание, в которое всё же не хочется верить, ученый попытался выразить «осторожный оптимизм»: глобализация и технологизация рождает других, новых людей, и даже в нашей аудитории появились три компьютера!

Опубликованный текст еще более оптимистичен: интеллигенция имеет шанс на выживание. Впрочем, при условиях: 1) если между «ключевыми группами интеллигенции» всё же будет сформировано «несколько основополагающих согласованных подходов»; 2) если политическая элита страны, в частности и в провинции, поймет, что ей «более выгодно не враждовать с интеллигенцией, а формировать некоторую согласованную позицию»; 3) если «новая российская интеллигенция», создающая гражданское общество, которое пока во многом носит лишь виртуальный характер, сможет (и захочет?) организовать диалог с «советской интеллигенцией, прошедшей “школу перестройки” и пережившей распад СССР»; 4) если социум заинтересован-таки в сохранении «некоей системы нравственных, культурных, исторических ценностей», а интеллигенция вновь проявит свою «социальную пластичность» и богатый «опыт выживания в условиях катастроф». И всё бы, как всегда, было замечательно и толерантно, не упомяни оратор, столь неосторожно, о Никите Михалкове (в контексте — за ним, якобы, «большинство») и Андрее Макаревиче. Оказывается, подлинный интеллигент должен встать на защиту смаковавшего деликатесы на экране ТВ голодавшей России рок-музыканта, который сегодня обижен на осуждение своей позиции по украинскому вопросу («Поспешность может оказаться роковой!»).

И вот тут началось! И в официальных выступлениях, и в кулуарах, и в неформальном общении тень Макаревича незримо присутствовала в дискуссиях, независимо от того, затрагивалась вообще эта тема или нет. Вопросы «с кем вы, господа (или товарищи — в данном случае это не так важно) интеллигенты?» и «как вы понимаете эту самую толерантность?» требовали ответа:

прямого или завуалированного. Вновь оказалось, что многие невольно добавляют к понятию «толерантность» некий нравственный и, что еще хуже, политический окрас: «до каких пределов» и «для кого». То есть высказал солидарность с «третируемым Россией» украинским народом — толерантно и интеллигентно; осудил эту позицию хотя бы как необъективную — и не то, и не другое. А уж если это осуждение совпало с позицией правительства или «неинтеллигентного» большинства — тут уж впору выходить из игры, ибо никакого оптимизма не напасешься, даже «осторожного»!

Между тем, конференция шла своим чередом: спокойно, взвешенно, научно, весомо, продуктивно. Даже выступление «старожила» ивановского МЦ профессора МГУ *И. В. Купцовой*, в дискуссиях представлявшей обычно «либеральное крыло», удивило своим патриотизмом. Не дублируя опубликованные материалы по модной сегодня проблеме соотношения понятий «интеллигенция» и «креативный класс», она проанализировала позиции русской интеллигенции в годы Первой мировой и Великой Отечественной войн. Отметив некоторые, вполне естественные, отличия и нюансы, Ирина Валентиновна в результате сравнительного анализа сделала вывод: в трудные для своего народа и государства времена русская интеллигенция актуализирует свои лучшие качества и пытается максимально быть полезной своей стране и народу, причем делает это активнее, чем в мирное, спокойное время. Возможно, дело было в том, что сообщение это прозвучало до выступления И. В. Сибирякова, а не после; возможно — в том, что глубины «загадочной русской души» отечественного интеллигента неисчерпаемы, но представленная картина казалась порой даже несколько идеализированной, в частности в аспектах сплоченности и единомыслия всех слоев российской интеллигенции, пусть и в условиях Отечественной войны.

Опубликованный И. В. Купцовой текст не менее интересен, но уже с другой стороны. Говоря о трех основных подходах к определению интеллигенции и не упоминая об относимом к специфике России феноменологическом подходе, автор выделяет четвертый — политологический. Правомерность этого должна стать предметом особого разговора. Мало того, что цитируемый Бердяев подчеркивает, что интеллигенция, в его понимании, «не есть социальный класс», а явление идеалистическое (и это полностью

соответствует определению, названному феноменологическим), но «критическое отношение к власти», выделенное И. В. Купцовой как обязательный атрибут интеллигенции, к тому же роднящее последнюю с креативным классом, автоматически выносит за рамки данного социального строя разделяющих идеологию и деятельность правительства на том или ином историческом этапе людей. И вот Макаревич (извините за прямоту) теперь интеллигент и креативщик, а осуждающие его, увы, нет. Впрочем, в устном выступлении автора опубликованная классификация не использовалась и подобных альтернатив не возникало.

Известный историк культуры и художественной интеллигенции профессор *Е. М. Раскатова* (Ивановский химико-технологический университет), как показалось, попыталась усложнить картину, нарисованную И. В. Купцовой, сняв ее очевидно патристические выводы. В результате выступление выглядело менее концептуально. Наиболее запомнившиеся моменты — это разделение

Дискуссия по поводу доклада доктора исторических наук,
профессора Е. М. Раскатовой

интеллигенции в годы Первой мировой войны на тех, кто понимал, что такое немецкий гений, и на тех, кто участвовал в погроме немецких магазинов, вычеркивал из списков литературы немецких авторов, переименовал Петербург. То же и в памяти о войне, в частности о Великой Отечественной: не всё так однозначно. Впрочем, упоминание в таких случаях фильма «Проверка на дорогах» становится уже таким же филологическим клише, как пресловутая чайка Джонатан. Однако опасения того, что военная тема становится порой не более, чем неким культурным брендом, а также, пусть не в тему, признание безусловного преимущества советских мультфильмов перед любого рода «глобалистской» продукцией в воспитании детей, не могли не вызвать сочувствия аудитории.

Тему культурно-исторического патриотизма интеллигенции на материале конца XX века продолжил **Н. Н. Васильев** (Саратов). Рассматривая это время как годы «излома» общества (переломный период), исследователь изучил периодические и повторяющиеся издания прослеживаемого направления («Отечество», «Памятники Отечества», «Родина», «Наше наследие» и многие другие — столичные и периферийные). Констатировано, что необходимость осмысления культурных достижений предков сохраняется у многих представителей интеллигенции как духовная потребность. Поучительна судьба этих изданий: многие из них в начале нынешнего века оказались закрыты. Причины видятся в том, что процессы глобализации делают патриотизм «не модным», а современные информационные технологии заменяют использование бумажной литературы как малопривлекательное. Возможно, сказалось исчерпание культурно-исторической тематики в масштабах региона. Но выражена уверенность, что исследования и публикации историко-культурной направленности имеют большое цивилизационное и патриотическое значение. Важно находить новые возможности, использовать Интернет, дублируя особо значимые материалы на традиционных носителях, а также правильно расставлять акценты, формируя не узконациональное (этническое), а цивилизационное сознание. Текст в сборнике конференции апеллирует к Данилевскому, Лихачеву, Маяковскому, Петрянову-Соколову, Президенту Путину и содержит предчувствие новых «изломов».

Выступает доктор исторических наук,
профессор И. В. Сибиряков

Философскую «базу» под принципиальное для современного интеллигента понятие толерантности подвел доцент Саратовского госуниверситета **О. В. Шимельфениг**. Даже графически он сумел представить всю сложность общения между мыслящими людьми, подчеркнув, что подлинного понимания между субъектами, говорящими на одном языке, достичь намного труднее, чем в разноязычном общении, ибо в произносимое каждый человек вправе вкладывать свой смысл. Оставь надежду, всяк сюда входящий? Да нет, она, как известно, умирает последней. Тем более, если оказаться «между Платоном и Аристотелем», которые изображены на обложке сборника материалов конференции. Гением Рафаэля один мыслитель указывает на небо как основу Бытия, второй — на землю. В картине «Афинская школа», отмечает философ, представлены свыше пятидесяти фигур, и все они олицетворяют величие и мощь человеческого познания, которому не мешает разобщенность мыслителей в пространстве и времени.

Однако самым важным вопросом сегодня становится не выбор между материализмом и идеализмом, а согласование внутренней рефлексии человека с критической адаптацией к действительности. Вместе со своим постоянным соавтором Л. Я. Солодовниченко Олег Владимирович убежден, что, принимая собственную позицию лишь как одну из возможных, человек всё же должен стремиться к поиску согласованного образа целостного мира. Стратегия такого поиска необходима сейчас человечеству как никогда, и ивановские конференции этому, несомненно, способствуют.

Неизменными и активными участницами практически всех ивановских конференций являются профессор Государственного университета управления (Москва) Эльвира Борисовна Ершова и профессор Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург) Маргарита Ионовна Кондрашёва. *Э. Б. Ершова* рассмотрела проблему «Социокультурная миссия российской интеллигенции во времени». Отмечено, что с ростом числа образованных (по формальному признаку) людей роль их меняется «в сторону уменьшения влияния на общество и на власть». Отчасти это происходит потому, что многие дипломированные специалисты не обладают такими качествами, как вежливость, корректность, доброжелательность, боль за всё, что есть несправедливого в обществе. Социально-культурной миссией людей, причисляющих себя к интеллигенции, является их желание улучшить жизнь общества во всем: в политической и обыденной культуре, профессиональном мастерстве, стремлении как можно больше знать о мире и его устройстве.

Профессор Ершова вновь, как всегда, задала тон не абстрактного теоретизирования, а поиска ответов на животрепещущие вопросы сегодняшнего дня, подчеркивая, что мы не должны навязывать свои позиции, но обязаны объяснять «неправоту тех, кто пытается рушить чужой и свой мир, как внешний, так и внутренний». Вещи названы своими именами: экзальтированные агрессивные формы Майдана для интеллигента не должны быть приемлемы. Толерантность Эльвиры Борисовны связывает с отсутствием высокомерия, вызывающего неприязнь между людьми. Интеллигентность для нее начинается со слов черниговского писателя Николая Славятинского: «Чем выше культура человека, тем он проще», с тех роз, которые раздает своим поклонникам

Инна Чурикова. Ставится вопрос о рассмотрении, а не замалчивании проблем воспитания национальной интеллигенции, причем именно в интернациональном ключе. Ученый последовательно выступает против разрушения отечественной системы образования (ЕГЭ и прочее), связывая с этим процессом и падение роли интеллигенции. Корректность и уважительность по отношению ко всем жителям Земли выше любых навыков тьютора. Именно в сохранении и воспитании этих качеств — главная социально-культурная миссия интеллигенции.

Одна из иногородних основательниц ивановской интеллигентоведческой школы — *М. И. Кондрашёва*, проанализировав пройденный за четверть века путь, считает, что все, кто сотрудничает с НИИ интеллигентоведения Ивановского государственного университета, остались приверженцами вечно актуальной темы «Интеллигенция России — кто она?». За прошедшие годы существенно изменилось содержание и тематика исследований проблем интеллигенции. К новым аспектам она относит такие, как постсоветская интеллигенция, антропологическая траектория ответственности интеллигенции, проблемы взаимосвязи «интеллигент — интеллеktуал» и др. Между тематикой статей, монографий современных исследователей и названиями секций конференции прослеживается явная взаимосвязь.

Влияние ивановских конференций очевидно в работе гуманитариев других городов и регионов России. Так, большой ученый Урала — М. Е. Главацкий посвятил свой труд «История интеллигенции России как исследовательская проблема» 15-летнему юбилею ивановского совета. «Счастлива, что так всё получилось! — заявила коллегам Маргарита Ионовна. — Наверное, мы всё-таки интеллигенция...» Ученый смотрит в будущее ивановского исследовательского центра интеллигентоведов с «высокой и светлой Надеждой».

Профессор Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова *Ф. Х. Соколова* вновь выступает и как теоретик, и как практик высшей школы на Европейском севере России начала XXI века. Вспоминая о последствиях непродуманного свертывания сети дошкольных образовательных учреждений, а затем и средних учебных заведений, автор подчеркивает необходимость сохранения системы высшей школы

и ее квалифицированного профессорско-преподавательского состава. Ученого тревожат тенденции снижения уровня мотивационных целей многих студентов (получение диплома), рост числа безработных с высшим образованием, механизмы торможения в работе высшей школы (бюрократизация системы управления, увеличение нагрузки на преподавателей, что ведет к дефициту времени на научные исследования, слабой привлекательности работы в вузе для молодежи и др.). В своем устном выступлении Флёра Харисовна эмоционально высказалась за поиск правильного соотношения национального и интернационального векторов развития и оценок. Во-первых, может ли считаться интеллигентной позиция «глобализация — любой ценой» в условиях попыток устраивания однополярного мира? И во-вторых, стыдно должно быть за образ российской интеллигенции, складывающийся в программах Владимира Соловьёва. Не базар надо устраивать, а рецепты какие-то людям предлагать. Пора уже рассуждать не об интеллигенции вообще, а индексировать деятельность интеллигента, найти конкретные показатели результативности его деятельности. Впрочем, очевидны и бюрократические опасности этого пути: все видят, к чему привели попытки такого индексирования научной работы — тут только начни...

На ряд базовых идей В. С. Меметова опирался профессор Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского *А. Н. Кураев*. С позиций науковедения он доказал, что интеллигентоведение, безусловно, является дисциплиной научной, поскольку отвечает всем основным критериям исследовательской деятельности. Наука не сводится к сумме знаний, а включает в себя технологию их достижения и организации занятых этим людей. Три основных элемента — ученые, научные знания и теории, научные учреждения — в современном интеллигентоведении присутствуют. У интеллигентоведения есть свой конкретный объект исследования. А. Н. Кураев попытался сформулировать общие закономерности развития интеллигентоведения как науки. Одна из них — интернационализация и глобализация интеллигентоведения и его достижений. По поводу возникшей дискуссии исследователь не без юмора заметил следующее. Во-первых, ненаучная демонизация некоторых, пусть и очень популярных, личностей нетолерантна:

пусть говорят, что хотят, живут, где хотят, но лучше бы им пожить там, где можно увидеть и понять то, о чем они говорят. Во-вторых, кто бы что ни говорил, а сегодня — не худшее время для России: будем работать! И в-третьих, как все гуманитарные науки, интеллигентоведение связано с идеологией. Здесь тоже многое решают деньги. Но не всё.

В. В. Комиссаров (Иваново) не стал отходить от главной темы своих исследований в сфере научной фантастики. Его рассказ об участии в конференции фантастоведения (есть и такое!) вызвал, как писали когда-то в протоколах, «оживление в зале». Однако в целом выступление не вселило оптимизма. Фантастика жива, она по-прежнему выполняет прогностические функции, и прогнозы эти весьма мрачны. Но социального запроса на них нет: фантасты и фантастоведы стали, как и многие другие, закрытой кастой, вещью в себе. История фантастики грешит мистификациями, порой весьма политизированными. Да что фантастика! Люди пользуются результатами двоичной кодировки, не подозревая о ее существовании. Границы между наукой, мифом, искусством, религией, магией — размываются, да и наука подменяется лишь научностью. Потребность в социальной функции науки исчезает. И вот мы уже не знаем, не понимаем, а «чувствуем», что нас загоняют в прошлое, к холодной войне, что политика и не выходила из режима тайной дипломатии. Ибо вызовы есть, они фиксируются весьма успешно, достаточно научно, но адекватного ответа на них нет. Не оказаться бы в положении фантастов и историкам интеллигенции. Но опять же, есть ощущение (чувство!), что мы кому-то нужны — тем же школьникам, студентам. У некоторых из них есть потребность в общении с нами...

Е. А. Аршавская (Москва) остановилась на роли дисциплины «Интеллигентоведение» в учебно-воспитательном процессе вуза. Ученый-педагог полагает, что Россия на рубеже веков оказалась перед выбором: возрождение духовных ценностей или тотальное засилье гламура. Если мы потеряем молодежь, винить будут интеллигенцию. А кто сегодня занимается ее воспитанием? Тот, кто «натаскивает» на ЕГЭ? Тот, кто решил, что в стране не должно быть идеологии? Тот, кто сливает и укрупняет вузы? Изучение проблемы ценностей в студенческой среде дает

довольно мрачную картину. Для чего нужен иностранный язык? Ответы студентов: для обслуживания иностранных туристов. Какие ассоциации вызывает у вас Франция? Германия? Набор превосходных эпитетов. А Россия? Коррупция, нищета, беззаконие, бесперспективность... Свидетельство очевидца: на две недели в нескольких московских кварталах отключилось электричество. В результате без телевизора и компьютера было парализовано всё — прежде всего мысль, какой бы то ни было интеллект. И отключения-то, кроме пострадавших, никто не заметил.

Н. Ю. Кривопалова (Самара) разрабатывает проблему «Интеллигенция 1960-х годов в современном интеллигентоведении». Особое внимание уделяется «шестидесятничеству», отношению интеллигенции этих лет к власти и официальной идеологии, осмыслению роли и места интеллигенции в обществе в связи с научно-технической революцией, особенностям образа жизни и деятельности интеллигенции в изучаемый период. В устном выступлении исследователь остановилась на проблеме историографического статуса публикаций в Интернете. Проанализированы возникающие на этом пути противоречия и проблемы, предложено создать институт электронного депонирования в ИНИОН с возможностями прямого доступа к тексту, но с правом автора последующей публикации в печати.

Р. Т. Москвина (Екатеринбург) нарисовала ужасающую картину репрессий на Урале в 1930-е годы, вновь показав, как опасно хождение интеллигенции во власть, где порой оказываются востребованными отнюдь не интеллигентские свойства личности.

Как всегда, на конференции звучали голоса молодежи. Аспирант **Е. Н. Крякин** (Москва), дебютировавший с темой «Формирование национальной интеллигенции в Москве в 1920—30-е годы», получил столько конкретных советов, что их должно хватить не на одну диссертацию. Появление на столь высоком научном собрании очаровательной студентки-второкурсницы Ивановской государственной медицинской академии **Анастасии Матреничкиной** стало лучом света, способным перечеркнуть любую мрачную картину будущего российской интеллигенции. Дело даже не в том скромном социологическом исследовании, которое она провела среди своих однокурсников,

и не в его результатах. Просто все увидели юного сформировавшегося интеллигента, который убежден, что без изучаемых нами качеств и свойств личности не может быть настоящего врача.

Активное участие в заседаниях конференции приняли *А. Н. Баранов* (Кострома), *Г. А. Будник* (Иваново), *Е. А. Кобелева* (Пермь), *Д. А. Смирнов* (Иваново) и другие ученые и аспиранты.

Неформальное окончание конференции состоялось, по традиции, в Плесе. Порадовались новой набережной, совершили два восхождения «над вечным покоем», отдали дань памяти Левитану и художникам-пейзажистам, материально поддержали местные народные промыслы и музеи, поставили свечи в православном храме, продолжили дискуссии и спели любимые песни. И вот последний аккорд на высоте, над Волгой, в обрамлении золотой осени, у памятника основавшему город русскому князю. Сколько их было, этих завершений за 25 лет! Но такого чувства братского единения наших интеллигентоведов я не припомню.

Те, кто на первый план поставил свои глобалистские озабоченности и финансовые проблемы, до Иванова не доехали, а немногие доехавшие по ряду причин отказались от визита в Плес. И выяснилось, что все мы на финише — люди, далекие от урапатриотизма, разделяющие боли и тревоги, которые ощущает сегодня любой мыслящий россиянин: это носится в воздухе. Но обвинений в отсутствии толерантности мы не принимаем, ибо уважаем полное право Макаревичей и иже с ними (даже в интеллигентоведении!) говорить и петь что угодно, для кого угодно, жить, где они хотят и как хотят. При этом мы уважаем право других людей относиться к этому так, как они считают нужным. Но главное всё-таки в другом.

Главное, что мы вновь, как никогда, ощутили свою верность родной природе, неуклонно делающей свое дело русской культуре, нашей великой Родине, сердцу ее — Золотому кольцу и, извините за пафос, Президенту страны. Светлой капелькой, питающей сегодня реку российского интеллекта, стала очередная конференция, проведенная научной школой под руководством профессора В. С. Меметова.

Какотреагирует на наш труд и его результаты столица — покажет время.

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КВАКИН **1953—2014**

1 ноября 2014 года после тяжелой и продолжительной болезни скончался доктор исторических наук, профессор МГУ, член редакционного совета журнала «Интеллигенция и мир» Андрей Владимирович Квакин.

Андрей Владимирович родился 1 мая 1953 года. Начало его научной деятельности тесно связано с Калининским государственным университетом. Именно там он в 1975 году получил историческое образование, а затем работал ассистентом, старшим преподавателем и доцентом кафедры новой и новейшей истории. Впоследствии Андрей Владимирович сумел проявить свои способности на многих поприщах: он был доцентом и профессором Волгоградского госуниверситета, заведовал кафедрой новой и новейшей истории в Тверском университете, руководил Сектором истории культуры Российского Зарубежья Российского института культурологии РАН и МК РФ, работал профессором кафедры истории Российского государства ведущего вуза страны — Московского государственного университета.

Большую роль в формировании научных интересов А. В. Квакина сыграл профессор В. В. Комин. Именно под его руководством Андрей Владимирович начал исследование проблем истории российской интеллигенции в разрезе участия ее представителей в антибольшевистских партиях и течениях, в том числе в Белой эмиграции. Изыскания по этой проблеме завершились в 1981 году защитой кандидатской диссертации по истории сложного общественно-политического движения российской интеллигенции на территории России и в эмиграции — «сменовеховства». Работа молодого ученого привлекла внимание ведущего тогда советского исследователя интеллигенции С. А. Федюкина. По его рекомендации А. В. Квакин продолжил изучение идейно-политических процессов в среде отечественной интеллигенции, связавшей себя с антибольшевистским партийно-политическим лагерем. Результатом этого исследования стали монография

и докторская диссертация «Идейно-политическая дифференциация российской интеллигенции в условиях провозглашения “новой экономической политики” 1920-х годов». В 1990-е годы интерес ученого сосредоточился на изучении истории судеб интеллигенции через ее повседневность, особенно в эмиграции.

Значительное внимание исследователь уделил рассмотрению эмигрантской интеллигенции как важной неразрывной части отечественных интеллектуалов. В этом контексте дальнейшее развитие получили взгляды В. В. Комина о взаимовлиянии идей и настроений интеллигенции Советской России и Российского Зарубежья в 1920-е, и даже в 1930-е годы. В результате данной работы в отечественную историографию введено понятие «культурно-миграционная система», были выявлены место и роль российской интеллигенции в формировании этой системы.

В сфере научных интересов А. В. Квакина оказались и изыскания в области проблем истории повседневности отечественной интеллигенции через изучение ее быта и нравов в соответствии с социокультурными подходами Ю. М. Лотмана. В рамках этого направления был исследован широкий спектр документов личного происхождения, что позволило говорить не только об официальных проявлениях поведения интеллигенции в различных исторических ситуациях, но и определить доминирующие факторы ее поведения в конкретной социокультурной обстановке.

Незаурядная работоспособность ученого позволила А. В. Квакину опубликовать более 100 работ, в том числе монографии: «Октябрьская революция и идейно-политическое размежевание российской интеллигенции: теоретико-методологические, источниковедческие, историографические аспекты» (Саратов, 1989); «Идейно-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа, 1921—1927» (Саратов, 1991); «Общее и особенное в положении российской диаспоры первой волны» (Тверь, 1992); «Российская интеллигенция и “первая волна” эмиграции» (Тверь, 1994). Результаты исследовательской деятельности А. В. Квакина были отмечены и научной общественностью. Он стал лауреатом конкурсов Российского государственного научного фонда, Московского научного фонда, Института «Открытое общество», Фонда Сороса, Фонда Фулбрайта.

Не можем не заметить, что Андрей Владимирович давно и тесно сотрудничал с Межвузовским центром проблем интеллигенции при Ивановском госуниверситете, а затем НИИ интеллигентоведения, являлся членом Проблемного совета «Интеллигенция. Культура. Власть». Он был непререкаемым участником ежегодных научно-теоретических конференций, проводимых в Иванове более двух десятилетий. Идеи А. В. Квакина всегда вызывали живой интерес среди ивановских интеллигентоведов, а его публикации становились основой для плодотворных дискуссий.

Коллектив НИИ интеллигентоведения Ивановского государственного университета, редколлегии Российского междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир», а также интеллигентоведы многих вузов РФ выражают глубокие, искренние соболезнования коллегам, родным и близким Андрея Владимировича Квакина. Память о нем навсегда останется в наших сердцах.

ВАЛЕРИЙ СТЕПАНОВИЧ ВОЛКОВ
1938—2014

В ночь на 9 декабря 2014 года после продолжительной и тяжелой болезни перестало биться сердце доктора исторических наук, профессора РГПУ имени А. И. Герцена, заслуженного работника культуры российской Федерации, члена редакционного совета журнала «Интеллигенция и мир» Валерия Степановича Волкова.

Он родился в 1938 году в крестьянской семье. Вся научная и педагогическая деятельность Валерия Степановича была связана с одним из ведущих педагогических вузов страны — Ленинградским педагогическим институтом, ныне носящим название Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Не лишним будет напомнить, что это учебное заведение фактически берет свое начало от Петербургского воспитательного дома, учрежденного императором Павлом I в конце XVIII века. В 1918 году на базе воспитательного дома возник Третий Петроградский педагогический институт, выросший впоследствии в РГПУ. Работа в подобном вузе уже сама по себе является признаком высокой научной и педагогической квалификации. Именно в его рамках Валерий Степанович подготовил и защитил сначала кандидатскую, потом докторскую диссертацию, а затем в течение длительного времени руководил кафедрой истории КПСС. Тем не менее, он изначально ориентировался на изучение интеллигенции. В этом плане Валерий Степанович был не одинок, многие современные интеллигентоведы начинали в рамках истории КПСС, научного коммунизма и других общественных дисциплин советского периода.

Несмотря на тяжелую болезнь до последних дней он работал над биографиями советских интеллигентов — педагогов высшей школы и организаторов педагогического образования в СССР. В 2007 году в издательстве РГПУ вышла монография Валерия Степановича, посвященная жизни и деятельности первого ректора Третьего педагогического института А. П. Пинкевича. В этой работе автор продолжил самые лучшие традиции интеллигентоведческих исследований: в оригинальной форме живым языком он излагает достаточно сложный материал. Книга рисует биографию

неординарного и в чем-то не однозначного персонажа на фоне трагичной и противоречивой эпохи (см.: *Меметов В. С., Садина С. С. Интеллигенты-герценовцы — мост через столетие // Интеллигенция и мир. 2008. № 3. С. 125—137*). Всего Валерий Степанович подготовил и опубликовал свыше 170 научных работ.

В. С. Волков проявил себя как незаурядный педагог. Под его научным руководством было защищено 27 кандидатских диссертаций, он был консультантом при подготовке 5 докторов наук.

Следует отметить, что многие ивановские историки лично знали Валерия Степановича. Главный редактор журнала «Интеллигенция и мир» В. С. Меметов имел честь знакомства с ним с первой половины 1980-х годов. Это общение вылилось в тесное сотрудничество в рамках как ивановских, так петербургских интеллигентоведческих конференций. Другие интеллигентоведы города Иваново узнали Валерия Степановича в ходе ежегодных конференций или на заседаниях диссертационного совета ИвГУ, на котором он выступал официальным оппонентом при защите ряда работ. Все согласны с тем, что В. С. Волков был не только интересным и самобытным исследователем интеллигенции, но и носителем самых лучших качеств подлинного интеллигента. Валерия Степановича отличали тактичность в общении, порядочность в отношениях, острота ума в анализе, точность формулировок в изложении, правдивость в изучении, тщательность и добросовестность в подборе фактов.

Коллектив НИИ интеллигентоведения Ивановского государственного университета, редколлегии Российского междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир», а также интеллигентоведы ивановских вузов и многих вузов РФ выражают глубокие, искренние соболезнования коллегам, родным и близким Валерия Степановича Волкова.

Долгие годы В. С. Волков был нашим активным автором, корреспондентом и единомышленником в деле изучения истории российской интеллигенции. Его творческое наследие, объективность и принципиальность, верность высоким идеалам любви к Отечеству станут основой дальнейших исследований новых поколений интеллигентоведов.

Память о нашем друге и соратнике — Валерии Степановиче Волкове — навсегда останется в наших сердцах.

АННОТАЦИИ

Балдин К. Е. Педагогическая интеллигенция в провинциальном городе на рубеже XIX—XX веков (На примере города Иваново-Вознесенска)

Ключевые понятия: интеллигенция, Иваново-Вознесенск, земские училища, городские училища, начальное образование, просветительная работа, гражданское общество.

Рассматривается численность, состав, положение и деятельность педагогов городских приходских и земских школ в городе Иваново-Вознесенске в конце XIX — начале XX в. Приводятся примеры самоотверженной работы провинциального учительства и отмечается его роль в формировании элементов гражданского общества.

Золотарёв О. В. Советский Союз в 1930-е годы: поворот в идеологии и историческое образование

Ключевые понятия: патриотическое воспитание, историческое образование, школа, учитель, политика.

Анализируются причины перехода в 1930-е гг. в Советском Союзе к национально-патриотической идеологии, влияние этого поворота на советскую образовательную систему. Рассматриваются перемены в сфере исторического образования, вскрываются причины данных изменений.

Околотин В. С. Обоснование перехода от планового продуктообмена к «свободной» государственной торговле в исследованиях научной интеллигенции (1933—1936)

Ключевые понятия: продуктообмен, «свободная» государственная торговля, финансовый план, финансовая программа, бюджет, налоговая практика, налоговотворчество, товарооборот, реорганизация НКФ СССР.

Рассматривается содержание и специфика научных дискуссий по проблемам налоговой практики исследуемого периода, результаты их воплощения в нормах права и организационно-управленческих решениях. Определяется адекватность мер, принимавшихся НКФ СССР при выполнении государственных установок в условиях изменения формы построения плановой экономики.

Курасов С. А., Петровичева Е. М. Повседневность провинциальных вузов в 40-е годы XX века (На примере Владимирской области)

Ключевые понятия: повседневность, учительские институты, пространство, темпоральная структура, атрибуты повседневности, высшее образование.

Исследуются проблемы повседневности провинциальных вузов в 1940-е гг. На примере учительских институтов Владимирской области рассмотрены границы обыденной жизни и их изменения в макроисторическом контексте. Анализ пространственно-временной структуры жизни вуза и различных социальных практик отражает как традиционные для высшего образования конструкты повседневности, так и реалии советского общества 40-х гг. XX в., характеризующиеся активным участием государства в обыденной жизни своих граждан.

Емельянов А. А. Рифмованный сленг интеллигенции Великобритании

Ключевые понятия: рифмованный сленг, рифма, британская интеллигенция.

Предпринимается попытка обозначить рифмованный сленг британской интеллигенции как особую разновидность рифмованного сленга, выявить истоки его появления, а также проанализировать некоторые характерные особенности, присущие данной языковой реалии.

Захарова О. В., Лапшина И. К. Зимулина Лидия Александровна: штрихи к портрету российского историка-интеллектуала

Ключевые понятия: Л. А. Зимулина, ученый-историк, преподаватель высшей школы, научная интеллигенция, историк-интеллектуал, нравственность, честь.

Затрагиваются проблемы сохранения научной и педагогической преемственности между поколениями. Особое внимание уделяется рассмотрению творческого пути и педагогической деятельности Л. А. Зимулиной — историка-интеллектуала, работника высшей школы, видного специалиста в области англоведения.

Смирнов Д. А. «...Как из подожженного магниевых порошка»: прошлое на моментальном снимке в руках интеллектуала

Ключевые понятия: Вальтер Беньямин, критический метод, интеллектуальная история, город конца XIX — начала XX в.

Рассматривается стремление немецкого мыслителя Вальтера Беньямина преодолеть недостатки линейного воспроизведения прошлого через утверждение «момента воспоминания», методология которого сравнима с технологией моментального снимка в фотографии. Именно умение «поджигать магниевый порошок» и критический анализ зафиксированного помогли Беньямину в создании «Берлинской хроники» с ее образом буржуазного города конца XIX — начала XX в.

Корнев С. А., Данилов А. А. Одиночество интеллигенции: страх утраты субъектности

Ключевые понятия: российская интеллигенция, психологический кризис, проблема одиночества, утрата субъектности, «внутренняя эмиграция».

Анализируется феномен одиночества интеллигенции в условиях кризиса как один из факторов, который может способствовать возникновению и усилению переживания социальных страхов. Проведен анализ некоторых личностных особенностей с точки зрения их влияния на формирование страха утраты субъектности.

Кольчугина Ю. Ю. Аналитические центры и эксперты как интеллектуальный ресурс в истории политических сетей в 2000-е годы

Ключевые понятия: интеллектуальный ресурс, аналитические центры, эксперты, история политических сетей.

Предпринята попытка рассмотрения аналитических центров и экспертов как интеллектуального ресурса применительно к истории политических сетей. В качестве примера проанализировано использование интеллектуального ресурса в политических сетях, сложившихся в энергетической политике России в области экспорта газа. Делается вывод, что политические сети не используют интеллектуальный ресурс аналитических центров и экспертов в своей деятельности, что отрицательно сказывается на результатах сетевого взаимодействия.

Клюквин М. А. Корейская интеллигенция накануне раскола страны

Ключевые понятия: корейская интеллигенция, раскол Кореи, коллаборационисты, государственное устройство, опека.

Рассматривается деятельность корейской интеллигенции в годы японской оккупации и после окончания Второй мировой войны. Анализируются причины разделения Кореи на две самостоятельные части.

Порозов В. А. Четверть века вместе. XXV Международная научная интеллигентоведческая конференция в Иваново

Ключевые понятия: интеллигенция, интеллектуалы, интеллигентоведение, научно-теоретические конференции, ивановская школа изучения интеллигенции.

Освещается работа международной научно-теоретической конференции «Интеллигентоведение: теория, методология и социокультурная практика». Анализируются основные доклады, прозвучавшие на пленарном заседании, и неформальные споры в кулуарах конференции. Подводится итог 25-летнего развития интеллигентоведческих исследований в Ивановском государственном университете.

ANNOTATIONS

Baldin K. E. Pedagogical intelligentsia in a country town at the boundary of the 19th and the 20th centuries (the example of the town of Ivanovo-Voznesensk)

Key notions: intelligentsia, Ivanovo-Voznesensk, territorial schools, town schools, primary education, educational work, civil society.

The article shows the quantity, structure, position and activity of teachers of town parish and territorial schools in the town of Ivanovo-Voznesensk at the end of the 19th — the beginning of the 20th century. Shown are the examples of dedicated work of a provincial teachers and their role in the formation of elements of civil society.

Zolotaryov O. V. The Soviet Union in the 1930-s: the turn in ideologies and historical education

Key notions: patriotic education, historical education, school, teacher, policy.

Analyzed are the reasons of the transition in the 1930-s in the Soviet Union to the national-patriotic ideology, the influence of this turn on the Soviet educational system. The article shows the changes in the sphere of historical education and reveals the reasons of these changes.

Okolotin V. S. Justification of transition from planned product exchange to the «free» state trade in the research work of the scientific intelligentsia (1933—1936)

Key notions: product exchange, «free» state trade, financial plan, financial program, budget, tax practice, taxation, commodity turnover, reorganization of People's Commissariat of Finance of the USSR.

The article is devoted to the consideration of the contents and specifics of scientific discussions on problems of tax practice of the period under study, results of their embodiment in rules of law and organizational and administrative decisions. Defined is the adequacy of the measures taken by People's Commissariat of Finance of the USSR when performing the state arrangements under conditions of planned economy construction form change.

Kurasov S. A., Petrovicheva E. M. Everyday routine of provincial higher education institutions in the 40-s of the 20th century (the example of the Vladimir region)

Key notions: everyday routine, teachers' institutes, space, temporal structure, attributes of daily routine, the higher education.

The article is devoted to problems of everyday life of provincial higher education institutions in the 1940-s. On the example of teachers' institutes of the Vladimir region the borders of ordinary life and their change in a macro-historical context are analyzed. The analysis of space and time structure of the life of higher education institution and of various social practices reflects constructs of daily life that were traditional for the higher education as well as realities of the Soviet society of the 40-s of the 20th century which were characterized by active participation of the state in ordinary life of the citizens.

Emelyanov A. A. Rhyming slang of the British intelligentsia

Key notions: rhyming slang, upper class rhyming slang, rhyme, British intelligentsia.

The work makes an attempt to designate rhyming slang of the British intelligentsia as a special kind of rhyming slang, to track roots of its emergence as well as to analyze some features that are typical of this language phenomenon.

Zakharova O. V., Lapshina I. K. Zimulina Lidiya Aleksandrovna: traits to a portrait of the Russian historian and intellectual

Key notions: L. A. Zimulina, scholar-historian, a university lecturer, scientific intelligentsia, historian and intellectual, moral, honour.

The authors of the article touch upon the problem of maintaining scientific and pedagogical continuity between generations. Researchers pay special attention to consideration of a career and pedagogical activities of Zimulina L. A., a historian and intellectual, a university lecturer, a prominent expert in the field of English studies.

Smirnov D. A. «...Setting fire to magnesium powder»: the past in an instant picture in the hands of an intellectual

Key notions: Walter Benjamin, a critical method, intellectual history, the city at the end of the 19th — the beginning of the 20th centuries.

The article shows the attempts of the German thinker Walter Benjamin to overcome shortcomings of linear reproduction of the past through

the statement of «the recall moment», methodology of which is comparable with technology of an instant picture in the photo. It was the ability «to set fire to magnesium powder» and the critical analysis of the recorded that helped Benjamin with creation of «The Berlin chronicle» with its image of the bourgeois city of the end of the 19th — the beginning of the 20th centuries.

Kornev S. A., Danilov A. A. Loneliness of intelligentsia: fear of subjectness loss

Key notions: Russian intelligentsia and psychological crisis, problem of loneliness, loss of subjectness, «internal emigration» of intelligentsia.

The article shows the phenomenon of loneliness of intelligentsia under the conditions of crisis as one of the factors which can promote appearance and strengthening of social fears experience. The analysis of some personal features from the point of view of their influence on formation of fear of subjectivity loss is carried out. The article analyses some personal traits with a view of their possible influence on loss of subjectness fear creation.

Kolchugina Y. Y. Analytical centers and experts as an intellectual resource in the history of political networks in the beginning of the XXI century

Key notions: intellectual resource, analytical centres, experts, history of political networks.

The article makes an attempt to view analytical centres and experts as intellectual resource in relation to history of political networks. The use of an intellectual resource in the political networks which was developed in the power policy of Russia in the field of gas export is analysed as an example. The author comes to the conclusion that political networks do not use intellectual resource of analytical centres and experts in their activity that has a negative effect on results of network interaction.

Klyukvin M. A. Korean intelligentsia on the eve of the split of the country

Key notions: Korean intelligentsia, split of Korea, collaborators, state system, guardianship.

In the years of Japanese occupation the Korean intelligentsia which did not support the existing political machinery became the active spokesman of independent Korea concept. After the end of World War II the Korean leaders faced the problem of choosing the way of development of the coun-

try. However, intelligentsia which was non-uniform in its aspirations could not be consolidated. As a result the liberated Korea was taken under guardianship by representatives of the USSR and the USA and was divided into two parts in which the creation of independent state control systems began.

Porozov V. A. Being together for a quarter of the century. The 25th International scientific conference of intelligentsia studies in Ivanovo

Key notions: intelligentsia, intellectuals, intelligentsia studies, scientific-theoretical conferences, Ivanovo school of studying intelligentsia.

The article narrates about the international scientific-theoretical conference «Intelligentsia studies: theory, methodology and socio-cultural practice». The main plenary session presentations as well as informal disputes and discussions are analysed. The article makes attempt at summarising the main achievements of 25 years of research in intelligentsia studies at Ivanovo State University.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.ceeol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2015 № 1

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин, Т. Б. Земскова*

Дата выхода в свет 26.03.2015 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 8,8. Уч.-изд. л. 7,35. Тираж 100 экз.
Заказ № 82. Цена свободная

Адрес редакции (издателя): 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00 E-mail: vs_memetov@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

